

К. Шопотов
СТРАНИЦЫ
МОРСКОЙ
СЛАВЫ

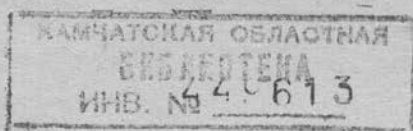
u

449613

Крестовский
г. Д.

Ур

Дальневосточное книжное издательство
Владивосток
1975

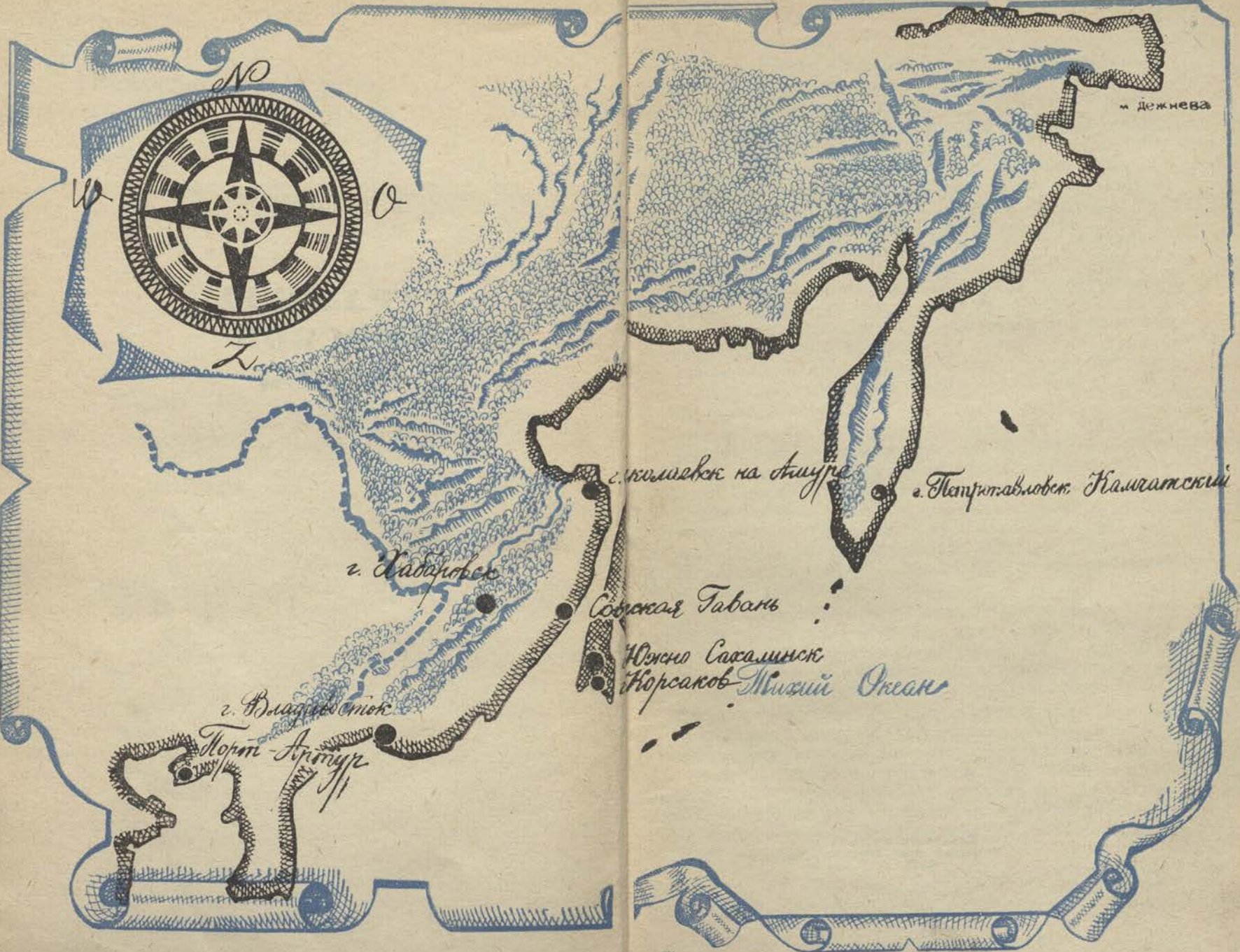

К

9 (0) 27
479

К. ШОПОТОВ

**СТРАНИЦЫ
МОРСКОЙ
СЛАВЫ**

г. Хабаровск

г. Владивосток
Порт Антур

Совская Гавань

Южно Сахалинск
Корсаков

г. Камешевск на Амуре

г. Петропавловск Камчатский

Морской Океан

Дальневосточное
Книжное издательство
1975

Предисловие От Берингова пролива до залива Посыета на семнадцать тысяч километров протянулась морская граница Советского Союза на Дальнем Востоке.

Советский Дальний Восток — это искони наша земля, открытая и освоенная русскими людьми. Впервые русские люди появились на берегах Тихого океана в середине XVII века. Имена отважных русских мореплавателей Дежнева, Беринга, Чирикова, Головнина, Лазарева, Невельского, Макарова и многих других навсегда вошли в историю освоения Дальнего Востока. «На утлых кораблях совершали ученые-моряки свои смелые путешествия и, пересекая моря и океаны по разным направлениям, отыскивали и изучали новые, еще неизвестные страны. Да послужат труды этих исследователей драгоценным заветом дедов своим внукам и да найдут в них грядущие поколения наших моряков пример служения науке», — писал русский флотоводец и ученый адмирал С. О. Макаров.

Русские моряки не раз с оружием в руках отстаивали дальневосточные рубежи страны. Яркой страницей в историю русского военно-морского флота вошла битва за оборону Петропавловска-на-Камчатке во время Крымской войны 1853—1856 гг. Из поколения в поколение будет передаваться слава героев «Варяга», «Корейца», миноносца «Стерегущий» и крейсера «Новик», участников революционных событий 1906 и 1917 гг., борцов за Советскую власть в годы интервенции.

Грянула Отечественная война, и тысячи героев-тихоокеанцев встали на защиту Родины. Бессмертным мужеством моряки-тихоокеанцы прославили себя при освобождении Сахалина и Курильских островов от японских милитаристов, при разгроме Квантунской армии.

Об этих страницах истории, о памятниках морской славы Дальнего Востока рассказывает в своей книге моряк-подводник, капитан 1-го ранга Константин Антонович Шопотов. Нет сомнения в том, что книга эта, выпускаемая к 30-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне, представит интерес для читателей и будет полезна в деле воспитания военной и гражданской молодежи.

*Герой Советского Союза
вице-адмирал Г. И. ЩЕДРИН.*

Великое географическое открытие

Зачинателями морской славы Дальнего Востока явились сибирские казаки-землепроходцы и воины, хлебопашцы и отважные мореходы. И среди них выдающееся место занимает Семен Иванович Дежнев.

Семен Дежнев родился в деревне Осиновской Волжско-Пинежской волости Двинского уезда (согласно последним исследованиям историка М. И. Белова). В ранней молодости вместе с другими вольными людьми пошел искать счастья в Сибирь, где сначала нес государеву службу в Тобольске, а затем в Енисейске.

В 1638 году в составе отряда казаков под командой Петра Бекетова Дежнев прибыл в Якутск, заложенный Петром Бекетовым пять лет назад. Служба проходила в постоянных походах казаков по сбору ясака у местных жителей.

Дежнев побывал на реках Тату и Амга, вместе с Дмитрием Зыряном ходил на реку Яна. Затем с Михаилом Стадухиным — на Оймякон. Отсюда казаки перешли на реку Мому, а в июне 1643 года по Индигирке на коче вышли в Северный Ледовитый океан. Морем прошли в устье реки Алазеи, где соединились с отрядом Зыряна.

Летом 1644 года кочи отряда вошли в устье реки Ко-

лымы. Здесь на Стадухинской протоке казаки поставили зимовье, положившее начало Нижнеколымскому острогу.

Обосновавшиеся в Нижнеколымске казаки много слышали о богатой соболем реке Анадырь.

Летом 1647 года небольшой отряд казаков с участием Семена Дежнева попытался отыскать путь к реке Анадырь морем. Но не смогли пробиться сквозь льды и к осени вернулись назад. Началась подготовка к новой экспедиции. Решили идти на шести кочах — судах длиною 18—19 метров и шириной до 4,5 метра. Вместе с командой в 10—15 человек на коче могло разместиться до 50 пассажиров.

20 июня 1648 года экспедиция под руководством Семена Дежнева и промышленника Федота Попова вышла из Нижнеколымска в море. К ним самовольно присоединился седьмой коч Герасима Акундинова с ватагой «воровских людей». Экспедиция насчитывала теперь девятно человек.

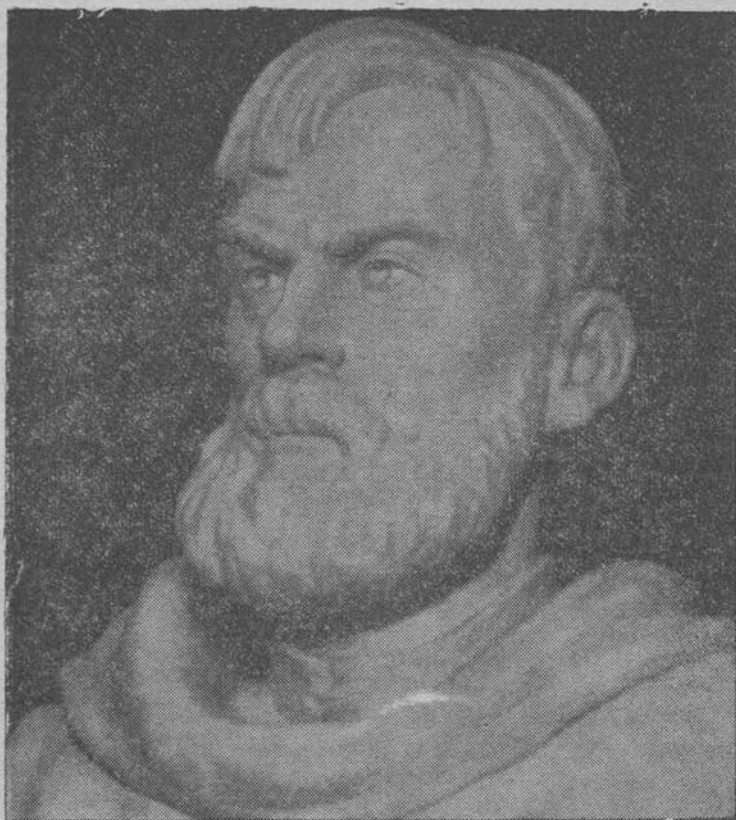
Используя благоприятную ледовую обстановку, кочи, подняв паруса и подгоняемые попутным ветром, продвигались вдоль сибирского берега все дальше и дальше на восток.

За Шелагинским мысом экспедицию настиг жестокий шторм. Два коча выбросило на берег. Дежнев попытался помочь товарищам, но мелководье заставило его отойти мористее. Как узнал пришедший сюда через год Стадухин, местные чукчи убили всех потерпевших бедствие казаков. Пять оставшихся кочей упорно продолжали движение на восток...

Через два с половиной месяца достигли крайней оконечности Азии, названной Дежневым Большим Каменным Носом и известную теперь как мыс Дежнева. Дежнев первым дал его описание.

«Большой Каменный нос, — пишет он, — вышел в море гораздо далеко, а живут на нем чукчи добре много, против того же носу на островах живут люди, называют их зубатыми, потому что проникают они сквозь губу по два зуба немалых костяных».

Около 20 сентября только три коча — Дежнева, Попова и Акундинова — обогнули мыс, два других оторвались, и судьба их неизвестна. Вскоре разбило коч Акундинова. Команда перешла к Попову. Два оставшихся судна достигли Тихого океана. Великое открытие было

Семен Иванович Дежнев

совершенно: Дежнев с товарищами прошел из Северного Ледовитого океана в Тихий, доказав тем самым, что Азия разделена с Америкой проливом.

Погода не благоприятствовала путешественникам, и вскоре суда разметал шторм. Коч Попова понесло к берегам Камчатки, а коч Дежнева 1 октября выбросило на берег в районе Олюторского залива.

С 24 товарищами Дежнев направился пешком вдоль берега снова на север в поисках реки Анадырь.

Семьдесят суток по бездорожью, в тяжелейших зимних условиях вел Дежнев людей к намеченной цели.

«И шли мы, — писал он, — все в гору, сами пути себе не знаем, холодны и голодны, наги и босы... и попали на Анадырь-реку близко моря...»

Первую зимовку перенесли не все. Весной оставшиеся в живых 13 человек на самодельных лодках поднялись вверх по реке Анадырь и в 500 километрах от устья на небольшом островке построили Анадырский острог. Отсюда и пошло дальнейшее освоение Чукотки...

Соболей на Анадыре было немного, но зато в устье реки Дежнев обнаружил большое моржовое кладбище, на берегу нашли много «заморного зуба» — клыки умерших моржей.

Когда на острове скопилось много пушнины и моржовой кости, Дежнев сдал свои дела и обязанности «приказчика» (управляющего) Анадырского острога и в 1660 году с группой промышленников через Анюйский хребет отправился со своим драгоценным грузом в оставленный 12 лет назад Нижнеколымск. Добирались год. Перезимовав, отправились в Якутск. Весной 1662 года после двадцатилетнего отсутствия возвратился Дежнев в Якутск со 150 пудами моржовой кости.

В Якутской казне не хватало денег, чтобы рассчитаться с Дежневым, и его отправили со своим грузом для полного расчета в Москву, где он был «поверстан за кровь и раны, и за ясачную прибыль» в атаманы.

Вернувшись из Москвы, Дежнев служил в зимовьях на реках Оленек, Вилюй и Яна. В 1671 году Дежнев снова приехал в Москву, но уже с «соболиной казной». Назад уже не вернулся. В конце 1672 года он заболел и умер в Москве.

В Якутске Дежнев составил подробный отчет о своем путешествии и вручил его якутскому воеводе, однако тот не передал эти документы в Москву. В результате великое открытие Дежнева не было известно науке еще целый век. В 1736 году историограф Г. Ф. Миллер обнаружил в Якутске в архиве воеводской канцелярии донесения Дежнева, и на их основе Петербургская академия наук в 1758 году опубликовала первое сообщение о походе Семена Ивановича Дежнева.

В 1896 году по решению Русского географического общества Большой Каменный Нос был переименован в мыс Дежнева.

В 1910 году моряки военного транспорта «Шилка» на

мысе Дежнева установили в честь выдающегося русского морехода деревянный крест и укрепили на нем медную плиту с надписью на русском и английском языках:

Памяти Дежнева

*Крест сей воздвигнутъ въ присутствіи
Приамурскаго Генералъ Губернатора
Генерала Унтербергеръ командою воен-
наго транспорта «Шилка» подъ руко-
водствомъ командира, капитана 2-го
ранга Пелль и офицеров судна
1 сентября 1910 года*

*Мореплаватели приглашаются
поддерживать этотъ памятникъ.*

Крест этот сохранился до наших дней. А летом 1956 года рядом с крестом в четырехстах метрах от эскимосского селения установили маяк-памятник Семenu Дежневу. Созданный под руководством архитектора Б. К. Семененко, он представляет собой облицованную мраморной крошкой четырехгранную башню-obelisk с мемориальной доской и бронзовым бюстом Дежнева.

Соединяется ли Азия с Америкой, или они разделены проливом? Возможно ли плавание из Европы в Тихий океан вдоль северных берегов Сибири? Где расположена Америка, и как далеко она от Камчатских берегов? — вот три географические проблемы, которые задумал разрешить Петр I. За три недели до своей смерти он собственноручно написал инструкцию начальнику экспедиции, учрежденную указом в декабре 1725 года:

«1. Надлежит на Камчатке или в другом там месте сделать один или два бота с палубами.

2. На оных ботах возле земли, которая идет на Норд и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки.

3. И для того искать, где она сошлась с Америкой: и чтоб доехать до какого города Европейских владений, или ежели увидят какой корабль Европейской, проведать от него, как оной кюст называют, и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюды».

Начальником экспедиции Петр I назначил капитана флота Беринга, а его помощниками — лейтенантов

А. И. Чирикова и И. П. Шпанберга. В состав экспедиции вошло 60 человек нижних чинов.

Витус Ионнсен Беринг родился в 1681 году в Дании в городе Хорсенсе. С юношеских лет связал он жизнь с морем. На голландском корабле совершил плавание в Ост-Индию, а по возвращении из плавания в 1703 году был приглашен Петром I на службу поручиком в молодой Балтийский флот. Всю свою последующую жизнь Беринг отдал своей новой Родине — России. Он был участником Азовского похода Петра, строил на острове Котлин будущий Кронштадт, затем участвовал в Северной войне. С 1721 года в чине капитана II ранга Беринг командовал шестидесятипушечным кораблем «Марльбург». Через три года по неизвестным причинам вышел в отставку, но был возвращен царем на флот, произведен в капитаны I ранга и утвержден командиром крупнейшего в России девяностопушечного корабля «Лесное».

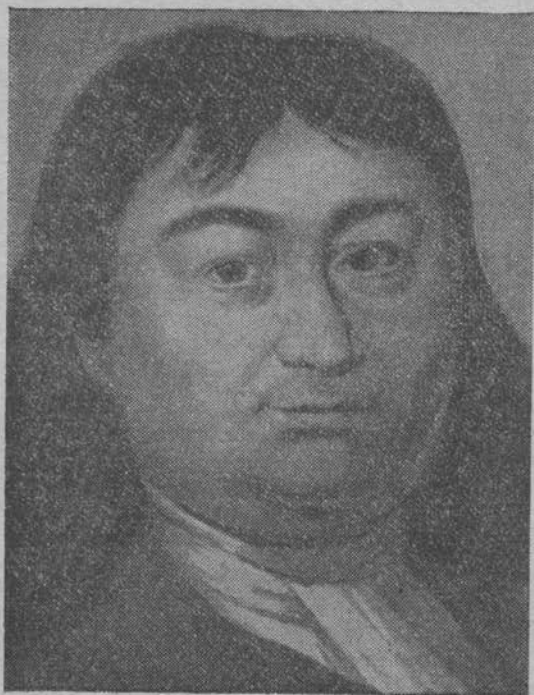
Ближайший помощник начальника экспедиции Алексей Ильич Чириков был одним из образованнейших морских офицеров того времени и к моменту назначения являлся преподавателем навигации в Морской академии.

5 февраля 1725 года экспедиция, получившая название Первой Камчатской, выехала из Петербурга и в марте прибыла в Тобольск. Далее на дощаниках и лодках Иртышом и Обью добрались до Маковского острога, а затем посуху — до Енисейска. Снова на дощаниках по Енисею добрались до Илимска, где и зазимовали.

Весной 1726 года, перевалив водораздел, вышли на Лену у селения Усть-Кут. В июне на судах пришли в Якутск. Отсюда первый отряд, возглавляемый Берингом, к октябрю добрался до Охотска. Тысячеверстный путь по бездорожью был настолько тяжел, что 267 лошадей пали в дороге. Из ста нарт отряда Шпанберга только 40 достигли Охотска в январе 1727 года. «Идучи путем, — пишет Беринг, — оголодала вся команда и от такого голоду ели лошадиное мертвое мясо, сумы сыромятные и всякие сырые кожи, платье и обувь кожаные». Многие в дороге погибли.

Охотск к тому времени состоял всего из десятка дворов. Команде пришлось строить избы, амбары, суда. К сентябрю экспедиция перешла в Большерецк, а затем на камчадалских собаках добрались до Нижнекамчатска, где построили небольшое судно «Святой Гавриил».

13 июля 1728 года вышли в море на «Святом Гаврииле» и взяли курс на север. Пройдя устье Анадыря, открыли губу, названную Берингом губой Святого Креста, 8 августа впервые встретили чукчей, а через два дня открыли остров, названный именем Святого Лаврентия.

Витус Ионнсен Беринг

13 августа, находясь в широте $65^{\circ} 30'$, а это практически середина пролива, носящего ныне имя Беринга, начальник экспедиции собрал совет для решения вопроса, как плыть дальше. Шпанберг предложил трое суток идти на север, а затем повернуть назад. Чириков же предложил идти до устья реки Колымы и тем самым доказать существование пролива. Это было бесспорно правильное и грамотное предложение, но Беринг принял предложение Шпанберга... Через трое суток «Святой

Гавриил» оказался в Чукотском море. Пролив остался далеко позади, но мореплаватели не знали этого, так как не видели ни американского берега, ни поворота азиатского материка на запад.

Решив, что задача выполнена, Беринг приказал повернуть назад. В донесении он так обосновывает свое решение:

«...понеже земля более к северу не простирается, а к Чукотскому или Восточному углу земли никакой не подошло, и возвратился». На обратном пути открыли остров Диомида (впоследствии выяснилось, что здесь два острова и скала).

1 сентября подошли к устью реки Камчатки и остались на зимовку в Нижнекамчатске. В июне 1729 года пытались пройти к Америке, следуя от реки Камчатки на восток. Но через три дня плавания из-за сильных штормов и туманов Беринг отказался от мероприятия и повернул обратно. Обошли мыс Лопатка и после короткого захода в Большерецк 23 июля пришли в Охотск. А 1 марта 1730 года Беринг был в Петербурге.

Адмиралтейств-коллегия осталась недовольна результатами Первой Камчатской экспедиции и тем, что не было предоставлено достаточных доказательств существования пролива.

Кроме того, ожидали сведений о Большой земле на востоке от Камчатки, но и их у Беринга не было. Хотя экспедиция и не решила окончательно вопрос о существовании пролива между Америкой и Азией, ее географические открытия и богатый этнографический материал имели большое научное значение. Поэтому Адмиралтейств-коллегия приняла от Беринга проект новой, более обширной экспедиции: «О мерах к устройству Охотского края и Камчатки, о проведывании пути к Америке и Японии для учреждения с оными странами торговли и о проведывании северного берега Российской империи между Обью и Леной».

На основе его проекта Адмиралтейств-коллегия разработала грандиозный план Большой Северной экспедиции и обособившейся затем Второй Камчатской экспедиции.

План работы экспедиции предусматривал найти путь с Камчатки в Америку, из Охотска в Японию, из Оби в Лену, определить и нанести на карту государственные

границы от Белого моря до Японского. В 1732 году последовал указ о снаряжении экспедиции. Начальником экспедиции был назначен капитан-командор Беринг, а его помощником — снова капитаны Чириков и Шпанберг.

Для описи северных берегов Сибири в экспедиции шли Степан Малыгин, Дмитрий Овцын, Дмитрий и Харитон Лаптевы, Василий Прончищев, Семен Челюскин, Дмитрий Стерлегов и другие.

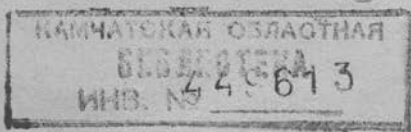
Академия наук направила в экспедицию своих ученых. В их числе был студент Степан Крашенинников. Экспедиция начала свое движение из Москвы весной 1733 года. Три года провел Беринг в Якутске, ставшем его штаб-квартирой по организации и руководству северными экспедициями и переброске Второй Камчатской экспедиции в Охотск.

Перед участниками Великой Северной экспедиции стояла задача описания побережий Северного морского пути. Отряд лейтенанта Малыгина исследовал линию побережья от устья Печоры до Оби, отряд лейтенанта Овцына — от Оби до Енисея, от Енисея до Таймыра — отряд штурмана Минина и подштурмана Стерлегова, от устья Лены к Таймыру вышел отряд лейтенанта Прончищева и подштурмана Челюскина, отряд лейтенанта Ласиниуса направился от устья Лены к Колыме. После смерти Ласиниуса командование отряда принял лейтенант Дмитрий Лаптев и прошел с ним до Анадыря.

Несмотря на жесточайшие лишения отряды выполнили подробную опись побережий Ледовитого океана, провели ценнейшие наблюдения в области метеорологии, этнографии, географии и геологии.

Карта Сибирского побережья была составлена с такой точностью, что ее мало изменила топографическая съемка 1911—1915 гг.

Все участники Второй Камчатской экспедиции собрались в Охотске осенью 1737 года. Здесь под наблюдением Шпанберга были построены бригантина, типа «Архангел Михаил» и дубель-шлюпка «Надежда». Добавив к ним отремонтированный бот «Гавриил», Шпанберг в июне 1738 года ушел к Курильским островам и берегам Японии. Для экспедиции Беринга в июне 1740 года были спущены построенные в Охотске двухмачтовые пакетботы «Св. Петр» и «Св. Павел», длиной каждый по

80 футов. Они могли поднять груз до 6000 пудов. Вооружение — по 14 небольших пушек.

8 сентября вышли в море, держа курс в Авачинскую губу, где в Аушиной гавани посланный Берингом мичман Иван Елагин ставил дома и казармы для экспедиции.

27 сентября 1740 года первым в Аушину гавань вошел пакетбот «Св. Павел» под командованием Алексея Чирикова, а 6 октября к ним присоединился «Св. Петр» и в тот же день корабли стали на зимовку в гавани, которую Беринг назвал Петропавловской в честь кораблей экспедиции.

4 мая 1741 года Беринг созвал совет для обсуждения вопроса: каким курсом следовать от берегов Камчатки для отыскания Америки. К этому времени подштурман Иван Федоров и геодезист Михаил Гвоздев открыли оба берега Берингова пролива, и поэтому задачей экспедиции осталось выяснить расположение Америки относительно Камчатки.

На совещании как основной документ была использована карта, предложенная авантюристом французом Делиль де ла Кройером, выдававшим себя за профессора астрономии. На карте к югу от Камчатки была нанесена фантастическая «Земля Гамы». Несмотря на возражения Чирикова, пытавшегося доказать, что бессмысленно искать несуществующую землю, совещание решило от Петропавловска следовать на юг, а не на восток: «...иметь от здешней гавани курс сперва зюйд-остен по правому компасу и идти оным румбом, ежели земли не найдем, до 46° северной ширины, а от той ширины иметь курс остен-норден, непременно, докамест получим землю». Этот курс предопределил все последующие неудачи экспедиции.

Первым в море вышел «Св. Павел». С Чириковым шли лейтенанты Чихачев и Плаутин, мастер Дементьев и штурман Елагин — всего 75 человек команды. 4 июня под парусами, подгоняемый попутным ветром, вышел из Авачинской бухты «Св. Петр». С Берингом шли лейтенант Свен Ваксель с сыном, мастер Хитров, штурман Эзельберг, подштурман Юшин и разжалованный из лейтенантов матрос Д. Л. Овцын — всего 77 человек команды. Сначала Беринг следовал впереди, но 6 июня приказал Чирикову идти первым.

12 июня, находясь в широте 46° 9' и убедившись, что

никакой «Земли Гамы» нет, Беринг приказал держать курс на восток. 20 июня во время тумана суда потеряли друг друга из виду. Трое суток Беринг пытался найти корабль Чирикова, но безрезультатно, затем лег снова на юг и дошел до широты 45° . Видимо, его манила мифическая «Земля Гамы». Еще раз убедившись в тщетности своих поисков, он ложится курсом на восток. 16 июня, находясь в широте $58^{\circ} 14'$, увидели берег — это была одна из высочайших в Северной Америке гор, получившей от Беринга название горы Св. Ильи. Корабль подошел к берегам Аляски. Медленно продвигаясь на север, 20 июля подошли к острову, носящему ныне имя Каяк. Здесь спустили шлюпку, и первым на берег сошел мастер Софрон Хитров. На следующей шлюпке сошел на берег ученый-натуралист Стеллер. Ему разрешили быть на острове не более 6 часов, и даже за это время ученый успел описать 160 видов растений. Он видел следы людей: очаг, остатки пищи, но сами туземцы разбежались.

Вернувшись на корабль, Стеллер уговаривал Беринга остаться у американских берегов на зимовку, но Беринг заявил: «Мы воображаем, что все открыли, и строим воздушные замки; а никто не думает о том, где мы нашли этот берег? Как еще далеко нам до дому? Что еще может с нами случиться? А берег нам неизвестный, чужой, провианта на прозимовку не хватит...»

21 июня «Св. Петр» снялся с якоря и взял курс к берегам Камчатки. Приближалась осень. Начались холода. Корабль медленно продвигался на запад, так как Беринг делал большие отклонения от генерального курса. На обратном пути открыли Евдокеевские острова, острова Стефна и острова Шумагина. Последние получили название в честь матроса Никиты Шумагина, первым умершего от цинги. Следуя вдоль Алеутских островов, неоднократно высаживались на отдельные острова, одновременно пополняли запасы воды, изучали растительный и животный мир, знакомились с бытом местного населения. Участники экспедиции дали первые сведения об алеутах.

Вскоре корабль попал в полосу жестоких осенних штормов. 30 сентября разразилась страшная буря. Каждую минуту экипаж ждал своей гибели. Неуправляемое судно носило по волнам «ровно как колоду», оставленную во власть волнам и ветрам. Половина команды бы-

ла больна, а остальные были в ужасе от бешеной качки. Цингой заболел и командир. В октябре от недостатка воды, пищи и постоянной качки больные стали умирать. Беринг слег. Кораблем управлял Свен Ваксель. Он так описывает это плавание: «...не знаю, существует ли на свете более безотрадное или более тяжелое состояние, чем плавание в неописанных водах. Говорю по собственному опыту и могу утверждать, что в течение пяти месяцев этого плавания в никем еще не изведанных краях мне едва ли выдалось несколько часов непрерывного, спокойного сна; а всегда находился в беспокойстве, в ожидании опасностей и бедствий...

Матросов, которые должны были держать вахту у штурвала, приводили туда другие больные товарищи из числа тех, которые был способны еще немного двигаться...

Я не мог ставить много парусов, так как в случае необходимости не было людей, которые могли их снова убирать...

К тому же мы не имели понятия, что может встретиться нам на пути, и каждую минуту были готовы испытать последний гибельный удар... Наш корабль плыл, как кусок мертвого дерева, почти без всякого управления, и шел по воле ветра и волн, куда им только вздумалось его погнать...

В таком ужасном состоянии мы дрейфовали по морю в разных направлениях до 4 ноября, когда в 8 часов утра увидели землю — высокие горы, покрытые снегом...»

Беринг принял решение подойти к неизвестной земле и высадиться. Подойдя к берегу, отдали якорь. Якорный канат порвало. Корабль понесло на каменную гряду. Отдали второй якорь. Его якорный канат тоже сразу порвало. Пока готовили к отдаче третий якорь, большой волной корабль перебросило через каменную гряду и измученные мореплаватели оказались в тихой воде. Стали на якорь. К этому моменту умерло уже 12 человек. Остальные были сильно больны. При перевозке на берег многие, попав на свежий воздух, умирали. Всего за первые две недели на острове умерло еще одиннадцать человек.

На берегу вырыли землянки, сверху прикрыли их парусиной. 28 ноября сильный шторм выбросил корабль на берег недалеко от места, где размещался экипаж.

Беринга поместили в отдельной палатке, где он лежал неподвижно.

8 декабря 1741 года после долгих и мучительных страданий умер начальник экспедиции капитан-командор Витус Беринг.

«...Сожалеть должно, что он жизнь свою скончал таким несчастным образом, — писал участник экспедиции академик Г. Миллер. — Можно сказать, что он еще при жизни погребен был, ибо в яме, в которой он больной лежал, песок со сторон всегда осыпался, заваливая у него ноги, коего он напоследок больше огребать не велел, сказывая, что ему от того тепло, а впрочем-де он согреться не может. И так песку на него навалилось по пояс; а как он скончался, то надлежало его из песку вырывать, чтоб тело пристойным образом предать земле...»

В командование экипажем вступил лейтенант Свен Ваксель. С большими трудностями команда пережила зиму. Били песцов, куропаток, морских коров, котиков. Эпидемия цинги продолжалась. К январю умерло еще 8 человек. В живых осталось 45 человек. За зиму пережили два сильных землетрясения. Весной стали думать, как добираться до Камчатки. Решили разобрать «Св. Петра» и построить судно, способное вместить всех оставшихся в живых. Построить такое судно взялся Савва Стародубцев, сибирский казак, уроженец города Красноярска. 10 августа судно, названное также «Св. Петр», спустили на воду. 13 августа подняли якорь. Судно хорошо шло под парусами. 14 августа прошли южную оконечность острова, получившего имя Беринга.

17 августа 1742 года увидели берега Камчатки, а 27 августа бросили якорь в Петропавловской гавани. Здесь узнали, что «Св. Павел» вернулся из плавания и уже ушел в Охотск.

Так закончилось это беспримерное по мужеству плавание русских первооткрывателей Аляски. Имя руководителя экспедиции Витуса Беринга навечно осталось в названиях моря, пролива, острова. А группа крайних островов Алеутской гряды носит название Командорских.

Могила Беринга находится в юго-восточной части острова в бухте Командор.

Позже Российско-американская компания на основа-

Памятник на могиле Беринга
в бухте Командор на острове
Беринг

нии воспоминаний Стеллера поставила на предполагаемом месте погребения деревянный крест с надписью:

«Памяти Беринга.
1874 год»

Могилу и крест часто поправляли, но лишь в 1944 году моряки Тихоокеанского флота установили железный крест с надписью:

«Могила Витуса Беринга, умершего в декабре 1741 года.

Крест восстановлен
экспедицией
Военного Совета ТОФ
25 августа 1944 года»

В недавние годы в с. Никольском — центре Алеутского национального района — установлены два памятника знаменитому мореплавателю: от жителей Командор — с бюстом Беринга, а второй — стела с парусником на вершине — от жителей Командор и моряков Тихоокеанского флота.

Здесь создан краеведческий музей, самый восточный музей нашей страны. Экспонаты музея

рассказывают об истории освоения Командорских островов, о сегодняшнем дне алеутов.

Отмечая 225-летие со дня гибели командора, экспедиция Камчатского отделения Всероссийского общества

по охране памятников истории и культуры поставила новый памятник на могиле Витуса Беринга. Работы по сооружению памятника производились под руководством скульптора А. И. Соловьева. В настоящее время могила представляет собой два положенных друг на друга каменных прямоугольника. Сверху располагается чугунная плита с надписью:

«1681—1741.

Великому мореплавателю
капитану-командору
Витусу Берингу
от жителей Камчатки.
Июнь 1966 года»

Железный крест высотой 3,5 метра венчает надгробие. Памятник величествен, строг и прост.

В центре города Петропавловска-Камчатского в 1865 году установлен памятник в честь Витуса Беринга и Алексея Чирикова: на четырехгранном основании устремленная вверх колонна, увенчанная шаром. Рядом пушка с пакетбота «Св. Петр».

В честь памяти великого мореплавателя и открытия Командорских островов в нашей стране выпущено две серии почтовых марок.

Подвиг русских мореплавателей увлек и 70-летнего художника Расти Хёрлина, уже много лет проживающего на Аляске в небольшом городе Эстсо, близ Фэрбенкса. Задумав написать картину об открытии русскими морями Аляски, Хёрлин стал изучать материалы экспедиции, знакомиться с экспонатами музеев. И все-таки материала для картины не хватало. И тогда художник обратился к Валентину Лукичу Ченакалу, директору Ленинградского музея им. М. В. Ломоносова. Хёрлин писал, что ему нужен портрет Беринга, костюмы, которые носили в те времена русские моряки, типы кораблей, на которых совершалось отважное плавание.

Специалист по русской истории XVIII столетия Валентин Лукич Ченакал выполнил просьбу Расти Хёрлина и отослал ему рисунки кораблей экспедиции, портрет Витуса Беринга, рисунки морских офицеров и матросов.

А недавно Валентину Лукичу почта доставила с далекой Аляски объемистое письмо от Расти Хёрлина.

Художник горячо благодарит за помощь и просит принять в подарок цветную репродукцию с его большого полотна, посвященного подвигу русских мореплавателей.

...Палуба флагманского корабля экспедиции «Св. Петр». В центре, опершись на две палки, в шубе, без головного убора стоит начальник экспедиции Витус Беринг. Вокруг русские матросы и офицеры. Неспокое море, а на горизонте, там, куда устремлены взоры моряков, — высокий белый конус горы Святого Ильи...

**Великий
русский
мореплаватель
А. И. Чириков**

Несмотря на трагический исход Второй Камчатской экспедиции задачи, стоящие перед нею, были выполнены полностью, а ее результаты обработаны, обобщены и опубликованы.

Решающая роль в этом принадлежит великому русскому мореплавателю, командиру пакетбота «Св. Павел» капитан-командору Алексею Ильичу Чирикову.

Чириков родился в 1703 году в Киевской губернии в небогатой дворянской семье. Когда мальчику исполнилось 12 лет, его определили в Навигацкую школу, основанную Петром Первым в Москве в 1701 году. Это было первое светское учебное заведение в России, и его учеников готовили для государственной службы в военных и гражданских учреждениях. Обучали арифметике, геометрии, плоской и сферической тригонометрии, черчению. На высшей ступени обучения преподавались морские науки: навигация, морская астрономия, география, ведение шканечного журнала и счисление пути корабля. В 1716 году Чирикова переводят в Морскую академию, основанную год назад в Петербурге. Здесь основное внимание уделялось географии, геодезии, навигации, практическому обучению морскому делу.

В 1721 году Алексей Чириков блестяще закончил Морскую академию, был произведен сразу в унтер-лейтенанты и направлен на Балтийский флот. Но уже через год его отзывают с флота и после сдачи экзаменов назначают преподавателем навигации в Морскую академию.

В академии молодой офицер зарекомендовал себя с самой лучшей стороны, и в 1724 году Петр Первый утвердил его помощником Беринга в Первую Камчатскую экспедицию. В связи с назначением он был досрочно произведен в лейтенанты.

После Первой Камчатской экспедиции Чириков был произведен в капитаны и снова назначен помощником начальника Второй Камчатской экспедиции.

Корабли экспедиции вышли из Петропавловска для поисков берегов Америки 4 июня 1741 года, а уже через два дня начальник экспедиции капитан-командор Витус Беринг, отдавая дань мореходному искусству Чирикова, приказал пакетботу «Св. Павел» следовать впереди.

Часто приходилось менять курс. 20 июня при свежем ветре и плохой видимости корабли потеряли друг друга из виду, и больше им встретиться не пришлось.

Трое суток Чириков вел поиск флагманского корабля, а затем повел свой корабль к цели — прямо на восток. Погода была переменной, но «Св. Павел» уверенно шел на восток, делая в среднем по 50 миль в сутки.

13 июля появились первые признаки земли. «...Видели одну береговую утку да чайку, два дерева плавающих старых», — записал в журнале Чириков.

15 июля стал подлинно знаменательным днем: «В 2 часа пополуночи впереди себя увидели землю, на которой горы высокие, а тогда еще не очень было светло, того ради легли на дрейф. В 3-ем часу стало быть землю свободнее видеть, на которой виден был и оную признаваем мы подлинною Америкою по месту, по положению ее, по длине и по ширине; а в 3 часа пополуночи были в ширине $55^{\circ} 21'...$ »

Беринг подошел к берегам Америки через полтора суток.

Как показывают современные исследователи, в момент открытия Чириков находился у мыса Бартоломе острова Бейкер.

Пошли вдоль берега на северо-запад, постоянно определяя свое место по берегу.

18 июля у острова Якоби Чириков приказал спустить бот и отправить его на берег. На боте шел флотский мастер А. М. Дементьев и 10 матросов. Они должны были узнать, что это за земля и какие там живут люди. Но в назначенное время бот не вернулся. Пять суток Чириков держался вблизи залива. На шестые шторм отнес «Св. Павла» от залива, но через сутки корабль снова вернулся к роковому острову. Наступил штиль. Неожиданно на берегу увидели огонь. Радость и надежда затеплилась у моряков. Начали палить из пушек, но, к сожалению, огонь скоро погас.

24 июля Чириков решил послать на последней оставшейся малой лодке боцмана Сидора Савельева с тремя матросами. Погода была тихая, и все смотрели, как лодка подходит к берегу. Но и она не подала никаких сигналов и не вернулась к назначенному времени. Тогда Чириков подошел совсем близко к месту высадки бота и лодки, но стать на якорь из-за больших глубин и каменистого грунта не мог. Легли в дрейф вблизи берега. Еще одна ночь прошла в тяжелом ожидании. Утром увидели две идущие с берега лодки, но это оказались лодки туземцев, и они не решились подойти к кораблю. Исходя из этого, Чириков пришел к выводу, что русские моряки либо убиты, либо взяты в плен туземцами.

«...Тогда мы утвердились, — пишет Чириков в судовом журнале, — что посланные от нас служители всеконечно в нещастии, понеже флотскому мастеру как объявлен уже настали осьмые сутки и было довольно времени способного к возврату и мы к тому месту ходили в самой близости, токмо он не возвратился...»

Прождав еще сутки своих товарищей, Чириков приказал поднять все паруса и, так как провианта и воды оставалось мало, приказал повернуть к берегам Камчатки.

За время плавания у американского материка осмотрено побережье общей протяженностью около 400 верст. произведена его опись, сделаны важные гидрометеорологические наблюдения.

Чириков с большим сожалением уходил от берегов вновь открытых земель, понимая, что наблюдения еще недостаточны. Пропажа шлюпок (это лишало возможно-

сти пополнить запасы воды и продовольствия), невозможность высадки на берег, а также надвигающаяся осень вынудили его повернуть к родным берегам.

Обратный путь пролегал севернее, и это дало возможность открыть острова Умнак, Адах, Агатту и Атту Алеутской гряды. Плавание с каждым днем становилось все тяжелее. Сократили рацион воды и пищи.

«...Августа 21 числа, — пишет Чириков в рапорте, — усмотря что долго стоят ветры нам противные, с согласия офицеров, приказал я для скудности воды варить про людей два дня по одной каше, а токмо в третей обыкновенно две каши и для питья давать воду каждому человеку мерою, которою могли токмо жажду утолить; также и про всех офицеров приказал варить кушанье по однажды в день; и для настоящей нужды в дождливые дни служители собирали текущую воду с парусов, поставляя ведра и другие суда, которая хотя вкусом от примешивания с снастей смолы и горька, точию оную служители пили охотно, понеже они еще до настоящей нужды дождевую воду опробовали; и сказывали, что им она здорова, рассуждая, будто соляною горестью цыngu выгоняет. А чтоб люди от умаления пищи не ослабели, приказал я в те дни, когда им по однажды в день давалась каша (кроме обер- и унтер-офицеров и их деньщиков) сверх определенной порции давать по чарке простого вина...»

Вскоре и этот рацион пришлось сократить. Люди слабели. Началась цинга. Но корабль уверенно продолжал продвигаться на запад, придерживаясь островов Алеутской гряды.

9 сентября в тумане бросили лот и обнаружили малые глубины. Стали на якорь. И своевременно — недалеко уже был слышен шум буруна.

Когда туман рассеялся, увидели, что стоят в 200 саженях от берега. Это был остров Адах. К кораблю на байдарках подошли алеуты.

Чириков пишет о них: «Собою они мужики рослые, лицом похожи на татар, видом бледны, а знатно, что здоровы, бород почти у них нет, а от природы или выщипывают; только двух или трех человек видели с бородами короткими. В носах имеют коренья воткнутые, отчего у них и кровь текла...»

Обменялись подарками. Вечером, обрубив якорный канат, отошли от берега и продолжили плавание.

С 14 сентября стали давать «одну кашу в неделю», остальные шесть дней питались холодным.

16 сентября умер парусник Михаил Усачев.

В судовом журнале вслед с записью о смерти Усачева читаем: «Господин капитан Чириков, лейтенант Чихачев очень больны, также и все служители от недовольного с воды пропитания и от долговременного на море труда изнемогают, однако ж еще трудятца».

21 сентября подошли к острову Агатту. Убедившись, что это не Камчатка, продолжили плавание. К этому времени лейтенант Чихачев и штурман Плаутин вахту нести не могли. Да и Чириков больше не мог подняться на мостик.

«В то же время и я весьма от цынги изнемог, — пишет он в своем рапорте, — и уже по обычаю был приготовлен к смерти, а наверх не мог выходить сентября с 21 числа и по самый наш возврат в гавань... в управлении судном остался один штурман Иван Елагин, да и тот был весьма ж болен, но по крайней возможности преодолевал свою немощь, почти несходно был для управления наверху, которому от меня только вспоможения было, что, смотря счисления по журналу пути нашего, приказывал ему, какой иметь курс...»

27 сентября попали в жестокий шторм. Град, дождь, холод.

30 сентября штормовой океан к дождю добавил снег. Только 2 октября океан утих. Воды на корабле осталось 4 бочки. Люди изнемогли.

5 октября наступила «великая стужа».

7 октября умер лейтенант Иван Чихачев.

8 октября ночью «штурман в ранге лейтенанта Михайла Плаутин жестокою цынготною болезнию умре», а утром увидели берега Камчатки: открылись мыс Шипунский, Горелая и Вилючинская сопки. Вечером подошли к Авачинской губе. Из-за противного ветра только 10 октября вечером «миновали Вауа и пошли в устье губы Авачинской благополучно и бросили дагликс якорь на глубине 7 саженей...»

Утром подошедший на шлюпке прапорщик Левашев сообщил, что капитан-командор Беринг еще не прибыл. Астроном Делиль де ла Кройер, собираясь сойти на берег, вышел из каюты на палубу, упал и умер.

«Капитан господин Чириков отбыл на шлюпке на бе-

Памятник Берингу и Чирикову в Петропавловске-Камчатском

рег в жестокой цынготной болезни», — читаем мы на последней странице судового журнала пакетбота «Св. Павел».

Плавание на пакетботе «Св. Павел» к берегам Северной Америки было завершено. На корабле не осталось ни одной капли воды, из 75 человек вернулся 51.

Первое плавание А. И. Чирикова явилось образцом морского искусства, мужества и беззаветной преданности своей Родине.

Считая свою задачу до конца не выполненной и особенно имея намерение выяснить, имеют ли наблюдаемые им земли Алеутской гряды островной характер или это продолжение материка, Чириков 23 мая 1742 года вышел во второе плавание к берегам Америки.

9 июня увидели землю, в которой признали виденный последним в первом плавании остров. Определили его островное положение и назвали именем Св. Федора (ныне о. Атту). Постоянные сплошные туманы не давали возможности ни производить описи, ни высадиться на берег.

Постоянная угроза выскочить в тумане на камни заставляла Чирикова сутками не покидать мостик. Сам он и команда еще не оправились после первого тяжелого плавания. По словам Чирикова, сам он «пришел в такую

слабость, что уже насилу ходил, обстоятельного помощника только имел у себя одного, упоминаемого мичмана Елагина, да и оной также в здравье не тверд».

Все это заставило Чирикова 17 июня повернуть назад.

Обратный путь проложили севернее, чтобы посмотреть, нет ли каких новых земель.

22 июня подошли к Командорским островам. Одному из них дали имя «Св. Иулиана», не предполагая, что именно на нем находились в бедствии их товарищи с пакетбота «Св. Петр».

1 июля «Св. Павел» вошел в Авачинскую губу, а 16 августа, благополучно совершив переход, стали на якорь в Охотске.

Сдав корабль, Чириков выехал в Якутск. Отсюда послал в Петербург в Адмиралтейств-келлегию рапорт с подробным описанием плавания, а также журнал «Св. Павла» и карты с маршрутом корабля и открытыми землями. В Якутске Алексей Ильич много работает по вопросу освоения и укрепления Дальнего Востока.

В Петербург Чириков вернулся 13 марта 1746 года, отдав делу изучения и освоения Сибири и Дальнего Востока двадцать лет.

В 1746 году произведен в капитан-командоры, а в ноябре 1748 года в возрасте 45 лет великий русский мореплаватель Алексей Ильич Чириков умер.

Заслуги Чирикова в Великой Сибирско-Тихоокеанской экспедиции велики. Выдающуюся роль А. И. Чирикова по достоинству оценил великий ученый М. В. Ломоносов. В своем заключении на первоначальную редакцию работы Вольтера «История России при Петре Великом» М. В. Ломоносов пишет, что «в американской экспедиции через Камчатку не упоминается Чириков, который был главным и прошел далее, что надобно для чести нашей».

Его имя присвоено ряду мест в северной части Тихого океана: мыс и мели Чирикова у входа в Тауйскую губу в Охотском море, остров Чирикова в Аляскинском заливе, мыс Чирикова на острове Атту, мыс Чирикова на острове Баранова. Его имя носит океанографическое судно.

Памятник Витусу Берингу и Алексею Чирикову, установленный в Петропавловске-Камчатском, — дань памяти и уважения народа отважным мореплавателям.

Памяти первооткрыва- телей

Устьевой участок реки Амур от линии ее входных мысов, Пронге на юге и Табах на севере, до порта Николаевск-на-Амуре на протяжении 23 миль доступен для плавания морских судов.

(Лощия часть 2) Японского моря,

120 лет назад в Европе были убеждены, что Сахалин — полуостров, вход в реку Амур с моря невозможен, а полноводный Амур в своем устье теряется в песках. Хотя Василий Поярков еще в 1643—1646 гг. вышел в устье Амура, его плавание забылось. Французский мореплаватель Лаперуз, в 1787 году пытавшийся пройти в Амурский лиман с юга, и замечательный русский мореплаватель Крузенштерн, пытавшийся в 1805 году войти в лиман с севера, авторитетно заявили, что устье Амура несудоходно, а Сахалин — полуостров. Этот спорный вопрос решил Геннадий Иванович Невельской, с именем которого связана самая яркая страница истории освоения Дальнего Востока — присоединение Приамурья и Приморья к России.

Невельской родился 23 ноября 1813 года в усадьбе Дракино Солигаличского уезда Костромской губернии в семье потомственного моряка. Пятнадцатилетним юношей Геннадий определяется в Морской кадетский корпус в Петербурге.

Окончив Морской корпус, Невельской получает звание мичмана и остается для дальнейшего обучения в офицерских классах. Здесь Геннадий Иванович занялся

глубоким изучением истории отечественного флота. Его увлекла проблема освоения Дальнего Востока. Всесторонне изучив все документы, связанные с экспедициями в район устья Амура, он пришел к твердому убеждению, что Сахалин — остров. И поставил для себя целью доказать это.

Закончив с отличием в 1836 году офицерские классы, Невельской в течение 10 лет плавал в Балтийском, Северном, Белом, Баренцевом и Средиземном морях.

В 1848 году, получив чин капитан-лейтенанта и несмотря на ожидавшийся перевод на фрегат «Паллада», Невельской неожиданно для всех подал рапорт о переводе на строящийся небольшой транспорт «Байкал». По окончании строительства транспорт должен был идти с грузом на Камчатку, а это давало возможность заняться исследованием Амура. Вскоре Невельского назначили командиром «Байкала» (водоизмещением 477 тонн, экипаж — 57 человек).

21 августа 1848 года «Байкал» вышел из Кронштадта с грузом для Петропавловска. Пересекли Атлантику и, обогнув 2 января 1849 года мыс Горн, вышли в Тихий океан. 12 мая, завершив в рекордно короткий срок — 8 месяцев и 23 дня — переход, «Байкал» стал на якорь в Петропавловской гавани.

Перед выходом Невельской долго добивался разрешения на исследование устья Амура, встречался с генерал-губернатором Восточной Сибири генерал-лейтенантом Н. Н. Муравьевым, но разрешения так и не получил.

Теперь, выиграв время на переходе, Невельской решил действовать самостоятельно. Собрав офицеров корабля, он заявил, что всю ответственность за поход к устью Амура берет на себя, и приказал готовиться к переходу.

27 июня «Байкал» стал на якорь в южной части Сахалинского залива у мыса Головачева. Отсюда дальнейшие исследования продолжали уже на шлюпках.

Шлюпка под командованием лейтенанта Казакевича, пройдя вдоль материкового берега, вошла в устье Амура, поднялась до селения Чныррах. Шлюпка мичмана Гроте следовала вдоль сахалинского берега, но наткнулась на большую мель и вернулась назад. Тогда 15 июля Невельской вместе с Гроте, Гейсмаром, Поповым, доктором Бергом и четырнадцатью матросами на

трех шлюпках отправились по лиману на юг. Войдя в устье Амура, поднялись до мыса Куегда.

Повернув назад, спустились до мыса Пронге и пошли дальше на юг.

«22 июля 1849 года, — писал Г. И. Невельской, — достигли того места, где матерой берег сближается с противоположным ему сахалинским. Здесь-то, между скалистыми мысами на материке, названными мной в честь Лазарева и Муравьева, и низменным мысом Погоби на Сахалине, вместо найденного Крузенштерном, Лаперузом, Браутоном и в 1840 году Гавриловым низменного перешейка, мы открыли пролив шириною в 4 мили (7,5 км) и с наименьшею глубиною 5 сажен (9,1 м). Продолжая путь свой далее к югу и достигнув 24 июля широты 51 градус 40 минут, то есть той, до которой доходили Лаперуз и Браутон, мы возвратились обратно и, проследовав открытым нами южным проливом, не теряя нити глубин, выведших нас из Татарского залива в лиман, направились вдоль западного берега Сахалина. К вечеру 1 августа 1849 года мы возвратились на транспорт после 22-дневного плавания, сопряженного с постоянными трудностями и опасностями...» Великое открытие было совершено. Невельской доказал, что Сахалин — остров, а устье Амура — судоходно. Открытый пролив получил имя Невельского, а Татарский залив стал именоваться проливом.

В это время генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, совершавший ознакомительную поездку по Дальнему Востоку, находился в Аяне. Побывав в Охотске, Петропавловске, у северной оконечности Сахалина и не найдя там «Байкала», считал его уже погибшим. И какова же была радость, когда на рейде порта Аян показался «Байкал». Невельской прямо на палубе прибывшему на «Байкал» Муравьеву радостно доложил о своем открытии. Специальный гонец помчался в Петербург с докладом начальнику Главного Морского штаба А. С. Меншикову об открытии. Вскоре Невельской на «Байкале» перешел в Охотск, сдал транспорт и вместе с офицерами отправился в Петербург. В Иркутске узнали о том, что в Петербурге сделанным открытиям не поверили, а поступок Невельского посчитали дерзким и подлежащим наказанию. Несмотря на это Геннадий Иванович был произведен в капитаны 2-го ранга, а офицеры

награждены производством в следующие звания и крестами. В Петербурге после долгих расспросов и проверок его открытия наконец признали. Невельской и Муравьев настоятельно просили разрешения на дальнейшие исследования в районе устья Амура. Их усилия увенчались успехом, и в феврале 1850 года последовал указ:

«1. В заливе Счастья или в какой-либо местности на юго-западном берегу Охотского моря, но отнюдь не в лимане, а тем более не на реке Амуре основать зимовье.

2. В зимовье том Российско-американской компании производить расторжку с гиляками, но ни под каким видом и предлогом не касаться лимана и Амура...

3. Для приведения в исполнение на месте этого указа, а равно и для выбора места для зимовья в распоряжение генерал-губернатора командировать капитана 2-го ранга Невельского».

В связи с направлением на Дальний Восток Невельской был произведен в капитаны 1-го ранга и вскоре убыл к новому месту службы.

Вместе с Д. И. Орловым осмотрели берега залива Счастья и 29 июня 1850 года на кошке*, образующей восточную часть залива, заложили зимовье Петровское.

Понимая, что место это для будущего развития судоходства непригодно и что только решительными действиями можно утвердить права России на Приамурье, Невельской, взяв с собой 8 человек, на шлюпке поднялся по Амuru и 1 августа на мысе Куегда в присутствии собравшихся гиляков поднял русский флаг. Первый русский пост на Амуре был назван Николаевском (ныне город Николаевск-на-Амуре). Прибыв в Петровское, Невельской обнаружил на рейде гамбургские и американские китобойные суда, которым и объявил о принадлежности России Приамурского края вплоть до корейской границы.

В сентябре Невельской отправился в Иркутск, чтобы на месте объяснить свои действия, но губернатора не застал. В Иркутске Невельскому вручили пакет: его вызывали в Петербург.

Особый комитет под председательством графа Нессельроде рассмотрел сообщение о присоединении Приа-

* Кошка — длинная песчаная мель, тянущаяся параллельно берегу.

мурья и основании поста Николаевска и принял решение за самовольные действия разжаловать Невельского в матросы, а Николаевский пост упразднить.

Но нашлись настоящие патриоты, и прежде всего генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, которые убедили императора Николая Первого, что уход русских с Амура будет рассматриваться западными державами как слабость России, а Приамурье и Приморье будет занято соседними странами. Николай Первый приказал комитету собраться вновь, а по поводу предложения упразднить Николаевский пост сказал: «Где раз поднят русский флаг, он уже спускаться не должен».

На восток капитан 1-го ранга Невельской отправился уже начальником созданной Амурской экспедиции.

В экспедицию вместе с мужем отправилась его жена Екатерина Ивановна, отдавшая много сил и энергии делу освоения края.

С героической самоотверженностью вынесла эта хрупкая на вид молодая женщина все трудности и лишения двадцатитрехдневной верховой езды из Иркутска в Охотск по болотам и дикой тайге. В дороге Невельской несколько раз пытался отправить жену назад, но безуспешно. «Я буду там, где ты. Да и как ты будешь один», — решительно заявила она. В письмах родным Катя писала: «Я была готова встретить всякие препятствия и неудобства, но действительность превзошла все, что могло нарисовать мне мое воображение. Никогда не могла я представить, что такие дороги существуют на свете... Несмотря на все усилия над собой, бывают минуты, когда я ослабеваю и теряю всякое мужество...»

В Охотске экспедиция погрузилась на корабли и отправилась в Петровское. На подходе к зимовью барк «Шелехов», на котором находился Невельской со своей женой, внезапно дал течь и начал медленно погружаться. Во избежание гибели судно посадили на мель. Спустили шлюпки, чтобы свезти в первую очередь семьи участников экспедиции на транспорт «Байкал». Командир «Шелехова» лейтенант В. И. Мацкевич предложил Екатерине Ивановне съехать первой. «Муж мой говорил мне, что при подобном несчастии командир и офицеры съезжают с корабля последними, — отвечала им молодая женщина. — Я съеду с корабля тогда, когда ни одного ребенка и женщины не останется на нем».

Остановившись в Петровском, экспедиция начала свою исследовательскую работу. Невельские поселились в только что построенной из сырого дерева избе. Их дом стал штаб-квартирой экспедиции. Сюда непрерывно приходили люди. Всех их радушно встречала хозяйка дома, расспрашивала о жизни, особенно ее интересовали быт и обычаи местных жителей.

Вечерами в гостеприимном доме собирались все свободные от работ и вахт офицеры экспедиции, и Екатерина Ивановна была душой этих вечеров. Летом иногда катались по заливу на лодках, а зимой на собаках. На зиму Екатерина Ивановна заготавливала черемшу, бруснику как средство от цинги.

«Несмотря... на различные лишения и недостатки в самых необходимых потребностях для цивилизованного человека офицеры и командиры по примеру образованной и молодой женщины, моей жены, заброшенной судьбой в ту ужасную пустыню и разделявшей наравне с нами без всякого ропота все эти лишения и опасности, переносили их твердо и бодро, сознавая свой долг и пользу от их трудов для Отечества», — с благодарностью писал позднее Геннадий Иванович.

В экспедицию вошли энергичные офицеры морского флота Н. К. Бошняк, Д. И. Орлов, Н. М. Чихачев, Н. В. Рудановский, А. И. Воронин, гижигинские казаки, матросы, гиляки. Кораблей в экспедиции не было, средства ограничены. Все исследования проводились пешком, на собаках, на шлюпках, гиляцких лодках. Много лишений выпало на долю исследователей. Особенно тяжелым и голодным был 1852 год. Экспедиция осталась без продовольствия. У Невельских в это время родилась дочь Екатерина. Лишения, которые пришлось перенести матери, сказались — дочь таяла на глазах. Девочку, умершую от голода, похоронили на Петровской косе.

Несмотря на трудности экспедиция не прекращала свою работу. Были обследованы, нанесены на карту и закреплены за Россией обширные пространства Приамурья, побережья Татарского пролива. Одним из активных участников экспедиции был лейтенант Николай Константинович Бошняк, воспитанник Морского кадетского корпуса и офицерских классов. Исследуя северную часть Сахалина, он обнаружил каменный уголь в заливе Дуэ и впервые пешком пересек остров.

Им же совершено самое крупное открытие Амурской экспедиции. В 1853 году пешком и на гиляцкой лодке Бошняк спустился на юг и вошел в Императорскую (ныне Советскую) гавань. Закончив описание залива, Николай Бошняк собрал местных жителей и объявил, что земля до корейской границы — русская, и все жители принимаются под защиту. После этого он поставил крест с надписью: «Гавань Императора Николая открыта и глазомерно описана лейтенантом Бошняк 23 мая 1853 года, на туземной лодке, со спутниками казаком Семеном Парфентьевым, Киром Белохвостовым, амгинским крестьянином Иваном Мосеевым».

(Предполагается, что Н. Бошняк собрал жителей на мысе Анастасии, лежащем между бухтами Маячной и Лососины).

Оценивая результаты открытия, Невельской писал: «Результаты открытий и исследований Бошняка были очень важны. Он был первым европейцем, который дал точное понятие о северной части побережья Татарского пролива...

Наконец, он разрешил окончательно весьма важный вопрос: именно, что жители, обитающие на этом берегу, никогда зависимыми не были и китайской власти не признавали».

29 июля 1973 года в городе Советская Гавань открыт памятник Николаю Бошняку. Бюст первооткрывателя изготовлен в двойную натуральную величину из диорита на Мытищинском заводе художественного литья по модели скульптора Орехова. Автор оформления памятника — главный архитектор города Н. В. Дудка.

Невельской неоднократно ставил перед правительством вопрос об установлении законной власти России на Сахалине. В 1853 году до правительства дошли сведения, что две большие американские эскадры отправились к побережью Татарского пролива для подыскания постоянной базы своей китобойной флотилии. К тому же назревала война. И тогда только Невельской получил приказ занять Де-Кастри (залив Чихачева) и основать посты на о. Сахалин.

4 октября 1857 года на мысе Томари-Анива Невельской основал пост Муравьевский. Позднее он был переименован в Корсаков.

Война на восток пришла осенью 1854 года. Дважды

Памятник Невельскому в Хабаровске

пытались англо-французские интервенты высадить десант в Петропавловске, но героический гарнизон во главе с губернатором Камчатки В. С. Завойко отразил все атаки врага. Англо-французская эскадра поспешно ушла из Петропавловска. Предвидя новое нападение, Завойко на кораблях Камчатской флотилии вместе с гарнизоном в апреле 1855 года ушел в Татарский пролив, а затем в Амур. В мае англо-французский флот вновь появился у Петропавловска, но никого не нашел. Соединенная эскадра бросилась в погоню, но безрезультатно — противник не знал об открытии Невельского, не знал, что устье Амура судоходно.

Таким образом, благодаря открытию пролива между Сахалином и материком удалось спасти корабли русской эскадры.

Контр-адмирал Завойко был назначен командующим морскими силами в устье Амура, а контр-адмирал Г. И. Невельской стал начальником штаба прибывшего сюда генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева.

Кончилась война. Муравьев со своей свитой уехал в Иркутск, а Невельской остался на Амуре в качестве частного лица, без всяких служебных обязанностей. Амурская экспедиция была закрыта. Летом 1856 года вместе со своей женой он покинул край, в освоение которого вложил столько сил.

Последние 20 лет Невельской прожил в Петербурге, был произведен в адмиралы и назначен членом Морского технического совета. В Петербурге он написал книгу, в которой рассказал о подвигах русских морских офицеров на крайнем востоке России.

Адмиралу Невельскому так и не пришлось больше ступить на палубу корабля. 29 апреля 1876 года Геннадий Иванович Невельской умер.

Русский народ не забыл своего верного сына. Его именем назван город и залив на западном побережье Сахалина, открытый им пролив, бухта, гора и мыс северной части материкового побережья Татарского пролива, фарватер в Амурском лимане.

На деньги, собранные населением, 26 октября 1897 года в городе Владивостоке на берегу бухты Золотой Рог установлен гранитный обелиск, увенчанный земным шаром и орлом, — дань признательности Геннадию Ива-

Новичу Невельскому. С 1950 года в городе Николаевске-на-Амуре у речного вокзала на высоком постаменте стоит отлитый в бронзе адмирал Невельской. А в сентябре 1971 года в заливе Счастья на Петровской кошке открыт еще один памятник в его честь. На двухметровом монолите с барельефом Геннадия Ивановича выбиты слова: «Здесь 29 июня 1850 года капитан Геннадий Иванович Невельской основал первое зимовье Амурской экспедиции, назвав его Петровским. В нем жили участники экспедиции, жена Екатерина Ивановна и дочь Катя».

В Японском море, в заливе Петра Великого, в Татарском проливе и Амурском лимане многие острова, заливы, мысы, а также реки, горы и поселки Дальнего Востока получили славные имена сподвижников Г. И. Невельского — участников Амурской экспедиции: Н. К. Бошняка, Н. М. Чихачева, Г. Д. Разградского, В. А. Римского-Корсакова, Н. В. Рудановского, Д. И. Орлова, А. И. Воронина, П. Ф. Гаврилова, Д. С. Кузнецова и других. Их именами названы также улицы городов и поселков.

Судьба фрегата „Паллада“

...Первая половина XIX века занимает в истории нашего флота особое место: российский флот вышел на океанские просторы. В 1803 году русские моряки на шлюпах «Нева» и «Надежда» под командой Крузенштерна и Лисянского совершают первое кругосветное плавание. И вслед за ними в кругосветное плавание идут Гагемейстер, Головин, Лазарев, Коцебу, Шишмарев, Литке.

Связь с Российско-американской компанией на Тихом океане, охрана дальневосточных берегов, научные и географические исследования — вот стоящие перед ними задачи. России нужны были первоклассные морские корабли. 2 ноября 1831 года на Охотской верфи в Петербурге был заложен 44-пушечный фрегат за № 22, которому было дано имя «Паллада». Руководил постройкой известный петербургский кораблестроитель полковник Стоке.

Фрегат строят из лучших материалов, тщательно отделывают, ставят новое вооружение. Стоке учитывает опыт русских кораблестроителей.

Летом 1832 года для наблюдения за строительством прибывает первый командир фрегата капитан-лейтенант

П. С. Нахимов, будущий адмирал, будущий герой Синопа и Севастополя.

1 сентября 1832 года фрегат благополучно спущен на воду со стапелей, после чего всю зиму идет достройка корабля. Только весной фрегат отводят из Невы по морскому каналу в Кронштадт, где началась установка мачт. Вскоре 3 мачты фрегата — фок, грот и бизань оделись белоснежными парусами. Ходовые испытания показали, что фрегат может развить хорошую по тем временам скорость.

В августе 1833 года эскадра Балтийского флота в составе 7 линейных кораблей, 7 фрегатов, брига и шхуны под флагом вице-адмирала Беллинсгаузена, первооткрывателя Антарктиды, вышла для отработки совместного плавания. Шторм и плохая видимость не давали возможности штурманам кораблей точно определить свое место. На «Палладе» внимательно следили за обстановкой. Вдруг блеснул огонь маяка Дагеррот, о чем немедленно доложили командиру. Нахимов быстро взял пеленг и, произведя вместе со штурманом расчеты, увидел, что эскадра сбилась с курса и идет на каменную гряду.

«Свистать всех наверх!» Матросы быстро заняли свои места. Нарушив строй, фрегат «Паллада» вышел из кильватерной колонны, дал выстрел из пушки и поднял сигнал: «Флот идет к опасности». Приняв сигнал, Беллинсгаузен подал команду круто изменить курс. Только один головной линейный корабль «Арсис» сел на камни.

Вскоре Павла Степановича Нахимова перевели на Черноморский флот, а фрегат «Паллада» почти на протяжении 20 лет находился в строю русских боевых кораблей, совершал дальние плавания и участвовал в боевых операциях Балтийского флота.

В середине XIX века у дальневосточных берегов России стали появляться целые флотилии иностранных китобоев, которые нередко нападали на прибрежные поселения, грабили жителей, хищнически уничтожали богатства края.

В Японию выехала дипломатическая миссия во главе с вице-адмиралом Е. В. Путятиным, одной из задач которой было принятие мер по охране российских морских промыслов. Экспедиции Путятина был придан фрегат «Паллада», красавец русского военно-морского флота.

Команда фрегата состояла из опытных моряков. Новый командир фрегата капитан-лейтенант И. С. Унковский, ученик адмирала М. П. Лазарева, был отличным моряком и исследователем. Старшим штурманом фрегата шел штабс-капитан корпуса флотских штурманов А. А. Халезов, которого на флоте звали Дедом. Он всю свою жизнь посвятил морю, и поход на «Палладе» был его четвертым кругосветным плаванием. Под стать командиру был и офицерский состав корабля. Команда фрегата насчитывала 439 нижних чинов. В состав миссии входили также помощник адмирала Путятин капитан-лейтенант К. Н. Посыет и коллежские советники: азиатского департамента — Осип Гошкевич и департамента внешней торговли Иван Александрович Гончаров, знаменитый русский писатель, выпустивший по возвращении из плаванья книгу путевых очерков.

Кроме установления дипломатических отношений с Японией перед экспедицией стояла и вторая, не менее важная задача — исследование морей и океанов по маршруту плаванья. На всем пути перехода офицеры фрегата производили подробную съемку бухт, опись побережий, изучали быт и нравы населения.

Фрегат вышел из Кронштадта 7 октября 1852 года. Преодолев полосу осенних штормов, в ноябре прибыл в Англию и встал для ремонта в Портсмуте в док. Для разъездных и исследовательских целей Путятин купил в Бристоле паровую шхуну «Восток» водоизмещением 210 тонн, мощность паровой машины — 30 лошадиных сил. Командиром шхуны был назначен лейтенант В. А. Римский-Корсаков.

В январе 1853 года «Паллада» и «Восток» покинули Англию и взяли курс к мысу Доброй Надежды.

Атлантический океан встретил экспедицию штормами. И. А. Гончаров так описывал свой первый в жизни шторм: «Все полупортики, люминаторы были наглухо закрыты, верхние паруса убраны, пушки закреплены задними таями, чтоб не давили тяжестью своею борта. Я не только стоять, да и сидеть уже не мог, если не во что было упираться руками и ногами. Кое-как добрался я до своей каюты, в которой не был со вчерашнего дня, отворил дверь и не вошел — все эти термины теряют значение в качку, — был втиснут толчком в каюту и старался удержаться на ногах, упираясь кулаками в обе

противоположные стены. Я ахнул: платье, белье, книги, часы, сапоги; все мои письменные принадлежности, которые я было расположил так аккуратно по ящикам бюро, — все это в куче валялось на полу и при каждом толчке металось то направо, то налево... Из обоих окон мне видно было море. Что за безобразие или, пожалуй, что за красота! Огромные холмы с белым гребнем, с во-ем толкая друг друга, встают, падают, опять встают, как будто толпа вдруг выпущенных на волю бешеных зверей дерется в остервенении, только брызги, как дым, поднимаются да стои носится в воздухе. Фрегат взберется на голову волны, дрогнет там на гребне, потом упадет на бок и начинает скользить с горы, спустившись на дно между двух бугров, выпрямится, но только затем, чтоб тяжело перевалиться на другой бок и лезть вновь на другой холм...»

Но наконец ветер ослаб, и «Паллада», одевшись всеми парусами, понеслась, подгоняемая попутным ветром, развивая ход до 11 узлов.

3 февраля пересекли экватор. Наибольшим вниманием и почетом в этот день пользовался Дед. На вопрос, сколько раз он пересекал экватор, Дед заявил, что одиннадцать раз. Дело в том, что однажды их корабль заштилил на самом экваторе, и их раза три или четыре перетаскивало через линию экватора. Пройдя 6000 миль за 59 суток, фрегат стал на якорь на Саймонсбейском рейде близ Кейптауна.

После месячной стоянки корабли взяли курс на восток. Пройдя по дуге большого круга почти до берегов Австралии, фрегат на 106 меридиане резко повернул на север. Переход 7000 миль до Зондского пролива по Индийскому океану был совершен в 34 дня со средней скоростью 8,5 узла. Столь быстрого перехода до «Паллады» не совершало ни одно парусное судно.

После захода в Сингапур «Паллада» ушла в Гонконг. Путятин направился к островам Бонин-Сима, чтобы поскорее соединиться с ожидающими его там кораблями русской эскадры: стало известно о русско-турецком конфликте.

Тихий океан встретил «Палладу» тайфуном. Взяли все рифы у марселей, закрепили крьюсели. За все время жестокого шторма, продолжавшегося 30 часов, фрегат шел со скоростью 12 узлов. 9 июля шторм достиг своей

крайней силы. Дождь лил как из ведра, барометр резко падал, небо почернело, видимость уменьшилась. Сильным порывом ветра изорвало грот, затем фок. Матросы быстро заменили фок и взяли рифы, грот закрепили. Через несколько часов изорвало фор-марсель. Фрегат сильными размахами, доходившими до 45°, крепил то на правый, то на левый борт. От порывистой качки лопнули 3 грот-ванта. Во время размахов корабля грот-мачта гнулась и зловеще трещала. Казалось, что она вот-вот рухнет, давя и круша все под собой. Только благодаря смелости марсовых удалось завести вокруг топа мачты стропы и специальные тали, которые обтянули шпилем. В корпусе обнаружилась течь.

Только через месяц фрегат достиг островов Бонин-Сима, где его ожидала русская эскадра. Команда занялась ремонтом судна, приведением в порядок такелажа и парусного вооружения. На острове была срублена из красного дерева новая мачта. Тем временем офицеры провели опись южной группы островов Бонин-Сима. Исправив повреждения, вся эскадра взяла курс к берегам Японии. «С напряженным вниманием и любопытством, — писал Путятин, — которое постепенно поддерживалось в течение длительного плавания, завидели мы берега Японии, как странно во многих отношениях загадочной и неисследованной. Поэтому минута, когда 9 августа наши 4 корабля бросили якорь на Нагасакском рейде, была одною из торжественных минут нашего плавания».

Адмирал Путятин приступил к выполнению своей дипломатической миссии, которая была очень трудна, так как японцы не были склонны к быстрому разрешению вопросов. Япония к этому времени была закрыта для европейцев. Что из себя представляет эта загадочная Страна восходящего солнца, никто не знал.

В Японии в 1624 году был издан закон, по которому под страхом смертной казни японцам запрещалось покидать страну, а иностранцам приближаться к берегам Японии.

В 1639 году было сделано исключение для голландских купцов, которым разрешалось торговать в единственном порту страны — Нагасаки. Было несколько случаев, когда японских рыбаков в шторм относило к русским берегам. Их переправляли в Японию, но на родине их не принимали, а отправляли назад.

В ноябре 1853 года Путятин на «Палладе» побывал в Шанхае, где узнал о разрыве дипломатических отношений Турции и России.

Временно закончив переговоры, 24 января 1854 года экспедиция покинула Нагасаки и направилась в Манилу, так как корабли требовали ремонта. В Маниле узнали о славной победе русского флота при Синопе, героем которой стал первый командир фрегата «Паллада» Павел Степанович Нахимов.

Надвигалась угроза войны на Дальнем Востоке, и поэтому Путятин уходит в феврале из Манилы. Корабли разошлись своими маршрутами. В пути узнали о разрыве с Англией и Францией.

С 20 апреля 1854 года фрегат «Паллада» начал опись восточного побережья Кореи, чтобы уточнить карту этих берегов, составленную в Китае в 1709—1717 годах и совершенно не отражавшую истинного очертания описываемого берега.

Погода стояла отличная, и фрегат, следуя в 0,5—4 милях от берега произвел опись от бухты Чосань (35° северной широты) до залива Посьета (42° 31' северной широты). Почти месяц старший штурман фрегата Халезов вместе с поручиком Поповым и мичманом Пещуровым вели опись с корабля и со шлюпок, собирая ценный материал для лоции и новых карт. 50 пунктов, ранее не нанесенных ни на одну карту, были определены и получили имена участников экспедиции — Унковского, Тихменева, Пещурова, Халезова, Гончарова, Анжу, Шварца, Болтина, Гошкевича, а также русских флотоводцев — Лазарева и Бутакова. У корейского берега были открыты заливы Гошкевича и Лазарева. Уже на русской территории в заливе Петра Великого были описаны и названы в честь участников экспедиции остров Фуругельма, острова Римского-Корсакова, залив Посьета, бухты Назимова, Рейд Паллады, мысы Халезова и Деда. В связи с надвигающимися туманами, закончив опись, 11 мая фрегат ушел в Императорскую гавань.

22 мая фрегат вошел в Императорскую гавань, где узнали, что Англия и Франция объявили войну России. На кораблях и на берегу началась деятельная подготовка к обороне.

22 июня прибыл генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев и приказал провести «Палладу»

в реку Амур, в безопасное место, так как фрегат за время длительных плаваний совсем износился. Прибывший для участия в проводке капитан 1-го ранга Невельской объяснил Муравьеву, что Амурский лиман пока изучен недостаточно, по тем фарватерам, которые известны, провести фрегат, имеющий осадку 6,6 метра, невозможно.

Путятин, сняв Константиновский пост, 16 июля на фрегате «Паллада» подошел к мысу Лазарева в Амурском лимане. С «Паллады» сняли пушки, запасные канаты и весь тяжелый груз, сняли парусное вооружение и заменили камуфляжем. Позднее выгрузили часть балласта и сняли ютовую надстройку, но осадка кормой все же осталась 6 метров. Разгрузившись, фрегат самостоятельно пошел по Сахалинскому фарватеру. 4 сентября до Северного фарватера осталось всего 35 миль, а там уже без затруднений можно выйти в Амур. Ночью разыгрался шторм. На мелководном лимане он особенно тяжел. «Паллада» еле отстоялась на якорях. Люди измучились до предела. Разбило два катера и барказ. «Паллада» вернулась назад к мысу Лазарева. Несмотря на все меры, принятые офицерами и командой, фрегат из-за штормов, банок и отсутствия паровых судов ввести в Амур не удалось. Тщательный осмотр корпуса показал, что фрегату нельзя выходить в море. Путятин решил поставить фрегат на зимовку в Императорской гавани, с тем чтобы весной ввести в Амур. Команду сняли и отправили в Николаевск-на-Амуре. Унковского отозвали в Петербург. Командиром «Паллады» был назначен капитан-лейтенант Бутаков, прибывший с фрегатом «Диана». На «Палладе» осталась команда из 10 матросов во главе с боцманом Синицыным.

24 сентября 1854 года «Диана» отбуксировала разруженный остов «Паллады» в Императорскую гавань и оставила в бухте Константиновской (ныне Постовая). Отдав боцману приказание взорвать фрегат «Паллада» в случае появления противника, Путятин на фрегате «Диана» ушел в Японию и стал в бухте Симода. 11 декабря в бухте началось землетрясение. «Диану» швыряло, крутило, било о собственные якоря. Сорвало руль, в трюмах появилась вода.

Последствия цунами были тяжелыми: разрушенный город Симода, человеческие жертвы.

Когда стихло, разбитый фрегат отбуксировали в бух-

ту Хеда, но 6 января 1855 года снова разразился шторм, и «Диана» затонула у чужих берегов.

Команда фрегата сошла на берег и расположилась на берегу бухты Хеда. Адмирал Путятин решил своими силами построить шхуну. Японцы помогли материалами. Через четыре месяца по чертежам Можайского, будущего создателя первого в мире самолета, и под его руководством, шхуна была готова. Ее назвали «Хеда». К этому времени Путятин добился подписания выгодного для России русско-японского договора. На зафрахтованных иностранных судах Путятин отправил основную часть команды в Петербург, а сам с 8 офицерами и 40 матросами в конце апреля вышел на шхуне «Хеда» в море, держа курс в Петропавловск. Войдя 10 мая в Авачинскую губу, Путятин узнал, что русская флотилия ушла из Петропавловска, и направился к устью Амура. Через два дня шхуна в тумане разошлась с неприятельскими кораблями и, незамеченная ими, вскоре пришла к Амуру. Здесь экипаж шхуны пересел на винтовой корвет «Надежда». С большими трудностями моряки поднялись по Амуру и Шилке до местечка Усть-Стрелецк, а оттуда сухим путем — до Иркутска и далее до Петербурга.

Так закончилась эта славная экспедиция, прошедшая через тысячи трудностей и невзгод.

Жители деревни Хеда чтут память о русских моряках, перенесших вместе с ними большое несчастье. На месте постройки шхуны «Хеда» в 1923 году на деньги, собранные жителями деревни, была поставлена каменная стела. На кладбище бережно сохраняются две могилы русских моряков. В 1969 году в деревне открылся музей, посвященный экспедиции адмирала Путятина. В нем представлены документы, связанные с пребыванием в Японии фрегата «Диана» и с постройкой шхуны «Хеда». Имеются личные вещи моряков. Перед музеем — небольшой скромный памятник: русский матрос и японский рыбак стоят опираясь руками на якорь.

Отразив нападение англо-французской эскадры на Петропавловск в 1854 году, Камчатская флотилия, сняв гарнизон, ушла из Авачинской губы.

26 апреля 1855 года флотилия, завершив тяжелый переход, вошла в Императорскую гавань, где в Константиновской бухте, закованный льдами, одиноко стоял фрегат «Паллада». Вывести фрегат из ледового

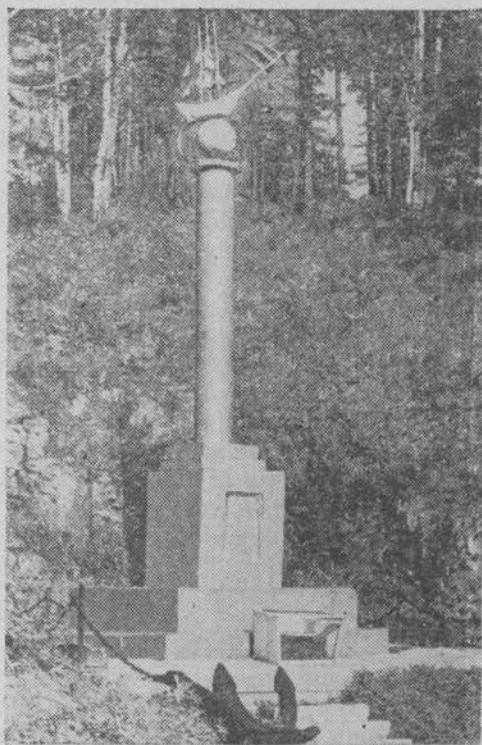
плена не представлялось возможным. Завойко собрал совет из командиров кораблей, чтобы решить судьбу «Паллады». Для вывода фрегата нужно было пропилить лед в Константиновской бухте, а для подготовки фрегата требовалось не менее двух недель. Неприятеля же можно было ожидать с часу на час. На кораблях флотилии появилось много больных, команды были измучены работами по снятию порта и двадцатидневным переходом. Совет командиров кораблей принял решение: флоту идти к мысу Лазарева, а фрегат «Паллада» оставить в Константиновской бухте.

Кончилась навигация 1855 года.

25 ноября 1855 года посланный на «Палладу» подпоручик корпуса флотских штурманов Кузнецов сообщил контр-адмиралу Невельскому, что Императорская гавань покрылась льдом, неприятель не показывался, команда здорова, и попросил провианта на 10 месяцев. В то время как Невельской получил письмо от Кузнецова, на Мариинский пост прибыл мичман Разградский, имеющий приказание следовать в Императорскую гавань с тем, чтобы там затопить фрегат «Паллада», а команду с Кузнецовым доставить в Николаевск. Невельской задержал Разградского у себя на посту, а контр-адмиралу Завойко спешно отправил донесение Кузнецова и свое письмо, в котором писал: «...В уничтожении фрегата «Паллада» не предстоит ныне ни малейшей крайности, потому что до вскрытия Императорской гавани, до мая месяца 1856 года, может последовать перемирие и даже мир, а потому нужно... подтвердить Кузнецову, в случае если мира не последует и неприятель войдет с целью завладеть фрегатом, действовать в точности согласно данным ему инструкциям, то есть взорвать фрегат, а самому с людьми отступить в лес по направлению к Хунгари. Подобное действие будет иметь гораздо большее влияние на неприятеля в нашу пользу, чем затопление без всякой еще крайности фрегата...» Завойко ответил Невельскому, что имеет на этот счет приказание, а изменять его он не берет на себя ответственности. Далее в письме Завойко повторяет: мичману Разградскому немедленно следовать в Императорскую гавань и затопить фрегат.

Прибыв в январе 1856 года в Императорскую гавань, Разградский вместе с командой начал подготовку фре-

гата к затоплению. Разоруженная «Паллада» стояла на мелководье. Решено было вывести ее на середину бухты, скованной льдом. Моряки прорубили во льду канал. Для буксировки использовали собачью упряжку. Мачты фрегата были сняты и сожжены на палубе, днище в нескольких местах прорублено.

Памятник фрегату «Паллада» в Совгавани

Медленно, словно нехотя, погружался корпус корабля, и скоро черная вода сомкнулась над ним.

Это случилось 31 января 1856 года.

Опасение Завойко подтвердилось, 19 мая 1856 года английский фрегат «Пик» под командованием битого под Петропавловском Никольсона побывал в Импера-

торской гавани, о существовании которой он узнал зимой 1855 года от капитанов американских судов, приходивших на Амур.

Известие о мире, подписанном 30 марта 1856 года в Париже, пришло на Амур лишь в конце мая.

Русские моряки не забыли фрегат.

В 1913 году офицер Петров спустился на дно бухты к «Палладе» и достал несколько кусков дерева, из которых сделал модель пушки и передал в Центральный военно-морской музей.

В 1914 году было произведено первое обследование «Паллады», но никаких работ по подъему производить не стали.

В годы гражданской войны, когда на Дальнем Востоке хозяйничали американо-японские империалисты, японцы неоднократно спускались под воду и обшаривали фрегат: искали ценности, золото.

В 1932 году начались водолазные работы по обследованию фрегата, чтобы поднять его и поставить как музейную ценность. Но фрегат был настолько разрушен, что поднять его весь было невозможно.

В 1940 году было произведено детальное обследование «Паллады». Фрегат лежал на грунте кормой к берегу, имея крен 40° на левый борт и дифферент на нос 10°. Корпус сильно поврежден. Носовая часть на протяжении 40 м сохранилась лучше. Корма разрушена. Надстройки, рангоут и такелаж свалились внутрь корпуса.

В 1941 году делались попытки поднять фрегат. Инженер Тихоокеанского ЭПРОНа воентехник 1-го ранга Винокур предложил проект подъема фрегата. Нужно было под днищем корабля прорыть 6 тоннелей и подвести 3 пары 80-тонных понтонов. Война помешала осуществить замысел.

Сначала в 1943 году, а затем в 1947 году водолазы подняли с фрегата куски медной и деревянной обшивки, войлок и два чугунных клюза с хорошо сохранившейся надписью: «Паллада».

Произведенный в 1947 году осмотр показал, что корпус фрегата «Паллада» более чем на 6 метров всосан в грунт. Подъем фрегата стал невозможным.

В 1956 году был поднят якорь «Паллады», доставлен во Владивосток и установлен на Русском острове.

20 октября 1963 года в бухте Постовой состоялось торжественное открытие памятника фрегату «Паллада». Он сооружен военными моряками-тихоокеанцами по проекту своего сослуживца старшины 2-й статьи П. В. Иванова. На постаменте высечены слова: «В знак памяти и глубокого уважения к экипажу фрегата «Паллада». Устремленная в небо высокая стройная колонна увенчана метровым макетом фрегата. Все сделано руками матросов, наследников славных боевых традиций русских моряков. У подножия памятника — обломок шпангоута и позеленевшая медная пластина из обшивки фрегата, поднятые водолазами со дна бухты.

Петропавловский б о й

Главным русским портом на Тихом океане в середине прошлого столетия был Петропавловск, центр Камчатской области. Интересные сведения сообщает о нем путешествовавший в те годы по Камчатке Дитмар: «На востоке перед зрителем выступают от подошвы до вершины во всей своей красе величавые Коряцкая и Авачинская сопки... Ослепительно-белые, покрытые свежим снегом, эти горные колоссы поднимаются над темной, еще бесснежной равниной, омываемой вдали на юго-востоке темно-синим океаном. На севере громоздятся массивы камчатского Среднего хребта, также блестящие от снега и льда. На западе и юге совсем близко подступает обширная Авачинская губа с своей синей поверхностью и дает возможность свободно обозреть окружающие ее бесчисленные мысы и бухты. Далеко на юг виднеется узкий изорванный вход с моря...»

Здесь, между Петровской горой, Култушным озером и Николаевской сопкой, «посреди долины лежит небольшой городок Петропавловск и его чудная маленькая бухта... Между бухтой и озером

расположены, окаймляя улицы и площади, почти исключительно казенные дома, стоящие очень просторно; число этих домов, по сведениям канцелярии губернатора, простиралось до 40... К этой, лучше выстроенной, казенной части города непосредственно примыкает неофициальная, расположенная вдоль всего восточного берега маленькой губы и образующая пять параллельных с ним вытянутых рядов. Домов здесь всего 116. Весь Петропавловск построен исключительно из дерева, причем все частные дома крыты тростником и длинной травой, казенные же — железом. В самом конце бухты, непосредственно к берегу, стоят строения морского ведомства: гауптвахта, несколько магазинов, пекарня и несколько небольших мастерских... По переписи 1852 года весь описываемый городок имел всего 1593 жителя (1177 мужского и 416 — женского пола)». Официальное извещение о начале Крымской войны 1853—1856 гг. в Петропавловске получили в мае 1854 года. Военный губернатор Камчатки и командир Петропавловского военного порта генерал-майор Василий Степанович Завойко, ожидая нападения, немедленно развернул работы по подготовке города и порта к войне. Сил было мало — личный состав гарнизона насчитывал всего 125 человек.

В июне пришел, вырвавшийся из англо-французского плена в Кальяо, фрегат «Аврора» под командованием капитан-лейтенанта Н. Н. Изюльметьева. В июле транспорт «Двина» доставил 350 солдат Сибирского линейного батальона.

Готовясь к войне, Завойко должен был решить вопрос: отступить ли в случае нападения на порт в глубь острова или дать бой противнику малыми силами.

Василий Степанович Завойко с 12 лет начал флотскую службу. Мичманом в 1827 году участвовал в знаменитом Наваринском сражении, завершившемся разгромом турецкого флота. Совершил два кругосветных плавания, много лет отдал Дальнему Востоку. И он принял решение: русскую землю защищать до последнего человека, до последней капли крови.

Военный губернатор обратился к защитникам города с воззванием: «Петропавловский порт должен быть всегда готов встретить неприятеля. Я надеюсь, что жи-

тели, в случае нападения неприятеля, не будут оставаться праздными зрителями боя и будут готовы с бодростью, не щадя жизни, противостоять неприятелю и наносить ему возможный вред и что обыватели окрестных селений, в случае надобности, присоединятся к городским жителям.

Я пребываю в твердой решимости, как бы ни многочислен будет враг, сделать для защиты порта и чести русского оружия все, что в силах человеческих возможно, и драться до последней капли крови; убежден, что флаг Петропавловского порта во всяком случае будет свидетелем подвигов чести и русской доблести».

Началось возведение оборонительных укреплений, береговых батарей.

К августу 6 батарей были готовы. Первая батарея под командованием лейтенанта Гаврилова была установлена на мысе Сигнальном. Вторую батарею поставили на песчаной косе у входа во внутреннюю гавань. В подчинении командира батареи лейтенанта Дмитрия МаксUTOва было 11 орудий. На перешейке, соединяющем Никольскую и Сигнальную горы, поставили третью батарею из пяти орудий под командованием лейтенанта Александра МаксUTOва, брата Дмитрия МаксUTOва. Четвертую батарею поставили южнее входа во внутреннюю гавань. Пятая батарея под командованием капитан-лейтенанта Василия Кораллова расположилась на перешейке между Авачинской губой и Култушным озером. Шестая батарея из четырех пушек с транспорта «Двина» встала на берегу Култушного озера. «Аврора» и «Двина» были поставлены у входа во внутреннюю гавань левыми бортами. Гарнизон приготовился к встрече врага.

17 августа сигнальщики с передовых постов обнаружили в море неприятельскую эскадру из шести кораблей. Петропавловский гарнизон занял места по боевой тревоге.

Англо-французская объединенная эскадра под командованием контр-адмирала Прайса в составе кораблей: английских — 52-пушечного фрегата «Президент», 44-пушечного фрегата «Пайк», парохода «Вилаго» с 6 дальнобойными бомбическими орудиями; французских — 60-пушечного фрегата «Ла-форт», 32-пушечного корвета «Евридика» и 18-пушечного брига «Облига-

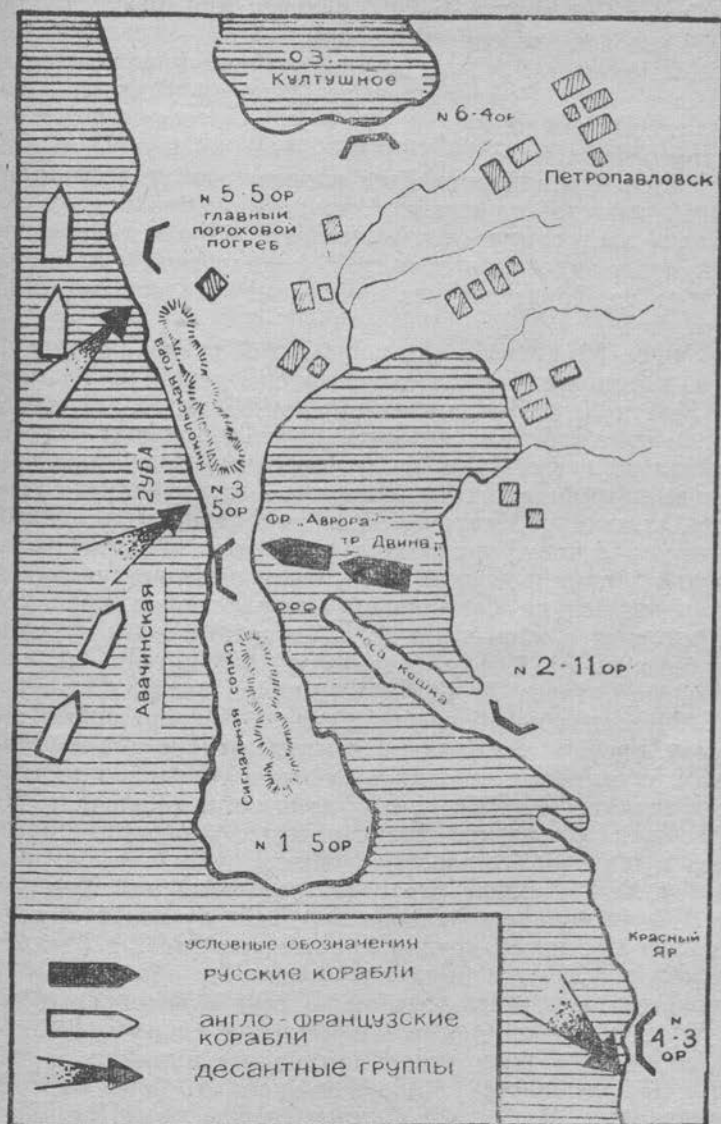

Схема обороны Петропавловска. 1854 г.

до» — 18 августа вошла в Авачинскую губу. Противник имел 216 орудий и 2600 человек против 61 орудия и 920 человек защитников города.

Союзники наряду с осадой Севастополя имели целью нанести России удар на Дальнем Востоке — захватить Петропавловск и разгромить русский флот на Тихом океане.

На следующий день был назначен штурм города. Но 19 августа на своем флагманском корабле «Президент» застрелился контр-адмирал Прайс. Вступивший в командование эскадрой французский адмирал Феврие де Паунт перенес начало штурма еще на один день.

Утром 20 августа, подтянув корабли к Сигнальной горе, противник открыл огонь из 80 орудий по батареям № 1 и № 4. Заговорили орудия батарей. Мужественно сражались батареи на Сигнальном мысу. Буквально засыпанная неприятельскими бомбами батарея не прекращала огня. Раненые отказывались уходить, командир батареи лейтенант Гаврилов, раненный в ногу и голову, продолжал руководить боем. Часть орудий засыпало землей, часть была выведена из строя. Находящийся на Сигнальном мысу Завойко приказал оставшимся в живых покинуть батарею № 1 и перейти на батарею № 4. Тем временем неприятель усилил огонь по батарее № 4, а южнее начал высадку десанта в 600 человек на 15 гребных судах. Поддержанные огнем «Авроры» и «Двины», командоры 1-й и 4-й батарей и стрелковые отряды поручика Губарева и мичмана Фесуна с криками «ура» атаковали французов. Не выдержав штыковой атаки русских, французы бросились в шлюпки, оставив на берегу убитых. Батареи № 1 и № 4 умолкли. Враг перенес огонь на батарею № 2. 9 часов продолжалась неравная дуэль 11 орудий батареи против 80 орудий противника, но 2-я батарея выстояла. Попытка высадить десант у батареи № 3 также не увенчалась успехом. К вечеру интервенты отступили, имея серьезные повреждения своих кораблей.

24 августа рано утром противник подтянул корабли к Петропавловску. Первой начала бой батарея Александра МаксUTOва, открыв огонь по «Президенту». С первых же залпов комендоры сбили англичанину кормовой флаг. Затем против батареи встал «Ла-

форт». Пять пушек против тридцати. Вначале бой проходил успешно. Каждое ядро попадало в цель, снося рангоут, вливаясь в корпус. «Ла-форт» ответил ураганным огнем. Всего французский фрегат сделал 869 выстрелов по батарее № 3. На перешейке, где стояла батарея, не было ни одного клочка земли, не изрытого ядрами. Только на участок самой батареи упало 182 ядра. Полтора часа вела бой героическая батарея. Когда в строю осталось всего одно орудие, командир батареи Александр Максотов бросился к нему и продолжал огонь по противнику, пока не упал, смертельно раненый.

Батарея № 5 дольше других противостояла губительному огню «Президента» и «Вираго». Когда батарея была совсем разбита, орудия завалены землей, а командир батареи капитан-лейтенант Кораллов сильно кантужен, батарейцы отошли. Противник начал высадку десанта. В районе 5-й батареи высадилось 700 человек. У 3-й батареи высадился еще один десант в 250 человек.

Разделившись на три группы, неприятель повел наступление на город. Наиболее многочисленная колонна атаковала батарею № 6, прикрывавшую дорогу в Петропавловск. Батарейцы не растерялись и встретили врага плотным картечным огнем. Враг смешался и вскоре отступил к горе Никольской, где присоединился к двум другим группам. Заняв Никольскую гору, враг угрожал городу.

«Момент был, действительно, критический, — писал участник сражения мичман Фесун. — Красные мундиры английских морских солдат появляются над... батареей и штурмерные пули уже сыплются на «Аврору» градом. Потеряй мы секунду времени, успеет союзник опомниться, собраться с силами — и все было бы кончено. Но мы не потеряли этой секунды!»

Оценив обстановку, Завойко бросает на Никольскую гору три стрелковых отряда с «Авроры», орудийную прислугу батарей № 3 и № 2, два портовых стрелковых отряда, отряд добровольцев. Отряд русских, общей численностью 300 человек, пошел на штурм Никольской горы. Ударили в штыки. Закипел рукопашный бой. Союзники в панике бросились вниз к шлюпкам.

К полудню сражение кончилось. Приняв остатки десанта, корабли отошли в глубь Авачинской губы и начали исправлять повреждения.

26 августа, исправив повреждения и не имея возможности повторить нападение, англо-французская эскадра вышла из Авачинской губы в открытое море.

Противник потерял до 450 человек. В плен было взято 4 человека, захвачено английское знамя, 7 офицерских сабель и 56 ружей.

Защитники Петропавловска потеряли 32 человека убитыми. Они похоронены в братской могиле у подножия Никольской горы, где стоит сейчас памятник «Часовня», установленный в 1912 году по проекту инженера Заранека на пожертвования от населения.

На вершине Никольской горы, где решалась судьба сражения, в 1881 году воздвигнут величественный обелиск «Слава».

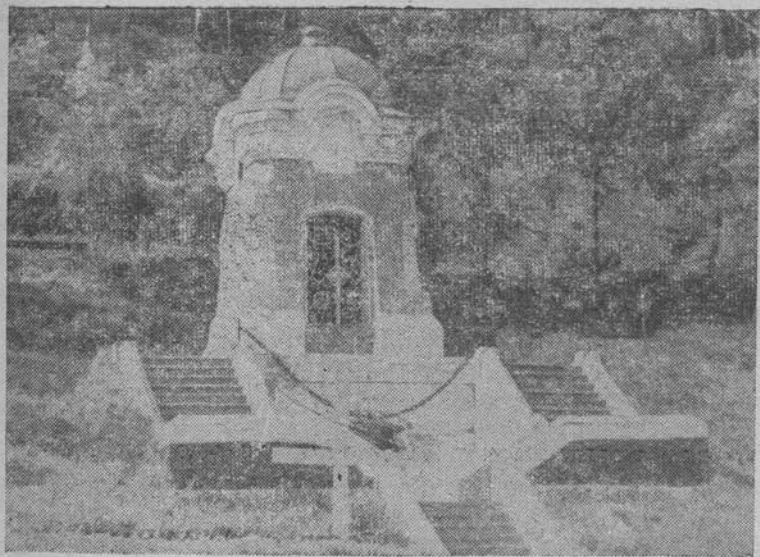
В честь столетия Петропавловской обороны воинами-тихоокеанцами установлен памятник героической 3-й батарее Александра МаксUTOва, погибшего в бою.

Предвидя новое нападение интервентов на следующий год, Завойко предложил правительству эвакуировать весь гарнизон Петропавловска. Получив разрешение, начали готовить порт и корабли к эвакуации.

5 апреля 1855 года Камчатская флотилия в составе корвета «Оливуца», фрегата «Аврора», военных транспортов «Двина», «Иртыш», «Байкал» и бота № 1 покинула Петропавловск. На корабли были погружены пушки, военное снаряжение, имущество учреждений, гарнизона, населения.

19 мая 1855 года в Авачинскую губу вновь вошла неприятельская эскадра в составе 15 кораблей. Командующий эскадрой адмирал Брюс в своем донесении английскому адмиралтейству писал, в каком виде он застал Петропавловск: «Я нашел его совершенно покинутым, там не осталось ни одного судна, ни одной пушки, виднелись только пустые амбразуры батарей и оставленные дома». Потерпев неудачу и не зная, куда ушла Камчатская флотилия, англо-французская эскадра перешла на крейсерование в Охотском море и Татарском проливе.

После захода в Императорскую гавань 1 мая 1855 года Камчатская флотилия пришла в залив Де-

Памятник «Часовня»

Кастри (ныне залив Чихачева) и приготовились к отражению нападения противника. 8 мая к заливу подошло 3 английских корабля под командованием командора Эллиота. После короткой перестрелки с корветом «Оливуца» неприятельские корабли ушли.

Как только лиман очистился ото льда, корабли вышли из залива Де-Кастри и 23 мая сосредоточились в Амурском лимане у мыса Лазарева. Ровно через 14 часов после ухода Камчатской флотилии из залива Де-Кастри сюда явилась английская эскадра. Велико же было изумление интервентов, когда они увидели, что на рейде нет ни одного корабля. Противник не знал об открытиях Г. И. Невельского, не знал о том, что с юга возможен проход в Амур.

Взбешенный неудачами, противник метался по Японскому и Охотскому морям в поисках исчезнувших кораблей и пиратствуя по побережью. Дважды подвергался варварским налетам торговый порт Аян. Английский фрегат «Пик» и французский «Сибилла» разграбили село Компанейское на острове Уруп, захватив

там около 300 шкурок ценной пушнины и запасы продовольствия. Неприателем было захвачено несколько беззащитных торговых судов. Только в Охотском море в 1855 году рыскало 22 французских и 34 английских военных корабля, но корабли Камчатской флотилии они так и не нашли...

Русские моряки сумели сохранить свой флот и тем самым свели на нет стратегические замыслы интервентов.

Петропавловский бой наряду с Гангутом и Гренгамом, Чесмой и Наварином, Синопом и Севастополем золотыми буквами вписан в героическую летопись побед русского флота.

Крейсер „Варяг“

Все воинские корабли российские не должны ни перед кем спускать флаги...

Из Петровского Морского устава

Крейсер 1-го ранга «Варяг», построенный по заказу России в Филадельфии, имел водоизмещение 6500 т, скорость хода — до 17 узлов. Вооружение состояло из двенадцати 152-мм орудий, двенадцати 75-мм орудий, восьми 47-мм орудий, двух пулеметов и 6 торпедных аппаратов. Экипаж — 570 человек, из них 20 офицеров.

3 мая 1901 года, закончив переход из Филадельфии, крейсер «Варяг» стал на якорь на Большом Кронштадтском рейде. Главный командир Кронштадтского порта вице-адмирал Степан Осипович Макаров прибыл на корабль и принял рапорт командира крейсера капитана 1-го ранга Бэра о благополучном переходе через Атлантику. Поздравив моряков, Макаров объявил, что крейсер приписан к Тихоокеанской эскадре.

18 августа крейсер вышел из Кронштадта для перехода на Дальний Восток, а в феврале 1902 года прибыл в Порт-Артур и вошел в состав кораблей Порт-Артурской эскадры.

В декабре жестокость и издевательства Бэра вызвали протест всего экипажа. Бэра с корабля убрали, перевели с повышением, а командиром крейсера был на-

значен капитан 1-го ранга В. Ф. Руднев, служивший старшим помощником командира Порт-Артурского порта.

Всеволод Федорович Руднев родился 19 августа 1855 года в селе Ятцком Тульской губернии в семье потомственного моряка капитана 1-го ранга Федора Николаевича Руднева, участника русско-турецкой войны 1828—1829 гг., сподвижника адмирала М. П. Лазарева. Рудневы вели свою морскую династию со времен Петровского флота.

В 1872 году Всеволода Руднева определяют в Морской кадетский корпус, который он закончил нахимовским стипендиатом и после практического плавания гардемаринном на фрегате «Петропавловск» в 1877 году произведен в первый офицерский чин — мичмана. Затем кругосветное плавание на крейсере «Африка», и в 1891 году Руднев назначается командиром миноносца «Котлин». Затем служба в различных должностях на военном транспорте «Петр Великий», броненосцах «Гангут», «Адмирал Корнилов», «Император Николай I». В 1899 году Руднев принял командование броненосцем «Адмирал Грейг». За тридцать лет после окончания корпуса Руднев служил на 17 кораблях, совершил 9 заграничных плаваний и три кругосветных. Таким был командир, поднявшийся на мостик крейсера «Варяг».

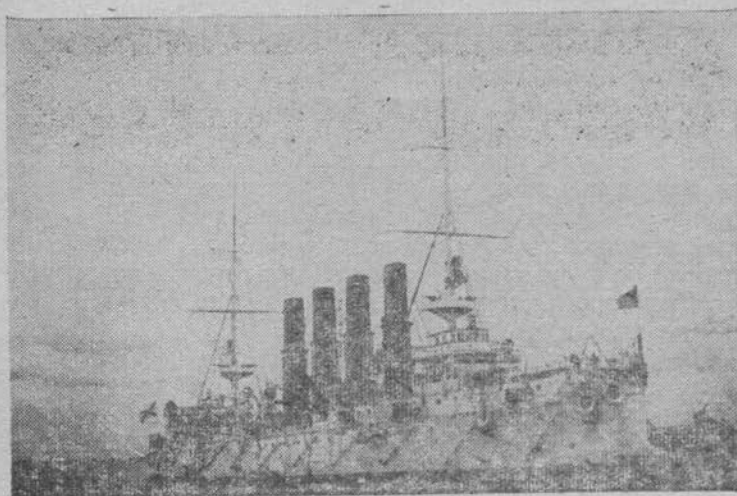
В декабре 1903 года «Варяг» был направлен стационаром * в корейский порт Чемульпо в распоряжение русского посланника, находящегося в Сеуле.

В Корее особенно чувствовалось приближение войны с Японией. Корейский император на случай войны объявил нейтралитет.

5 января 1904 года в Чемульпо с задачей охраны русской дипломатической миссии в Корее вошла канонерская лодка «Кореец». Тихоходная, она имела устаревшее артиллерийское вооружение. Командовал «Корейцем» капитан 2-го ранга Григорий Павлович Беляев.

24 января командующий соединенным японским флотом вице-адмирал Того собрал своих флагманов на броненосце «Микаса», объявил о решении микадо начать войну с Россией и отдал приказание первому, второму

* Стационар — судно, постоянно находящееся на стоянке (станции) в каком-нибудь иностранном порту.

Крейсер «Варяг»

и третьему боевым отрядам броненосцев вместе с отрядом истребителей идти к Порт-Артуру и атаковать стоящие на рейде русские корабли. Четвертому боевому отряду контр-адмирала Уриу Того приказал вместе с девятым и четырнадцатым отрядами миноносцев следовать в Чемульпо, атаковать русские корабли и обеспечить высадку десанта. Уриу рекомендовалось захватить крейсер «Варяг» в качестве подарка императору к предстоящему празднику — дню восшествия микадо на престол.

В эти тревожные дни Руднев обратился к русскому посланнику с предложением отправить «Варяга» и «Корейца» в Порт-Артур на соединение с главными силами, ибо на рейде Чемульпо с его узким входом корабли окажутся запертыми в ловушке. Посланник Павлов не проявил решительности, однако согласился отправить «Корейца» в Порт-Артур с донесением, так как связи не было никакой.

26 января «Кореец» снялся с якоря, но на выходе с рейда встретил японские корабли отряда адмирала Уриу. Три миноносца атаковали «Корейца», выпустив по нему мины, но Беляев успешно уклонился и вернулся на рейд к «Варягу». Японские корабли блокировали выход в море.

Утром 27 января капитан 1-го ранга Руднев отправился на английский крейсер «Толбот», где состоялось совещание командиров стоящих на рейде Чемульпо иностранных кораблей. Здесь на совещании Рудневу вручили ультиматум японского адмирала Уриу — до 12 часов выйти в море, в противном случае русские корабли будут атакованы прямо в порту. Прочитав ультиматум, Руднев заявил: «Сделаю попытку прорваться и приму бой с эскадрой, как бы она велика ни была, но сдаваться никогда не буду, также и сражаться на нейтральном рейде». Он попросил сопроводить «Варяга» до выхода с рейда, но получил отказ.

Прибыв на корабль, Руднев приказал построить команду и объявил о начале войны с Японией, о своем решении выйти в море и дать бой врагу.

В 11 часов 20 минут «Варяг» и «Кореец» снялись с якоря и начали движение с рейда. Команды иностранных кораблей были построены на палубах и криками выражали свое восхищение русскими, идущими на верную смерть. На итальянском крейсере «Эльба» исполнили российский гимн...

Через несколько минут показалась японская эскадра из 14 кораблей: броненосный крейсер «Асама», 5 крейсеров и 8 миноносцев. Силы были явно неравны. Кроме того, японские корабли могли свободно маневрировать, а русские корабли шли по узкому фарватеру. В первой линии расположились крейсера, за ними — миноносцы. Уриу, увидев выходящий «Варяг» и уверенный, что русские корабли станут его боевыми трофеями, приказал поднять сигнал с предложением русским кораблям сдаться в плен. Вместо ответа Руднев приказал поднять стеньговые боевые флаги.

В 11 часов 45 минут крейсер «Асама» открыл огонь. Через две минуты крейсер «Варяг» ответил из своих орудий. Сотни вражеских снарядов взметнули воду у борта «Варяга».

Красноречивее всех описаний о ходе боя говорит вахтенный журнал крейсера «Варяг»: «11 ч. 47 м. Начали пристрелку, а затем открыли огонь по неприятелю правым бортом бронебойными снарядами. Один из первых снарядов японцев, попавших в крейсер, разрушил правое крыло переднего мостика, произвел пожар в штурманской рубке и перебил фок-ватер, причем был убит

младший штурман, определяющий расстояние, мичман граф Алексей Нирод, и убиты или ранены все дальномерщики станции № 1.

После этого выстрела снаряды начали попадать в крейсер чаще, причем недолетавшие снаряды разрывались при ударе об воду и осыпали осколками и разрушали надстройки и шлюпки.

Последующими выстрелами было подбито 6-дюймовое орудие № 3, причем вся прислуга орудия и подача убиты или ранены, одновременно тяжело ранен плутонговый мичман Губонин, продолжавший командовать плутонгом* и отказавшийся идти на перевязку, пока не упал. Непрерывно следовавшими снарядами был произведен пожар на шканцах**, который был потушен стараниями ревизора мичмана Черниловского-Сокола, у которого осколками было изорвано бывшее на нем платье; пожар был очень серьезен, так как горели патроны с бездымным порохом, палуба и вельбот № 1. Возгорание произошло от снаряда, разорвавшегося на палубе, при этом подбиты: 6-дюймовые орудия № 8 и 9 и 75-мм орудие № 21, 47-мм орудие № 27 и № 28. Другими снарядами почти снесен боевой грот-марс***, уничтожена дальномерная станция № 2, подбиты орудия № 31 и № 32, а также произведен пожар в рундуках жилой палубы, вскоре потушенный.

12 ч. 5 м. Пройдя траверз острова Иодольми, была перебита труба на крейсере, в которой проходили рулевые приводы, снарядом, разорвавшимся у фок-мачты, был контужен в голову командир крейсера, убиты наповал стоявшие около него по обеим сторонам штаб-горнист и барабанщик, ранен тяжело в спину стоявший на штурвале рулевой старшина Снигирев и легко ранен в руку ординарец командира квартирмейстер Чибисов. Управление крейсером было перенесено в румпельное отделение. При громе выстрелов отдаваемые в румпель-

* Плутонг — совокупность орудий одинакового калибра на корабле, расположенных в помещении, допускающем возможность общего управления посредством голосовой связи. В настоящее время применяется термин «батарея».

** Шканцы — на военных кораблях часть верхней палубы между грот- и бизань-мачтами.

*** Грот-марс — площадка для наблюдения в верхней части грот-мачты.

ное отделение приказания были плохо слышны, почему все последующее время приходилось направлять курс крейсера машинами. Крейсер плохо слушался, будучи, кроме того, на сильном течении.

12 ч. 16 м. Желая на время выйти из сферы огня, чтобы по возможности исправить привод и потушить возникавшие в разных местах пожары, начали поворачивать вправо машинами, так как крейсер плохо слушался руля. Ввиду близости острова Иодольми дали полный задний ход. Крейсер поставило в невыгодное положение относительно острова в то время, когда был перебит рулевой привод при положении «лево руля» около 15—20°. Расстояние до неприятеля уменьшилось до 28—30 кабельтовых, огонь его уменьшился, а попадания увеличились.

Приблизительно в это время снаряд большого калибра пробил левый борт под водою, в огромное отверстие хлынула вода и 3-е котельное отделение стало быстро наполняться водой, уровень которой подходил к топкам. Были задраены угольные ямы, которые наполнились водой. Старший офицер со старшим боцманом подвели пластырь, вода все время выкачивалась, уровень стал понижаться, но тем не менее крейсер продолжал крепиться на левый борт.

Снарядом, прошедшим через офицерские каюты, которые были разрушены, пробита палуба и зажжена мучка в провизионном отделении. Вслед за этим пробиты коечные сетки на шкафуте под лазаретом, причем осколки попали в лазарет; койки в сетках загорелись, пожар быстро прекращен. Серьезные повреждения заставили выйти из сферы огня на более продолжительное время, почему и пошли полным ходом на рейд, продолжая отстреливаться левым бортом и кормовыми орудиями.

В продолжение боя одним из выстрелов 6-дюймового орудия № 12 был разрушен кормовой мостик крейсера «Асама» и произведен на нем пожар, причем «Асама» временно прекратил огонь. Кормовая башня его, по-видимому, была повреждена, так как до конца боя больше не действовала.

12 ч. 40 м. При подходе крейсера к якорному месту, когда огонь японцев становился опаснее для иностранных судов, стоявших на рейде, они его прекратили и преследовавшие нас два крейсера вернулись к эскадре.

12 ч. 45 м. Расстояние до японцев настолько увеличилось, что продолжать огонь нам было бы бесполезно, почему он и был нами прекращен».

Адмиралу Уриу не удалось ни пленить, ни победить русские корабли. В бою японцы потеряли один миноносец, а три крейсера получили тяжелые повреждения.

Осмотр «Варяга» показал, что корабль имеет серьезные повреждения. 76% артиллерии было выведено из строя, вышло из строя рулевое управление, третье котельное отделение. В пробойны поступала вода, и корабль медленно погружался. В бою погибли офицер и 30 матросов. Шесть офицеров и 85 матросов были ранены. Продолжать бой при таких обстоятельствах больше не было возможности, и капитан 1-го ранга Руднев принял решение взорвать и затопить «Варяг» и «Кореец» на рейде Чемульпо. Его решение было одобрено офицерами обоих кораблей.

В 16 ч. 05 м. взорвана канонерская лодка «Кореец».

На крейсере «Варяг» старший и трюмный механики открыли кингстоны. Команда сошла на шлюпки, подошедшие с иностранных кораблей.

В 16 ч. 50 м. последним с «Варяга» сошел капитан 1-го ранга Руднев, прижимая к груди изорванный осколками флаг корабля.

В 18 ч. 10 м. холодные волны Желтого моря сомкнулись над «Варягом».

В конце марта экипажи «Варяга» и «Корейца» прибыли в Одессу.

Русские люди горячо приветствовали своих героев. Все участники знаменитого боя были награждены георгиевскими крестами и специально учрежденной серебряной медалью: «За бой «Варяга» и «Корейца» 27 января 1904 года у Чемульпо».

Рудневу было присвоено звание флигель-адъютанта. Слава героев «Варяга» разнеслась по всему миру, о нем сложили песни.

В 1907 году от имени японского императора сотрудники японского посольства вручили Рудневу орден Восходящего Солнца 2-й степени. Этот орден Руднев никогда не носил. Персидский шах наградил его орденом Льва и Солнца 2-й степени с бриллиантовой звездой.

В обстановке нарастающей революции Морской генеральный штаб решил не сохранять спаянную команду

«Варяга» и расписал матросов корабля по разным экипажам.

Руднев был назначен командиром 14-го флотского экипажа и одновременно командиром строящегося эскадренного броненосца «Андрей Первозванный».

Капитан 1-го ранга Всеволод Федорович Руднев

В ноябре 1905 года за нежелание принять меры к революционно настроенным матросам 14-го флотского экипажа, отказавшимся выступить в Кронштадт, где начались революционные волнения, Руднев был уволен в отставку с одновременным производством в контр-адмиралы.

Вскоре Руднев покинул столицу и поселился в Туль-

ской губернии. 7 июля 1913 года Всеволод Федорович Руднев умер в деревне Савино.

По-разному сложилась судьба «варяжцев». Старший штурман крейсера «Варяг» Евгений Андреевич Беренс занимал ряд командных должностей на кораблях флота, а в 1914 году был назначен командиром крейсера «Адмирал Невельской». В 1917 году безоговорочно примкнул к революции. В 1918 году Евгений Андреевич назначается начальником Морского генштаба республики, а с 1919 года является командующим морскими вооруженными силами республики. Затем занимал ряд ответственных дипломатических должностей. 1 декабря 1926 года Беренс назначается председателем Реввоенсовета СССР. Умер Евгений Андреевич 8 апреля 1928 года.

Матросы «Варяга» участвовали в революции, защищали с оружием в руках молодую Советскую республику, восстанавливали народное хозяйство, защищали Родину в годы Великой Отечественной войны.

В дни пятидесятилетия героического боя «Варяга» и «Корейца», в феврале 1954 года, оставшихся в живых матросов (кого могли разыскать) пригласили в Москву на юбилейное торжество. Приехали трюмный старшина Федор Федорович Семенов, вестовой командира крейсера Тихон Прокофьевич Чибисов, матрос первой статьи Петр Егорович Поликов, горнист Н. Ф. Ярославцев, коммандоры В. И. Крутяков и Д. С. Заледеев, минер В. Ф. Бакалов, принимавший также участие в восстании на броненосце «Потемкин», боцман крейсера П. Ф. Кузнецов и другие. Всего удалось разыскать 15 человек. Все 15 моряков крейсера «Варяг» Указом Президиума Верховного Совета СССР были награждены медалью «За отвагу». Позднее этот Указ был распространен еще на 35 моряков крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец».

А какова судьба «Варяга»?

Уже через несколько дней после затопления японцы начали производить подъемные работы, однако крейсер «Варяг» подняли лишь в 1905 году и отправили на ремонт в Сасебо. Крейсер был включен в состав военноморского флота Японии под названием «Сойя» и использовался для практического обучения кадетов военноморского училища.

В период войны с Германией царскому правительству потребовались корабли в состав флотилии Северного Ледовитого океана для охраны северных портов Мурманск и Архангельск от немцев. Но перегнать из Балтики большие корабли было невозможно из-за угрозы немецких подводных лодок. Поэтому в начале 1916 года царское правительство выкупило у японцев крейсера «Варяг», «Пересвет» и броненосец «Полтава», который был зачислен в класс линкоров под названием «Чесма».

Передача купленных кораблей состоялась 22 марта 1916 года во Владивостоке. И снова на крейсере «Варяг» взвился русский флаг. После непродолжительного ремонта крейсер «Варяг» вместе с линкором «Чесма» 18 июня 1916 года вышли из Владивостока в Мурманск. Большой путь через Индийский океан, Суэцкий канал и далее вокруг Европы крейсер прошел успешно. 11 ноября 1916 года он первым прибыл на север и стал флагманским кораблем флотилии Северного Ледовитого океана. Но крейсеру нужен был капитальный ремонт. Поэтому после договора с английским правительством 25 февраля 1917 года «Варяг» был отправлен в Ливерпуль для постановки в док.

О совершившейся в России Февральской революции команда узнала от радиста Козеровского. Командование крейсера очень опасалось революционно настроенных моряков, и поэтому в Ливерпуле крейсер встретили две роты солдат и 40 полицейских. Боясь, что матросы крейсера войдут в контакт с рабочими порта, которые приветствовали в лице матросов «Варяга» русскую революцию, командование запретило увольнение. Но ничто не помогло. Матросы установили связь с русскими политэмигрантами в Англии, и вскоре в одном из театров города состоялся митинг в честь русской революции. Большое влияние на моряков крейсера оказали большевики, находившиеся в эмиграции. Вскоре на «Варяге» был избран судовой комитет, а на грот-мачте взвился красный флаг.

Боясь революционного влияния на рабочих порта, английское правительство отказалось ремонтировать крейсер, сославшись на недостаток рабочих и загруженность заводов. Тем временем в Петербурге адмиралтейство предложило Временному правительству оста-

вить крейсер в Англии до конца войны, а команду снять и отправить в Россию. Когда моряки крейсера узнали о таком решении, они написали протест Временному правительству.

В апреле 1917 года команда крейсера была срочно списана с корабля и отправлена в Россию, а часть моряков была зачислена в экипажи для перегонки закупленных в Америке тральщиков. На крейсере осталось всего 10 матросов, которым была поручена охрана корабля.

Крейсер «Варяг» с развевающимся красным флагом был бельмом на глазу у английского правительства. Не считая нужным выполнять взятые договорные обязательства, оно прекратило выплату денежного довольствия матросам крейсера, а 8 декабря 1917 года было организовано вооруженное нападение на охрану «Варяга». Арестовав матросов, англичане захватили крейсер и сорвали красный флаг.

Вскоре после революции англичане распустили слух о том, что «Варяг» потоплен подводной лодкой в Северном море во время перехода крейсера в другой порт.

На самом деле после первой мировой войны крейсер был продан немцам на металлолом. При переходе в Германию крейсер сел на камни в пятистах метрах от шотландского побережья и в течение 5 лет простоял на месте катастрофы. Летом 1923 года одна из английских фирм, ставшая владелицей корабля, германское акционерное общество по использованию старых судов (г. Киль) и судоподъемно-спасательное акционерное общество (г. Берлин), осмотрев корабль, приняли решение разбирать его на месте.

С помощью водолазов производились подрывные работы, затем части корпуса разрезались на транспортные куски и вывозились.

Все работы были закончены в 1925 году.

Ушел из жизни «Варяг», совсем мало «варяжцев» осталось в живых, но память народная не потускнела. Она живет, она вечна.

На морском кладбище во Владивостоке установлен гранитный монумент матросам крейсера «Варяг», увенчанный георгиевским крестом. В граните высечены имена матросов «Варяга», останки которых перенесены сюда из Чемульпо в 1911 году. На мемориальной доске

Памятник нижним чинам крейсера «Варяг» во Владивостоке

надпись: «Нижним чинам крейсера Варяг», погибшим в бою с японской эскадрой при Чемульпо 27 января 1904 года».

В 1918 году японские интервенты пытались уничтожить памятник. Он реставрирован в 1946 году моряками с крейсера «Калинин». От имени моряков-тихоокеанцев на памятнике установлена мемориальная доска. На ней выбито: «Пройдут века, и новые поколения русских моряков с гордостью будут носить в своих сердцах светлую память о тех, кто в грозный час для отчизны не склонил голову перед врагом. Дело, за которое вы отдали свою жизнь, восторжествовало. Отныне и навсегда над водами Тихого океана будет реять гордый флаг Родины нашей, России».

Решением Советского правительства в Туле установлен бронзовый памятник командиру легендарного крейсера «Варяг» Всеволоду Федоровичу Рудневу. Памятник создан по проекту скульптора И. Г. Онищенко и архитектора А. Я. Кольцова и открыт 30 сентября 1956 года. Руднев изображен в момент боя на мостике крейсера «Варяг» с биноклем в руке.

Имя «Варяга» ныне носит ракетный гвардейский крейсер Краснознаменного Тихоокеанского флота.

Подвиг крейсера „Новик“

В январе 1904 года отношения между Японией и Россией настолько обострились, что русское морское командование допускало возможность внезапного нападения со стороны Японии.

В связи с этим командующий Первой Тихоокеанской эскадрой вице-адмирал Старк, опасаясь, что выход из Порт-Артурской гавани будет перекрыт японцами затоплением своих пароходов, вывел корабли на внешний рейд.

Эскадра в составе 16 вымпелов стала на рейде скученно, по диспозиции мирного времени. Мер для охраны эскадры на подходах к рейду не было принято. В дозоре находилось всего два миноносца, подходы к рейду освещались прожекторами.

Вероломным нападением японского флота ночью 27 января 1904 года на корабли русской эскадры и началась русско-японская война.

Отряд из 10 японских миноносцев, обойдя с потушенными огнями русские дозорные корабли, незамеченным прошел к Порт-Артуру. Ориентируясь по маякам и корабельным прожекторам, они вышли к месту стоянки русской эскадры и атаковали

ее. Из 16 выпущенных торпед 3 достигли цели: крейсер «Паллада», эскадренные броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич» были надолго выведены из строя.

Огонь с русских кораблей был открыт сразу же. Японские миноносцы, получив небольшие повреждения, отошли в открытое море.

Командир крейсера «Новик» капитан 2-го ранга Эссен получил приказание флагмана преследовать неприятельские миноносцы. Крейсер снялся с якоря. Разойдясь с идущей на крейсер миной, «Новик» лег курсом на уходящие миноносцы. Но ночная мгла скрыла японские корабли. Пройдя миль тридцать, «Новик» вернулся в базу.

7 января русская эскадра вступила в бой с главными силами адмирала Того — эскадрой из 10 кораблей. «Новик» получил приказание атаковать неприятеля. Вот как описывает героический бой крейсера «Новик» корреспондент порт-артурской газеты «Новое время».

«Наступила торжественная минута. Быстроходный крейсер (24,5 узла) должен был первым вступить в открытый, честный русский бой... Молодецки снявшись с якоря, крейсер рванулся на встречу врага. Бодрость духа, непоколебимое спокойствие командира капитана 2-го ранга Николая Оттовича Эссена отлично отзывались на нравственном состоянии экипажа (среди которых много молодых матросов) — все горело желанием драться и победить.

Выйдя вперед эскадры, «Новик» стремительно понесся на неприятельскую эскадру. Заметив огонь на флагманском судне неприятеля, он тотчас же открыл огонь с своих батарей: ему отвечали беглым огнем японцы, зарокотали орудия нашей эскадры, загремели батареи фортов — начался бой.

«Новик», дав полный ход, с тем, чтобы лишить неприятеля возможности пристреляться, летел, громя его носовыми орудиями и на полном ходу поворачивая, осыпал его снарядами кормовых батарей. Крейсер был в самой середине огня неприятеля и наших. Снаряды со страшным свистом перелетали, другие в окружности падали в воду, поднимая огромные водяные столбы. Это был ад. Прислуга у орудий, офицеры поражали своим хладнокровием и спокойствием духа. Приказания немедленно и отчетливо исполнялись.

Крейсер получил пробоину в корме, но и на флагманском корабле в этот момент был замечен столб огня и дыма. «Новик», продолжая огонь из всех своих орудий, медленно отошел к берегу и под огнем неприятеля произвел успешную заводку пластыря на пробоину под руководством старшего офицера лейтенанта Лазаревского».

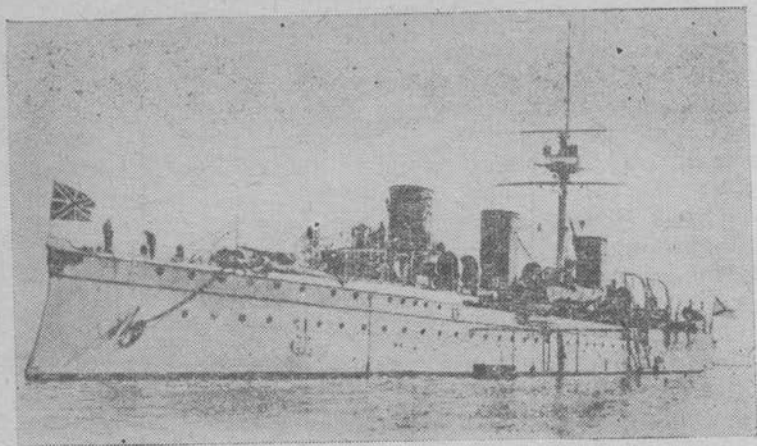
Видя Порт-Артурскую эскадру почти в полном составе, которая к тому же осыпала его снарядами, Того немедленно отступил, Старк не преследовал его.

В этом бою наши корабли получили незначительные повреждения. Японские корабли пострадали сильнее. Только у флагманского броненосца «Микаса» двумя снарядами была разрушена кормовая часть мостика, срезана грот-мачта и сбит кормовой флаг, большие повреждения и убитых имели броненосцы «Фудзи», «Хатсусэ», «Сикисима» и крейсер «Касуга».

Быстро закончив в доке ремонт повреждений, «Новик» снова участвует в боевых действиях, неоднократно выходит на разведку. 26 февраля под флагом командующего Тихоокеанским флотом вице-адмирала С. О. Макарова идет на выручку гибнущему миноносцу «Стережущий». В конце марта капитан 2-го ранга Эссен получил новое назначение, в командование «Новиком» вступил капитан 2-го ранга Шульц.

В августе японская сухопутная армия была уже на подступах к Порт-Артуру. Корабли эскадры оказались под угрозой расстрела на рейде. Командующий эскадрой контр-адмирал Витгефт получил категорическое приказание выйти в море и прорываться во Владивосток.

28 июля эскадра вышла в море, где ее уже ожидал японский флот. В завязавшемся бою русские могли бы одержать победу, но командующий эскадрой не верил в успех, от активного боя перешел к оборонительному. В ходе боя на флагманском броненосце «Цесаревич» был убит Витгефт. Принявший командование эскадрой младший флагман контр-адмирал Ухтомский принял решение возвратиться в Порт-Артур. Русская эскадра разбилась на несколько групп. Командир отряда крейсеров контр-адмирал Рейценштейн, державший флаг на крейсере «Аскольд», поднял сигнал: «Крейсерам следовать за мной». Но за ним последовал только «Новик». Про-

Крейсер «Новик»

рвав кольцо окружения, они ушли на юг, преследуемые семью кораблями. Интенсивно ведя огонь, крейсера двадцатичетырехузловым ходом постепенно оторвались от преследователей.

Во время боя один снаряд пробил левый борт «Новика» ниже ватерлинии. На боеспособность корабля полученные повреждения не влияли, но скорость заметно снизилась, поэтому «Аскольд» ушел вперед, и «Новик» остался один.

Командир крейсера решил обойти Японию со стороны Тихого океана через пролив Лаперуза. В порту Циндао крейсер принял 250 тонн угля и вышел в море. Японцы, получив сведения о движении «Новика» от капитана английского парохода «Кельтик», организовали поиск, послав крейсера «Цусима» и «Титосэ». Через 8 суток штормового перехода крейсер вошел в пролив Лаперуза и стал на якорь на рейде поста Корсаковский для пополнения запасов угля.

Всю ночь команда крейсера, солдаты поста и местные жители грузили уголь. 7 августа крейсер снялся с якоря и направился во Владивосток. Но у выхода из залива Анива крейсер был встречен значительно превосходящим его по мощности вооружения крейсером «Цусима». Завязался жестокий морской бой. Вражескому

кораблю были нанесены весьма серьезные повреждения, и через 70 минут с момента встречи он вышел из боя.

Но «Новик» получил 5 пробоин, одна из которых была ниже ватерлинии, и поэтому крейсер был вынужден снова вернуться на рейд поста Корсаковский. Команда «Новика» надеялась исправить повреждения и ночью уйти в море, но оказалось, что на корабле неисправен руль, а пробоину подручными средствами заделать нельзя. Ночью на помощь японскому крейсеру «Цусима» подошел крейсер «Титосэ». Командир крейсера «Новик», не желая спускать флаг перед противником и отдавать ему крейсер, принял решение затопить его на глубине 9 метров.

Сняли орудия, имущество. Часть экипажа во главе с командиром через Северный Сахалин и Николаевск-на-Амуре вернулась во Владивосток, а часть под командой лейтенанта Максимова осталась для обороны Сахалина.

В июле 1905 года к посту Корсаковский подошла 8-я японская эскадра. Под прикрытием корабельной артиллерии началась высадка одиннадцатитысячного десанта.

Русский отряд из солдат, матросов «Новика» и местных жителей встретил японцев боем. Загрохотали орудия, снятые с крейсера. Защитники поста Корсаковский мужественно отстаивали свои позиции. Но силы были слишком неравны, и, когда кончились снаряды, командир отряда Арцишевский отдал приказ подорвать орудия и отступать. Но и после этого японцам пришлось встретиться с моряками крейсера «Новик»: под селением Владимировка отряд лейтенанта Максимова дал противнику последний бой.

Воины Тихоокеанского флота, сахалинцы свято чтут память героического крейсера: два орудийных ствола с крейсера «Новик» до сих пор бережно хранятся в краеведческом музее города Южно-Сахалинска, его имя увековечено в названиях мыса в заливе Анива и горы на острове Сахалин.

Адмирал Макаров

Степан Осипович Макаров родился 28 декабря 1848 года в городе Николаеве в семье прапорщика. Через десять лет семья переехала в город Николаевск-на-Амуре к новому месту службы отца, где Макаров сразу же был отдан в морское училище, готовящее офицеров корпуса флотских штурманов. Уже в эти годы он выделяется среди сверстников способностями, прилежанием и тягой к науке.

Двенадцатилетним мальчиком кадет Макаров начал плавать на кораблях Сибирской флотилии, а с мая 1863 года почти целый год находился в практическом плавании на кораблях Тихоокеанской эскадры сначала на клипере «Абрек», а затем на корвете «Богатырь».

На «Богатыре» держал свой флаг командир эскадры контр-адмирал А. А. Попов, один из передовых адмиралов того времени. Он несмотря на свою занятость много занимался с Макаровым.

В 1865 году Макаров на «отлично» сдал выпускные экзамены и был назначен на пароход «Америка», совершавший плавание в Японском море. Вскоре его переводят на корвет «Варяг». До ноября

1866 года корвет непрерывно находился в плавании в Японском, Охотском, Китайском морях, в Тихом и Индийском океанах. В ноябре 1866 года переходит на корвет «Аскольд», плававший под флагом контр-адмирала Керна. Через месяц, получив приказание перейти в Кронштадт, «Аскольд» покинул дальневосточные моря.

В Петербурге, после сдачи дополнительных экзаменов, Макаров столкнулся с неприятностями из-за своего недворянского происхождения. И только благодаря усиленному ходатайству известных флоту командиров кораблей и адмиралов в 1867 году Макаров был произведен из кадетов в гардемарины — звание, которое воспитанники Морского кадетского корпуса получали через три года прохождения кадетских рот. В этом же году гардемарин Макаров сдает в «Морской сборник» свою первую статью «Инструмент Адкинса для определения девиации в море» и уходит в практическое плавание в Атлантический океан на фрегате «Дмитрий Донской».

После двухгодичного плавания, по возвращении в Петербург Макаров получает первое офицерское звание — мичман.

Офицерская служба началась с броненосной лодки «Русалка» эскадры вице-адмирала Г. И. Бутакова. Однажды при плавании в шхерах «Русалка» выскочила на скалу и чуть не утонула из-за полученного небольшого повреждения. Проанализировав эту аварию и аварии других кораблей, Макаров пришел к выводу о несовершенстве организации и технических средств борьбы за живучесть кораблей, произвел необходимые расчеты, результаты исследования опубликовал в журнале «Морской сборник» в 1870 году. Суть его предложения сводилась к тому, чтобы на корабле всегда иметь готовый пластырь для заделки его на пробойну, и разработал систему водоотливных магистральных труб. Две большие трубы идут по дну корабля по всей его длине, соединяясь отростками со всеми отделениями двойного дна, каждый отросток перекрыт клапаном, который легко открывается с верхней палубы. Обе магистрали подходят к мощным паровым помпам. Принцип этой простой, но столь необходимой для кораблей системы сохранился до настоящего времени. Технические предложения были поддержаны адмиралом Бутаковым, и весь флот был оснащен новыми водоотливными системами.

Вскоре «за отличие» по службе Макаров досрочно получает звание лейтенанта. После кругосветного плавания на винтовой шхуне «Тунгус» Макаров четыре года служил под начальством вице-адмирала А. А. Попова, известного кораблестроителя — разрабатывал вопросы непотопляемости кораблей.

Перед началом русско-турецкой войны 1877—1878 годов Макаров переводится на Черноморский флот. Здесь он предложил использовать для ведения боевых действий быстроходные пассажирские пароходы в качестве минных катеров. Получив назначение командиром парохода «Великий князь Константин», он за четыре месяца переоборудовал его в боевой корабль, вооруженный четырьмя минными катерами и артиллерией. 29 мая 1877 года в устье Дуная атакой минных катеров подорвали турецкий сторожевой корабль «Иджалис». Первая победа! 12 августа на Сухумском рейде минные катера «Константина» подорвали вражеский броненосец «Ассари Шевкет», а 14 января 1878 года на батумском рейде уже самодвижущейся торпедой, впервые в истории примененной в боевых действиях, был потоплен турецкий сторожевой корабль «Интибах».

По окончании войны капитан 2-го ранга Макаров командовал отрядом миноносцев на Балтике, затем был заведующим морской частью Ахал-Текинской экспедиции на Каспийском море, а в 1881 году был назначен командиром парохода «Тамань», находящегося в распоряжении русского посла в Константинополе. Здесь Макаров произвел большие исследования течений пролива Босфор. За научные выводы, опубликованные в работе «Об обмене вод Черного и Средиземного морей», капитан 1-го ранга Макаров в 1887 году был удостоен премии Академии наук, а Географическое общество наградило его золотой медалью.

В 1886 году Макаров был назначен командиром корвета «Витязь», которому предстояло кругосветное плавание. 12 сентября 1886 года вышли из Кронштадта для перехода в дальневосточные моря. С первых же дней плавания начались большие океанографические работы: производились наблюдения за температурой и соленостью воды, течениями и т. д. Пройдя Магелланов пролив, 11 января 1887 года вышли в Тихий океан. 8 июня пришли во Владивосток. 20 месяцев «Витязь» плавал в

дальневосточных морях. Он был на Сахалине, Курилах, Камчатке, Командорских островах. Макаров и офицеры корвета первыми произвели исследования Берингова моря, сделав гидрологический разрез от Камчатки до Командорских островов. Была основательно изучена гидрология пролива Лаперуза.

23 декабря «Витязь» вышел из Нагасаки в Кронштадт. Исследования, имевшие большое научное значение, были закончены, материалы обработаны. За капитальный труд «Витязь» и «Тихий океан» Макаров вновь удостоен премии Академии наук и золотой медали Географического общества. В честь корвета «Витязь» одна из красивейших бухт залива Петра Великого получила его имя, а на фасаде Международного океанографического института в Монако начертано название русского корвета.

Вскоре контр-адмирала Макарова назначают главным инспектором морской артиллерии. На этом посту он многое сделал для дальнейшего развития и усовершенствования корабельной артиллерии, применил бездымный порох, разработал правила снаряжения, окраски и хранения боезапаса, изобрел бронебойные наконечники, получившие название «макаровские колпаки».

В ноябре 1894 года Макаров получил назначение командующим эскадрой Средиземного моря, но вскоре эскадра перешла на Дальний Восток и вошла в состав Тихоокеанской эскадры вице-адмирала Тыртова.

Обстановка напряженная — Япония начала войну против Китая. Макаров в короткий срок пишет свой знаменитый труд: «Рассуждения по вопросам морской тактики», а основные положения ведения боя на море определяет в подробном приказе по эскадре.

Проплавав два года на кораблях Тихоокеанской эскадры, контр-адмирал Макаров возвратился в Кронштадт, где получил назначение старшим флагманом 1-й флотской дивизии.

В этот период Макарова захватывает идея достигнуть Северного полюса на ледоколе. Поданный проект мощного ледокола для исследования Арктики утверждается, и вскоре под его личным наблюдением начинается строительство ледокола «Ермак» в Ньюкасле. Идею Макарова поддержали Д. И. Менделеев, норвежские полярные исследователи Норденшельд и Отто Свердун.

В 1898 году ледокол был спущен на воду, а весной следующего года успешно работал в Финском заливе, освобождая застрявшие во льдах пароходы.

Все лето 1898 года вице-адмирал Макаров — уже командир Практической эскадры Балтийского флота — находился в плавании. Но думы об экспедиции к Северному полюсу не покидали его.

Летом 1899 года Макаров на «Ермаке» совершил плавание к Шпицбергену. С этого плавания до 1964 года судьба «Ермака» была связана с Арктикой. Долгие годы он был флагманом арктического ледокольного флота, награжден орденом Ленина.

В 1901 году Макаров совершил второе плавание на «Ермаке», ледокол достиг Новой Земли, затем Земли Франца-Иосифа. Был приобретен ценнейший опыт первых ледовых плаваний в Арктике, произведены большие научные исследования. Приказом от 6 декабря 1899 года вице-адмирал Макаров был назначен главным командиром Кронштадтского порта, начальником гарнизона и военным губернатором города Кронштадта. Широка и разнообразна была деятельность Макарова в этот период. Он заботился о повышении боеготовности кораблей и улучшении питания матросов, благоустройстве города, технике безопасности на заводах. По-прежнему много занимается литературной работой. В 1902 году выходит его книга «Ермак во льдах».

Последний этап жизни и боевой деятельности Степана Осиповича Макарова связан с русско-японской войной 1904—1905 годов.

Он внимательно следил за развертыванием событий на Дальнем Востоке и, хорошо зная состояние русских кораблей, 26 января 1904 года обратился к эскадре русских кораблей с письмом: «Из разговоров с людьми, вернувшимися недавно с Дальнего Востока, я понял, что флот предполагают держать не во внутреннем бассейне Порт-Артура, а на наружном рейде... Пребывание судов на открытом рейде дает неприятелю возможность производить ночные атаки. Никакая бдительность не может воспрепятствовать энергичному неприятелю в ночное время обрушиться на флот с большим числом миноносцев и даже паровых катеров. Результат такой атаки будет для нас очень тяжел, ибо сетевое заграждение не прикрывает всего борта, и, кроме того, у многих наших

судов совсем нет сетей... Японцы не пропустят такого бесподобного случая нанести нам вред... Если мы не поставим теперь же во внутренний бассейн флота, то мы принуждены будем это сделать после первой ночной атаки, заплатив дорого за ошибку». На столь серьезное

Адмирал Степан Осипович Макаров

предупреждение не обратили внимания, а на следующий день 27 января японские миноносцы под покровом ночи вероломно напали на русскую эскадру, стоящую на внешнем рейде Порт-Артура. Эскадренные броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич» и крейсер «Паллада» получили серьезные повреждения. 1 февраля вице-адмирал Макаров был назначен командующим Тихоокеанским флотом. 24 февраля новый командующий прибыл в

Порт-Артур и сразу же отправился на корабли эскадры, подняв флаг на крейсере «Аскольд».

С появлением Макарова начались активные действия кораблей Порт-Артурской эскадры. Буквально через день в море для ведения разведки вышли миноносцы «Стерегающий» и «Решительный». Встретив японские миноносцы и крейсера, вступили в неравный бой. Смелой атакой командир «Стерегающего» лейтенант А. С. Сергеев отвлек врага, и «Решительный» вырвался из огненного кольца и полным ходом устремился в Порт-Артур, чтобы доложить командующему флотом о появлении японских кораблей.

Вице-адмирал Макаров, получив известие от прибывшего к нему с рапортом раненного в голову командира «Решительного», сам вышел на помощь «Стерегающему» на крейсере «Новик» в сопровождении крейсера «Баян».

Вот как описывает это памятное и весьма значительное событие для порт-артурцев очевидец и автор книги «Расплата» капитан 1-го ранга Владимир Семенов, бывший в период этих событий старшим помощником командира крейсера «Диана».

«Как только сигнальная станция Золотой горы донесла, что в море идет бой между нашими и японскими миноносцами, для прикрытия их вышли из гавани «Аскольд» и «Новик». «Новик» — впереди. Неужели адмирал сам, лично, отправился в эту «авантюру»? — вопрос, живо всех интересовавший и вполне естественный. Офицеры, собравшиеся на мостике, усиленно протирали стекла биноклей, напрягали зрение... На «Аскольде» не было флага командующего...

— Ну, понятно! Нельзя же так рисковать... На легком крейсере... Мало ли что... — говорили некоторые...

— На «Новике»! Флаг — на «Новике»! — вдруг, словно захлебываясь от азарта, закричал сигнальщик.

Все кругом разом всколыхнулось. Команда, бросив завтрак, кинулась к бортам. Офицеры вырывали друг у друга бинокли из рук... Сомнения не было! На мачте «Новика», этого игрушечного крейсера, смело мчавшегося на выручку одинокому миноносцу, развевался флаг командующего флотом!.. Смутный говор пробежал по рядам команды... Офицеры переглядывались с каким-то не то радостным, не то недоумевающим видом...

— Не утерпел!.. Не дождался «Аскольда» — пересел на «Новик». Черт возьми! Это уж чересчур!

Но это было не «чересчур», а именно то, что требовалось. Это были похороны старого лозунга «не рисковать» и замена его чем-то совсем новым... Схватка миноносцев происходила милях в 10 к югу от Порт-Артура. «Новик» и «Аскольд», как ни спешили, не могли подойти вовремя. «Стерегуший» уже был затоплен, а бросившись преследовать японские миноносцы, они встретились со всей неприятельской эскадрой, шедшей к Порт-Артуру. Пришлось уходить. По счастью, скорость обоих этих крейсеров не только числилась по справочной книжке, но существовала и в действительности. Ни броненосцы, ни броненосные крейсера японцев не могли за ними угнаться, и лишь четыре «собачки» пытались некоторое время более или менее успешно преследовать отступающих.

«Новик» и «Аскольд» возвратились благополучно. Но какое это было возвращение! Десятки тысяч людей, усеявших борта судов, высыпавших на бруствера батарей, толпившихся на набережных, жадно следили за каждым движением маленького крейсера, который, бойко разворачиваясь в узкостях, входил в гавань. Не к нему, не к этому хорошо знакомому, лихому суденушку было приковано общее внимание. Нет! Просто каждому хотелось своими глазами увидеть на верхушке его мачты Андреевский флаг с гюйсом в крыж. Это было больше, чем какая-нибудь победа, случайная удача в бою, — это было завоевание. Отныне адмирал мог смело говорить: «моя» эскадра! Отныне все эти люди принадлежали ему и душой, и телом...»

Боевой дух эскадры сильно поднялся, моряки снова верили в свои силы и боевые возможности. Один выход кораблей в море следует за другим. Как командующий флотом, адмирал Макаров занимается вопросами береговой обороны, организацией наблюдения и связи. Он пишет морскому министру о необходимости вооружить корабли эскадры беспроволочным телеграфом, для чего просит откомандировать изобретателя радио А. С. Попова. По его инициативе несколько кораблей переоборудуются в минные тральщики и впервые в мире было осуществлено траление мин. Получены данные, что у неприятеля имеются подводные лодки, и Макаров пи-

шет приказ о средствах и способах борьбы с японскими подводными лодками. С этого приказа в мировой практике флотов начинается разработка вопросов противолодочной обороны. Зная о том, что построенная на Балтийском заводе по проекту И. Г. Бубнова первая русская боевая подводная лодка на ходовых испытаниях показала удовлетворительные результаты, он просит ее прислать в Порт-Артур...

31 марта 1904 года, держа свой флаг на броненосце «Петропавловск», Макаров вывел корабли эскадры на внешний рейд, начал маневрирование. Все были полны решимости дать бой появившимся японским кораблям. Но неожиданно в 9 часов 43 минуты над «Петропавловском» поднялся огромный столб воды и дыма, и через полторы минуты подорвавшийся на вражеских минах броненосец скрылся под водой. Командующий Тихоокеанским флотом вице-адмирал Степан Осипович Макаров погиб вместе с кораблем.

На берегу моря, напротив места гибели броненосца «Петропавловск», русские моряки установили часовню в форме корабельного шпиля с адмиралтейским якорем наверху.

24 июля 1913 года в Кронштадте на Якорной площади был открыт памятник вице-адмиралу Макарову работы скульптора Л. Н. Шервуда.

Во Владивостоке на Луговой площади в октябре 1967 года был открыт памятник знаменитому адмиралу, созданный по проекту скульптора А. И. Тенеты и архитектора А. А. Усачева.

На высоком постаменте, ходовом мостике, в распахнутом навстречу океанским ветрам плаще — бронзовая фигура вице-адмирала Степана Осиповича Макарова.

Имя адмирала Макарова носят семнадцать географических пунктов, большинство из которых находятся в дальневосточных морях.

Памяти „Стережущего“

Две застывшие в бронзе напряженные фигуры матросов. Один из них левой рукой открывает иллюминатор, а правой поддерживает раненого товарища, открывающего забортный кингстон. Бурным потоком вода вливается в отсек и бьет фонтаном из-под кингстона. На задней стенке памятника выгравированы имена 49 человек, погибших 26 февраля 1904 года в неравном бою миноносца «Стережущий» с эскадрой японских кораблей.

Так выглядит находящийся в Ленинграде на Петроградской стороне памятник героическому экипажу русского миноносца «Стережущий».

Созданный известным скульптором Константином Васильевичем Изенбергом, памятник был открыт 10 мая 1911 года, ему салютуют орудия крепости и боевых кораблей, стоявших в торжественном строю на Неве между Троицким и Дворцовым мостами.

...Адмирал Макаров, верный принципам активных действий, уже через день после прибытия в Порт-Артур и вступления в должность командующего флотом, послал в разведку два миноносца — «Ре-

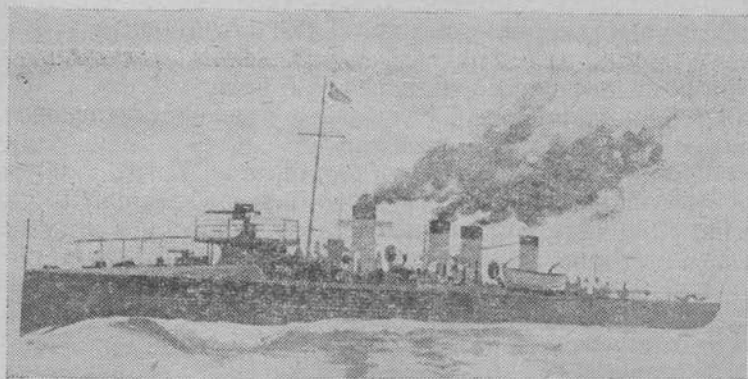
шительный» и «Стерегающий». Им было приказано разведать прибрежную зону и найти базу японских миноносцев. Всю ночь оба миноносца вели поиск. Сигнальщики, вахтенные офицеры и командиры до боли в глазах всматривались в горизонт: не появится ли вражеская эскадра. Утром 26 февраля повернули в Порт-Артур. Неожиданно в туманной дымке обнаружили 4 японских истребителя (так вначале назывались контрминоносцы). Обе стороны открыли огонь.

Командир «Стерегающего» стремительной атакой заставил перестроиться японцев, а «Решительный» стал уходить ближе к берегу, надеясь подвести японские корабли под огонь береговой артиллерии.

Прорыв миноносцев, казалось, уже обеспечен, но в этот момент со стороны Порт-Артура появились два японских минных крейсера: путь на базу был отрезан. Японские миноносцы, уже получившие каждый по несколько попаданий и потерявшие было уверенность в успехе, вновь приободрились и перестроились для атаки.

Минные крейсера открыли огонь. Бой разгорелся с новой силой. На «Стерегающем» все орудия стреляли почти безостановочно. Интенсивность огня достигла предела. Командоры бьют метко, и японцы получают одно повреждение за другим. Видно, как на японских кораблях матросы суетливо бегают по палубе, снося вниз раненых. Но трудно было двум русским миноносцам, имеющим по одному 75-мм орудию и по три 45-мм орудия, драться с эскадрой японских кораблей.

«Решительный» получил попадание в машинное отделение, но бой продолжал, исправляя на ходу повреждения. На верхних боевых постах обоих миноносцев много убитых и раненых. На «Стерегающем» лопнул теплый ящик, и котлы стали питать забортной водой. Возник пожар. Снарядом повредило пожарную магистраль, и воду начали черпать прямо из-за борта. Осколками сбило флаг. И на мачту тотчас взобрался сигнальщик. Русский военно-морской флаг снова гордо реет на мачте. На палубе проносится громовое «Ура!», офицеры отдают честь. Пробило переборки машинного отделения и артпогреба. Затоплены снаряды. Но они нужны для боя, и матросы, поочередно ныряя, достают их прямо из воды. «Решительный» тем временем, отор-

Миноносец «Стерегущий»

вавшись у берега от истребителей и проскочив мимо крейсеров, шел полным ходом в Порт-Артур: он должен был доложить об обнаружении противника.

Два взрыва вздыбили воду перед носом «Стерегущего». Осколком смертельно ранен командир. Умиравшие губы шепчут: «Стерегущего» врагу не сдавать!» Командира заменил лейтенант Головизин. Из артиллерии миноносца осталось два 45-мм орудия, и каждое из них достреливало последний десяток снарядов. Кончились снаряды. Японцы начали подходить ближе, намереваясь захватить корабль. Головизин приказал приготовить две оставшиеся мины. Смертельно раненный торпедист выполнил команду. В тот момент, когда была подана команда «Пли!», снаряд с крейсера «Сума» перебил рулевое управление. Затем еще один снаряд угодил в кочегарку и разбил два смежных котла и все паропроводы: «Стерегущий» лишился машин и руля.

Японцы продолжали бить с близкой дистанции. Осмелев, они спустили на воду паровой катер и шлюпки с десантом.

Оставшиеся в живых встретили японцев огнем из винтовок. В жестокой рукопашной схватке один за другим гибли офицеры и матросы «Стерегущего». Вот уже японский солдат поднимает свой флаг. Весь израненный, истекающий кровью комендор Ситник сумел сорвать вражеский флаг, но тут же упал, сраженный пулей. Наконец на палубе и в помещениях не осталось

Ни одного русского матроса. Только в машинном отделении закрылось несколько израненных, окровавленных машинистов. Японцы решили расправиться с ними в базе и, выставив у дверей в машинное отделение часовых, начали заводить буксир.

Оставшиеся в машинном отделении И. М. Бхарев и трюмный машинист Новиков решили затопить миноносец и погибнуть вместе с ним. Кингстоны открыл машинист 2-й статьи Василий Николаевич Новиков.

Среди наступившей тишины раздался полный ужаса крик боцмана с «Сазанами»: «Рубите трос! Самый полный вперед!»

«Стерегающий» быстро тонул, кренил «Сазанами» и тянул его за собой в морскую пучину. Разрубленный abordажными топорами трос лопнул, и «Стерегающий», освобожденный от вражеских пут, качнулся в последний раз и скрылся под водой...

Героизм моряков «Стерегающего» беспримерен, он не имеет себе равного во флоте ни одной другой страны.

Матросы революции

Владивосток. Бухта Золотой Рог. Суда, тесно стоящие у причалов. Террасами с высоких сопок спускаются к бухте здания. И у самого моря— фигура солдата: гордо и спокойно стоит на берегу Тихого океана, за ним— Россия. Этот памятник (автор скульптор А. Тенета) поставлен недавно, в 1961 году, но уже известен всему Союзу. Памятник посвящен борцам за власть Советов на Дальнем Востоке. Перед нами в бронзе молодой красноармеец и приморский партизан, рабочий и матрос...

Рабочий и матрос. Давно их объединила совместная борьба. В революционном 1905 году особенно тесно матросы были связаны с рабочими Дальзавода, а заводской марксистский кружок имел постоянную связь с матросами Сибирского флотского экипажа. Это способствовало вовлечению матросов в пролетарскую борьбу.

На кораблях и в частях Владивостокского гарнизона среди матросов и солдат, недовольных царским режимом, начались волнения, в городе бастовали рабочие. «Нижним чинам» запретили проводить собрания, и тогда 30 октяб-

ря 1905 года более двух тысяч матросов Сибирского флотского экипажа пришли на городской базар и потребовали от коменданта крепости права посещать собрания, митинги, лекции. Вскоре к ним присоединились солдаты, матросы кораблей, владивостокские рабочие. Комендант крепости вынужден был пойти на ряд уступок.

В годовщину Кровавого воскресенья — 9 января 1906 года — рабочие Владивостока на митинге протеста решили провести общегородской митинг. 10 января рабочие порта, матросы Сибирского флотского экипажа, матросы с крейсеров «Жемчуг», «Терек», «Аскольд», транспортов «Аргунь», «Шилка», «Алеут» и «Камчадал» собрались у здания Восточного института. Участники митинга призывали к свержению самодержавия и приняли решение потребовать от коменданта освобождения арестованных товарищей. С этой целью все участники митинга с оркестром направились к дому коменданта. Едва мирные демонстранты спустились с Первой Морской улицы к Привокзальной площади, как их встретил пулеметный огонь. На земле осталось лежать тридцать человек убитыми и пятьдесят шесть ранеными. 11 января артиллеристы Иннокентьевской батареи, стоящей на дальней окраине Владивостока мысе Эгершельда, подняли на батарее красный флаг. К ним присоединились почти все части Владивостокского гарнизона. Город оказался в руках восставших. Однако сказалось отсутствие опыта революционных боев, централизованного руководства. Восстание было жестоко подавлено карателями.

Все последующие годы революционные выступления матросов, солдат и трудящихся Владивостока, вооруженные столкновения их с карателями не прекращались.

В 1906 году отдельные социал-демократические кружки были объединены в партийную организацию РСДРП Приморского края, а при Владивостокской социал-демократической группе большевиков была создана военная организация. Все более усиливалось большевистское влияние в армии и на флоте. Большевики призывали трудящихся Приморья к активной борьбе. «...Выходите из душных мастерских, пролетарии, в рабочий праздник 1 Мая! Бастуйте в этот день! Органи-

зуйтесь! Собирайтесь на собрания, и пусть там громко и смело прозвучит: «Долой самодержавие!» — призывала большевистская листовка, выпущенная 1 мая 1907 года. В 1907 году революционное движение продолжало развиваться.

31 мая 1907 года первая и вторая роты минного батальона Сибирского флотского экипажа, расположенные в казармах в бухте Диомид, пытались высказать свои претензии начальству, но их не стали слушать, и тогда матросы отказались выполнять отдаваемые им приказания. 132 человека были арестованы и преданы военно-полевому суду. Суд вынес смертный приговор. Из Раздольного для приведения в исполнение приговора была вызвана воинская часть. Узнав о предстоящем расстреле, матросы минного батальона подняли восстание в бухте Диомид. Несколько матросов было убито, выступление подавили. Забастовавшие в знак солидарности рабочие не смогли пройти к казармам минеров — их разогнали ружейным огнем. 203 минера были арестованы и преданы военно-полевому суду. 20 человек решением суда были приговорены к смертной казни, а остальные — к каторжным работам на разные сроки.

Утром 17 октября 1907 года к месту стоянки кораблей в районе Дальзавода пришли на митинг рабочие, матросы флотского экипажа. Митинг вылился в вооруженное восстание. К восставшим присоединились миноносцы «Скорый», «Сердитый», «Тревожный». На миноносцах взвились красные флаги. Наиболее решительно действовал участник порт-артурских сражений миноносец «Скорый», где восставших возглавил Яков Пойлов. На борт поднялись матросы, рабочие, чтобы вместе с экипажем пойти в бой. Но вскоре экипажи «Сердитого» и «Тревожного» отказались от решительных действий. «Скорый» остался один. Подняв пары, миноносец отошел от пирса на середину бухты Золотой Рог. На отважный миноносец обрушивается шквал огня — это били береговые батареи, орудия канонерской лодки «Маньчжур» и еще трех миноносцев. С берега вел огонь пехотный полк. «Скорый» открыл ответный огонь из орудий и винтовок по правительственным учреждениям, скоплениям войск. Снарядами повредили дом губернатора, здание военно-окружного

суда. Но падают один за другим восставшие матросы. Развив полный под, «Скорый» рванулся из бухты, чтобы, подобно броненосцу «Потемкину», прорваться в один из нейтральных портов. Но на его пути встали корабли. Восставший миноносец оказался в огненном кольце. Заклинило руль, поврежден котел, убит Яков Пойлов... Потеряв управление, охваченный огнем, миноносец «Скорый» выбросился на берег бухты у памятника адмиралу Невельскому. Когда каратели поднялись на борт, то мало кого нашли в живых. 7 декабря 1907 года 16 матросов, участников восстания в бухте Диомид, расстреляли в бухте Улисс. 11 декабря еще 19 матросов было расстреляно в бухте Тихой.

В 1917 году у бухты Улисс на могиле минеров был установлен железный крест. В декабре 1925 года был поставлен временный памятник.

31 октября 1927 года останки революционеров-минеров Владивостокской крепости, погибших в 1907 году, были перенесены в братскую могилу жертв революции. Это у памятника Невельскому на берегу бухты Золотой Рог, на том самом месте, где выбросился на берег, не спустив красного флага, миноносец «Скорый».

Здесь же погребен прах выдающихся руководителей большевистской организации Приморья времен гражданской войны: председателя исполкома Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов Константина Суханова, участников революционной борьбы Дмитрия Мельникова, Игоря Сибирцева, Романа Цейтлина, Андрея Евданова.

А 21 ноября 1954 года в бухте Улисс был открыт памятник минерам, созданный воинами-тихоокеанцами.

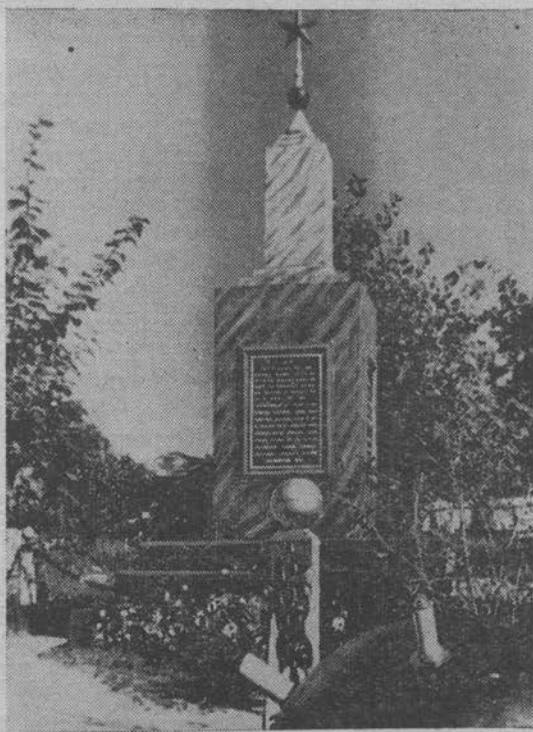
В бухте Тихой также установлен памятник революционным матросам.

Все последующие годы военные моряки вместе с трудящимися Дальнего Востока не прекращали борьбы за свержение самодержавия.

Отряды военных моряков помогли Лазо. Много моряков-тихоокеанцев сражались в партизанских отрядах Забайкалья, Приамурья и Приморья.

Военные моряки штурмовали Волочаевку и Спасск, вышибали интервентов и белогвардейцев из Приморья. Над полями сражений летел их боевой клич: «Даешь Тихий океан! Даешь Амур!»

Вместе с частями Народно-революционной армии военные моряки 25 октября 1922 года вошли во Владивосток. 5 ноября они послали Главному командованию морскими силами республики телеграмму, в которой

Памятник минерам в бухте Улисс во Владивостоке

рапортовали: «Выход в Великий океан открыт. И теперь, будучи ячейкой будущего мощного Красного Флота на Дальнем Востоке, Народно-революционный флот направляет свои силы для закладки фундамента морской силы на Тихом океане. Да здравствует освобожденный Дальний Восток! Да здравствует могучая Красная Армия и Флот! Пусть ярче реют красные знамена на берегах Великого океана».

„Красный вымпел“

Каждое утро на кормовом флагштоке исторического корабля поднимается Военно-морской флаг и на палубу ступают и убеленные сединой ветераны гражданской и Великой Отечественной войн и только что начавшие службу молодые матросы, студенты и офицеры флота, сюда идут люди разных возрастов и разных профессий. Чем же знаменит корабль? Почему с гордостью называют его нашей дальневосточной «Авророй»?

С «Красного вымпела» начался Краснознаменный Тихоокеанский флот, его имя тесно связано с борьбой за установление Советской власти на Дальнем Востоке.

Заложенная по заказу камчатского губернатора на Охтенской верфи в Петербурге паровая яхта водоизмещением 650 тонн с мощностью машин 600 л.с. была спущена на воду в 1910 году. Судно получило имя «Адмирал Завойко» — в честь руководителя героической обороны Петропавловска в 1854 году. Яхта имела отличные мореходные качества, хотя ее максимальная скорость не превышала 9 узлов, а дальность плавания — 2500 миль.

В 1911 году через Суэцкий канал яхта была переведена на Камчатку и долго использовалась для разъездных целей.

Крутой поворот в судьбе корабля произошел в годы революции и установления Советской власти на Дальнем Востоке.

После разгрома Колчака в Сибири, восставшие рабочие, матросы и солдаты воинских частей при поддержке приморских партизанских отрядов 31 января 1920 года свергли контрреволюционную власть во Владивостоке. Но в крае продолжали оставаться войска интервентов. Учитывая это, в марте ЦК РКП(б) и СНК РСФСР приняли решение о создании Дальневосточной республики со столицей в Чите.

Посыльное судно «Адмирал Завойко», находящееся в это время во Владивостоке, вместе с кораблями Сибирской флотилии вошло в состав флота Дальневосточной республики. Экипаж был укомплектован военными моряками, командиром был назначен офицер русского флота Александр Иванович Клюсс, а комиссаром — Станислав Клиосафович Орловский.

24 апреля 1921 года «Адмирал Завойко» вышел из Владивостока, держа курс на Петропавловск-Камчатский. Нужно было помочь Камчатскому областному Народно-революционному комитету, местным большевикам укрепить позиции Советской власти и передать партизанам оружие, которое тайно везли в трюмах. Руководителем рейса шел старый большевик, министр Дальневосточной республики Александр Семенович Якум.

В Петропавловске обстановка оказалась крайне напряженной: на рейде стояли японские корабли, местные контрреволюционеры готовили захват «Адмирала Завойко».

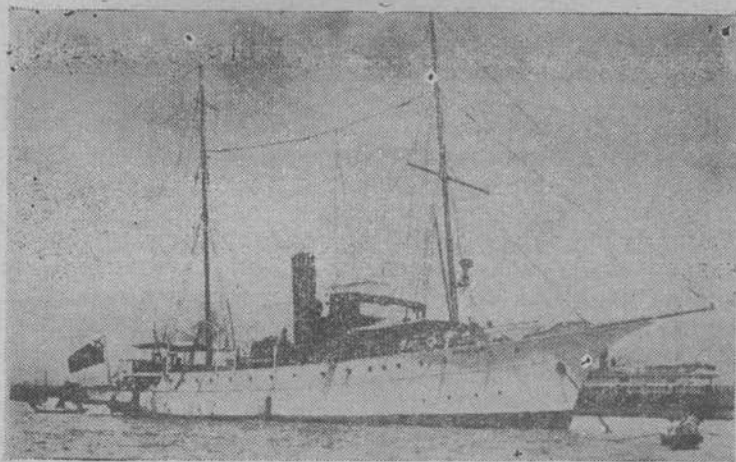
Сделав рейс на Командорские острова, «Адмирал Завойко» 28 мая вернулся в Петропавловск и здесь узнал, что во Владивостоке белогвардейцы и интервенты совершили контрреволюционный переворот: к власти пришли японские ставленники братья Меркуловы. Сложилось крайне тяжелое положение: во Владивосток идти нельзя, в Петропавловске нельзя задерживаться ни на один день, так как на рейд Авачи прибывали все новые японские корабли.

Чтобы сохранить корабль для Советской республики, экипаж принял решение идти в Шанхай, учитывая то, что Китай признал Советское правительство и установил дипломатические отношения с РСФСР. Поздним вечером стали сниматься с якоря. Тотчас с японского броненосца последовал семафор: «Куда следуем?» Сигнальщик с «Адмирала Завойко» ответил: «На Командоры». Японцы успокоились. Зашли в Колыгер, передали партизанам оружие, а затем взяли курс к Шанхаю.

Шли, соблюдая полное радиомолчание, сторонясь встречных судов. Через семнадцать суток штормового, крайне трудного перехода подошли к Шанхаю. В городе находилось много русских белогвардейцев. Они подняли газетную шумиху, требовали не пускать в порт «красный корабль». Шанхайские власти отказались выделить лоцмана. Капитан Клюсс самостоятельно провел корабль по сложному фарватеру и ошвартовал корабль в порту. Это еще больше озлобило местную белогвардейщину, они решили захватить корабль и расправиться с экипажем. Узнав о готовящейся провокации, командир приказал поднять трап. Когда катер и джонка бесшумно приблизились к борту корабля, внезапно ударил яркий сноп прожектора. Белогвардейцы поспешили скрыться в темноте. Враги предприняли вторую попытку: задумали подкупить отдельных членов экипажа и с их помощью захватить корабль. Но и она потерпела провал.

Вскоре установили связь с миссиями РСФСР и ДВР, находящимися в Пекине, стали получать выходившую в Шанхае советскую газету «Новая шанхайская жизнь», редактором которой был коммунист Н. Новицкий, ставший впоследствии редактором краевой газеты «Красное знамя».

В конце 1921 года А. С. Якума отозвали в Читу, а на корабль прибыл на должность фельдшера бывший подпольщик коммунист Павел Фадеевич Глишков. Вскоре по его предложению на корабле была создана партийная ячейка, состоявшая из двух коммунистов — комиссара С. Орловского и П. Глинкова, комсомольца Ивана Тыниссона и трех сочувствующих на правах кандидатов в члены партии — рулевого Александра Федорова и кочегаров Федора Шаденова и Николая Ман-

«Адмирал Завойко» в Шанхае в 1921—1923 гг.

жолина. Так, на Тихоокеанском флоте появилась первая корабельная партийная организация.

Осенью 1922 года узнали, что 25 октября части Народно-революционной армии освободили Владивосток. В тот же день «завойковцы» послали приветственную телеграмму главкому И. П. Уборевичу.

В декабре в Шанхай пришли угнанные из Владивостока белогвардейским адмиралом Старком ледоколы «Байкал» и «Илья Муромец», посыльные суда «Батарея», «Лейтенант Дадымов», «Диомид» и другие суда, переполненные отвоевавшимися белогвардейцами. Снова возникла опасность захвата «Адмирала Завойко». Но «завойковцы» от обороны перешли в наступление: они повели борьбу за возвращение угнанных судов на родину. «Завойковцы» стали встречаться с матросами русских кораблей, объяснять им, кто такой адмирал Старк, агитировать вернуться в родной Владивосток.

Вскоре радист В. К. Дудиков принял подписанный Михаилом Ивановичем Калининным призыв ВЦИК:

«Предписать адмиралу Старку, командному составу и всем экипажам военных судов Российского флота, ушедших из Владивостока, возвратиться вместе с уведенными судами в российские воды. Экипажам судов, включая командный состав, в случае возвращения их

в Россию на вышеуказанных условиях до 1 января 1923 года, даровать полную амнистию, освободив от наказания за вооруженную борьбу против Советской России. Не выполнивших этого лиц командного состава во главе с адмиралом Старком и весь экипаж судов объявить стоящими вне закона».

«Завойковцы» распространили этот призыв в порту. Адмирал Старк, видя, как матросы один за другим покидают его корабли, уже не думал ни о каком нападении на «красный корабль». Спешно наняв в машинные команды китайцев, покинул Шанхай. Часть кораблей его «эскадры» осталась в порту, чтобы вместе с «завойковцами» уйти в родной Владивосток.

Началась подготовка к переходу на Родину. На собрании партиячейки приняли твердое решение: во Владивосток вернуться под красным флагом. Но какой он? Обратились к военно-морскому атташе РСФСР в Китае, и он дал эскизы советских военно-морских флагов. Флаг делали сами. На большом красном полотнище нанесли в центре якорь, а вокруг него — «РСФСР». В письме трудящимся Советской республики «завойковцы» писали:

«В 8 часов утра 24 января 1923 года на яхте «Адмирал Завойко», стоящей в далеком Шанхае, под пение «Интернационала» и громкое «ура» поднят военный флаг РСФСР. Оторванные от Родины, в течение полутора лет не выпуская из рук винтовок и гранат, мы сохранили корабль и поддерживали честь социалистической Родины в Шанхае, набитом белыми.

...С нетерпением ждем возвращения в Россию. Просим передать дорогому Владимиру Ильичу наш сердечный привет, пожелания здоровья, сил и энергии в работе на пользу трудящихся всего мира».

Закончив ремонт, 11 марта снялись с якоря и взяли курс к родным берегам. Владивосток торжественно встретил преданный революции корабль. Редакция газеты «Красное знамя» взяла шефство над «Адмиралом Завойко» и вручила экипажу Красное знамя с надписью золотом: «Поднимайте паруса на великое плавание по океану Мировой Революции».

В адрес вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина была послана телеграмма:

«Команда прибывшего из-за границы в родную про-

летарскую отчизну корабля «Завойко», рабочие и редакция его шефа — газеты «Красное знамя», губкомпарт и моркомандование шлют Вам пламенный привет...»

Вскоре как символ возрожденного Красного флота корабль получил наименование «Красный вымпел». На нем были установлены 4 пушки и 2 пулемета. «Красный вымпел» был переведен в класс сторожевых кораблей, экипаж пополнился молодежью комсомольского призыва.

В первое соединение флота — владивостокский отряд боевых кораблей вошли: «Красный вымпел», канонерская лодка «Красный Октябрь», миноносцы «Бравый», «Точный», «Твердый».

Вместе с восстановленными кораблями Амурской флотилии они составили морские силы Дальнего Востока, командовал которыми И. К. Кожанов, известный участник гражданской войны.

Уже через неделю после прихода из Китая корабль обошел все южное Приморье, выполняя задачу охраны территориальных вод Советской республики от иностранных браконьеров.

В конце июля «Красный вымпел» уходит в Охотско-Камчатскую экспедицию, длившуюся пять месяцев. Это был поход за окончательное установление Советской власти на Камчатке. Корабль совершил заход в 50 населенных пунктов, и везде экипаж проводил большую работу по оказанию помощи местным партийным и советским организациям в создании органов Советской власти, восстановлении социалистической законности, вел борьбу с контрабандистами.

Зашли на Командорские острова. Участник похода Н. П. Манжолин вспоминает: «Жители Командор не знали, что делается на свете. На островах была еще царская администрация. Беляки, увидев на судне красный флаг, срывали свои кокарды. С нами был уполномоченный ОГПУ. С его помощью мы провели собрание жителей острова, избрали на нем орган Советской власти. Подняли на острове советский флаг».

В 1924—1925 годах «Красный вымпел» принял участие в окончательной ликвидации белогвардейской банды Григорьева в Аяне.

В 1926 году в сложных условиях «Красный вым-

пел» произвел буксировку из Александровска в устье Амура двух канонерских лодок, двух бронекатеров и одного монитора.

Одновременно с охраной территориальных вод государства Советов корабль принимал участие в проведении гидрографических работ в северной части Берингова моря.

В 1932 году по решению партии и правительства был создан Тихоокеанский флот, в состав которого «Красный вымпел» был включен в числе первых.

В 1940 году ветеран был передан в распоряжение Тихоокеанского высшего военно-морского училища.

В период боевых действий Тихоокеанского флота против японских империалистов «Красный вымпел» выполнял функции санитарного судна. После разгрома империалистической Японии на корабле проводилось изучение конструкций мин противника и способов их траления.

37 лет находился «Красный вымпел» на боевом посту. Пройдя более миллиона морских миль, корабль с честью пронес советский Военно-морской флаг по морям Тихого океана. На «Красном вымпеле» начинали свою офицерскую службу Главнокомандующий Военно-Морским Флотом адмирал флота Советского Союза С. Г. Горшков, командующий Краснознаменным Тихоокеанским флотом адмирал флота Н. И. Смирнов.

«Красный вымпел» стал гордостью флота и, отдавая дань глубокого уважения боевым и революционным заслугам корабля, на юбилейном значке, выпущенном в честь 40-летия КТОФ, силуэт «Красного вымпела» выбит первым корпусом.

В 1958 году по решению Военного Совета Тихоокеанского флота сторожевой корабль «Красный вымпел» объявлен мемориальным кораблем-музеем и поставлен на вечную стоянку у 35 причала бухты Золотой Рог.

Он по-прежнему в строю, наш флагман пропаганды боевых и революционных традиций Краснознаменного Тихоокеанского флота. Здесь принимают присягу молодые матросы, здесь дают клятву верности Родине и партии пионеры. Здесь учатся любить и защищать Отчизну.

Бессмертно имя героя

*Я одного только боюсь, уходя
в море, — возвращения домой
без победы!*

М. ГАДЖИЕВ

СЫН ДАГЕСТАНА

Помолодевшей, красочной выглядит центральная площадь Владивостока. Сюда собрались трудящиеся города, воины Краснознаменного Тихоокеанского флота и пограничных войск, чтобы почтить память героев, павших в боях за нашу Советскую Родину. Среди собравшихся — участники Великой Отечественной войны, ветераны Краснознаменного Тихоокеанского флота. Здесь же, в ровных квадратах воинских колонн, стоят плечом к плечу молодые солдаты и матросы, кому сейчас доверено охранять дальневосточные рубежи нашей родины.

Над площадью звучат фанфары. Горнисты исполняют «Зарю». Разносится команда:

— Командирам частей приступить к поверке!

Громко, на всю площадь, произносятся имена тех, кто погиб за свободу и независимость Родины.

— Илья Каплунов!

Правофланговый одной из рот громко отвечает:

— Тихоокеанец Герой Советского Союза гвардии матрос Илья Каплунов пал смертью храбрых в единоборстве с девятью фашистскими танками!

Командир другой роты называет фамилию известного подводника:

— Магомед Гаджиев!

И снова правофланговый четко отвечает:

— Воспитанник Тихоокеанского флота бесстрашный командир-подводник Герой Советского Союза Магомед Гаджиев пал смертью храбрых в бою с немецко-фашистскими захватчиками!

Идет торжественная поверка. Будто не на площади, а на палубе корабля, в кубрике подразделения...

Низко склоняются боевые знамена. Военные моряки, пограничники снимают головные уборы и опускаются на колени...

Герой Советского Союза Магомед Гаджиев родился 20 декабря 1907 года в ауле Меgeb Гунибского района Дагестанской АССР в семье гордых, храбрых и свободолюбивых аварцев. Мать умерла рано, и воспитывал сына отец. Глубоко преданный своему народу человек, он сумел привить сыну любовь к Родине, благородство, храбрость, честность и трудолюбие. Отец рассказывал о героической борьбе народа Дагестана за свободу и независимость, о мужественных подвигах храбрых аварцев. Мальчик рос сильным и смелым. Наслушавшись от отца о дяде Расуле, служившем военным моряком на Каспии, Магомед, когда ему исполнилось 11 лет, убежал в Баку, ближе к морю, которое полюбил на всю жизнь.

Дядя устроил мальчика юнгой на боевой корабль.

Февральская революция застала Магомеда в Баку. Вместе с Расулом он участвовал в манифестациях большевиков, пел революционные песни.

Вскоре отец нашел беглеца и вернул его домой.

В 1918 году волна гражданской войны захлестнула и Дагестан. Контрреволюционеры зверствовали. В Порт-Петровске белогвардейцы схватили Расула и, как большевика, расстреляли.

Тяжело перенес Магомед смерть дяди. Ненавистью к врагам революции наполнилось его мальчишеское сердце.

Из Темир-Хан-Шуры в горы уходил красноармейский отряд. Магомед пошел с ним. Его ловкость, знание гор неоднократно приносили большую пользу красноармейцам в жестоких стычках с белобандитами.

Только к весне 1921 года Дагестан стал полностью

свободным. Магомед поступает учиться в педагогический техникум в городе Буйнакске. Так был переименован старый Темир-Хан-Шура в честь замученного белогвардейцами дагестанского патриота-большевика Уллубия Буйнакского. Окончить техникум не удалось: заболел отец, и пришлось уйти работать на Буйнакский фруктово-консервный завод. Комсомольцы завода избрали Магомеда своим вожаком. Но и здесь Магомед по-прежнему мечтает о флоте. О его мечте знает весь завод.

В 1925 году комсомол Дагестана направил Магомеда учиться в Ленинград в Военно-морское училище имени Фрунзе.

Магомед слабо знал русский язык, и ему пришлось сначала учиться на подготовительном курсе. Страстно стремясь стать моряком, он трудился изо всех сил.

Первым кораблем, на палубу которого он ступил вместе с курсантами подготовительного курса, был легендарный крейсер «Аврора». На «Авроре» Магомед нес свою первую морскую вахту, впервые вышел в заграничное плавание.

В 1930 году его приняли в члены ВКП(б).

КОМАНДИР ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ

В феврале 1931 года Гаджиев окончил училище и был назначен минером на подводную лодку «Коммунист» Черноморского флота. Начались будни напряженной боевой учебы.

Затем Гаджиев проходит обучение на специальных курсах в учебном отряде подводного плавания имени Кирова, по окончании которых получает назначение помощником командира подводной лодки «Политработник».

Растет боевая мощь Родины. На Тихом океане создается флот. Для его строительства с Черного и Балтийского морей ехали лучшие специалисты и командиры.

Гаджиев получил назначение командиром лодки-малютки и начал готовиться к отъезду на Дальний Восток.

Еще в Ленинграде Керим (так любовно звали на флоте Магомеда Гаджиева) познакомился с девушкой Катей. Молодые люди полюбили друг друга. Свадьбу сыграли в кругу друзей-моряков.

В августе 1933 года Гаджиев прибыл на Тихоокеанский флот.

Молодой Тихоокеанский флот делал свои первые шаги. Перед подводниками стояли серьезные задачи: освоить новый театр, научиться плавать в штормовых и зимних условиях.

Энтузиазмом горели все. Подводная лодка под командованием М. Клевенского в три раза перекрыла время пребывания в море, а экипаж подводной лодки И. Зайдулина превысил эту норму в четыре раза.

В 1934 году подводные лодки Ивановского и Кудряшова совершили первый дальний поход. Подводная лодка Египко установила рекорд автономного плавания в сложных условиях; подводная лодка Матвеева установила мировой рекорд по длительности пребывания под водой. Вскоре рекорды стали обычной практикой всех экипажей.

Керим полюбил Тихий океан, его бескрайние просторы, штормовой характер. Не жалея сил, он готовит личный состав к плаванию в любых условиях.

— Случится война, — говорит Гаджиев, — хорошей погоды не закажешь.

Пятибалльный шторм считался предельным для «малюток». Вместе с другими командирами Гаджиев опроверг это представление.

Обстановка на Дальнем Востоке была тревожной: провокации самураев следовали одна за другой. Подводники прилагали все силы для укрепления оборонной мощи флота.

Подводная лодка Гаджиева неоднократно выходила в дальние походы. Торпедные стрельбы выполнялись на «отлично». По боевой и политической подготовке лодка стала одной из лучших в соединении.

Экипажу подводной лодки Гаджиева было доверено выполнение специального задания. Оно было выполнено блестяще. Вместе с группой подводников, представленных к награде, Магомед выехал в Москву.

Орден Ленина Керим получил из рук М. И. Калинина. Затем состоялась встреча моряков-тихоокеанцев с руководителями партии и правительства. Народный Комиссар обороны К. Е. Ворошилов подошел к Гаджиеву, спросил:

— Как расцениваете вы, командир, тренировку лич-

ного состава подводных лодок в длительных автономных плаваниях? Не считаете ли это дело ненужным? Существует некая точка зрения, будто длительные плавания подводных лодок ничего, кроме ненужного износа меха-

Магомед Имадугдинович Гаджиев в годы службы на ТОФ

низмов и большого материального расхода, не дают? Верно ли это?

— Товарищ Народный Комиссар! Считаю, что, сидя на берегу, подводником не станешь! Война будет, несомненно, напряженной, особенно для нас, подводников. Сумеем в мирное время плавать далеко и в любую

погоду — научимся и по-настоящему воевать. В большом походе каждый моряк скорее привыкнет к морю и кораблю. Для такого никакие случайности страшны не будут. Я за тренировку личного состава в длительных автономных плаваниях! — горячо ответил Гаджиев.

В апреле 1936 года Гаджиева назначают командиром подводной лодки Щ-117. Новый экипаж, новые трудности.

Гаджиев непрерывно в море. Все свои силы, опыт и знания он отдает новому экипажу, и подводники берут один рубеж за другим.

ПУТЬ НА СЕВЕР

В августе 1937 года передового командира направляют на учебу в Военно-морскую академию. Окончить академию не удалось: флотам нужны были кадры. Гаджиева отозвали и в сентябре 1939 года назначили в штаб Северного флота.

Около года он занимается вопросами организации службы и боевой подготовки подводных лодок. Основную часть своего времени Гаджиев проводит на лодках, присутствует на занятиях и тренировках, выходит в море.

Старейший подводник Северного флота Герой Советского Союза контр-адмирал И. А. Колышкин, вспоминая о своем боевом соратнике, пишет:

«Богатый практик, плававший на многих типах подводных лодок, он хорошо знал кораблевождение, управление лодками и тактику их использования, оружие и морской театр. На лодке не было такой специальности, которую бы Гаджиев не изучил. Прямой и честный, дисциплинированный и требовательный, строгий и волевой, душевный и заботливый, Гаджиев и от других требовал высокой воинской дисциплины, честности, четкого выполнения приказа».

Свой опыт он передавал командирам, и те были благодарны за каждый его совет.

Керима тянуло в море, к кораблям.

3 октября 1940 года Магомед Гаджиев был назначен командиром дивизиона подводных лодок Северного флота.

Гаджиев был в море на подводной лодке Д-3, когда пришло сообщение, что началась война...

Ставка Верховного Главнокомандования поставила перед Северным флотом задачу: активными действиями на морских коммуникациях противника уничтожить его боевые корабли и транспорты, тем самым ослабить фашистскую группировку в Заполярье. С первых дней войны основная тяжесть борьбы с конвоями противника легла на подводные лодки.

Войну подводники встретили в полной боевой готовности. Одна за другой уходят лодки на поиск врага, постановку минных заграждений и выполнение различных специальных заданий командования.

14 июля 1941 года успешной атакой вражеского тральщика командир подводной лодки Щ-402 капитан-лейтенант Н. Г. Столбов открыл боевой счет подводников-североморцев.

Командир 1-го дивизиона капитан 2-го ранга Гаджиев с первого дня войны в море. Он выходит с командирами, впервые выполняющими боевое задание. Но побед в его дивизионе пока нет. Враг топчет землю Белоруссии, рвется к Ленинграду. Ненавистью наливается сердце Керима... Если он на берегу, то целыми днями с командирами в кабинете торпедной стрельбы изучает атаки лодок, отрабатывает все варианты стрельбы торпедным оружием.

Сентябрьским утром 1941 года на позицию уходила подводная лодка К-2 капитана 3-го ранга В. П. Уткина. На ней вышел в море и комдив, два часа назад вернувшийся из боевого похода.

После постановки мин, на подходе к позиции, вахтенный офицер лейтенант Арванов обнаружил фашистский транспорт, идущий без охранения.

«Боевая тревога! Торпедная атака!»

Гаджиев вместе с командиром бросился в рубку. Велика дистанция! Мгновенно оценив обстановку, Гаджиев предложил:

— Всплывай, командир. Дадим артиллерийский бой.

Продув балласт, подводная лодка всплыла в надводное положение. Транспорт тем временем уходил все дальше. Теперь победа в руках мотористов. И они не

подвели. Стремительно убегая от вспененного за кормой мощного буруна, лодка развила самый полный ход. Дистанция заметно сокращалась. Фашистский транспорт первым открыл огонь. Выйдя на параллельный курс, с дистанции 40 кабельтовых подводная лодка начала артиллерийскую дуэль. С четвертого залпа цель была накрыта. Один за другим вливаются в борт транспорта снаряды. В корме начался пожар, и транспорт повернул к берегу под прикрытие своих батарей. Его корма медленно погружалась. С берега взлетел самолет. «Срочное погружение». Лодка ушла на глубину. Через несколько минут слышались взрывы: у фашистского транспорта рванули котлы.

— С победой, товарищи! — радостно поздравил Гаджиев подводников. Это была первая победа на Севере, одержанная подводной лодкой в артиллерийском бою. Радостным было возвращение в базу. Вот уже видны домики родного Полярного.

— Товарищ капитан 2-го ранга, разрешите произвести салют в честь победы из пушки, которая затопила врага? — обратился к комдиву лейтенант Арванов.

— Разрешаю!

Над родной гаванью грянул холостой выстрел, положивший начало победоносным салютам на Северном флоте в годы Великой Отечественной войны. Это было ровно в полдень 19 сентября 1941 года.

И снова напряженная учеба: доскональное изучение приемов противника, маршрутов перехода конвоев, мест базирования фашистских кораблей. Подводники учились искусству поиска и выхода в торпедную атаку.

— Командир-подводник должен быть всегда самым невозмутимым из самых хладнокровных моряков, должен иметь пылкое воображение романиста и ясный здравый смысл, присущий действиям делового человека, должен обладать выдержкой и терпением завязанного рыбака, искусного следопыта, предприимчивого охотника, — неоднократно говорил Магомед Гаджиев.

И это прежде всего относилось к нему самому. Керим был человеком без страха и усталости. В годы войны полностью и по-настоящему раскрылся его талант, талант командира-подводника, командира-воспитателя.

Прибыв на лодку, Гаджиев никогда не отсиживался в каюте. Он всегда среди матросов, поднимал их воин-

ский дух, был в курсе их забот и нужд. Он любил пошутить, а порой сплясать любимую лезгинку. Магомед вселял в сердца подводников уверенность в победу. Когда лодка уходила в море с комдивом на борту, подводники знали — победа будет!

На кораблях дивизиона велась большая партийно-политическая работа. Коммунисты всегда впереди, и прежде всего пример в этом показывает командир дивизиона — коммунист Гаджиев. Чем тяжелее обстановка, тем больше людей приходит в партию. На всех подводных лодках выросли партийные организации, а на подводной лодке капитана 3-го ранга Уткина почти весь экипаж — коммунисты.

Пришедшая с Балтики подводная лодка К-3 готовилась к выходу в море на первое боевое задание. Коммунисты на собрании обсудили задачи, стоящие перед ними в боевом походе, говорили о ненависти к врагу, о своем желании быстрее выйти в море, чтобы бить фашистов.

В конце собрания выступил Гаджиев:

— В первый ваш поход пойдем вместе. Помните: победа достается упорным трудом, дружной работой всего экипажа. Если каждый из вас будет думать о том, что он отвечает за успех дела перед народом, перед партией, мы вернемся победителями.

Холодное ноябрьское море встретило сурово подводную лодку. Штормовая волна, прокатившись по носовой надстройке, с шумом обрушивалась на мостик, обливая всех водой, которая моментально покрывала ледяной коркой лицо и одежду.

Поставив мины в заданном районе, К-3 вышла в открытое море для зарядки аккумуляторов. Ветер усилился снова и достиг 9 баллов. 7 суток штормовала подводная лодка, и за это время обнаружили всего два транспорта. Из-за большого угла встречи выйти в атаку было невозможно. Оценив обстановку и посоветовавшись с командиром лодки капитаном 3-го ранга Малофеевым, Гаджиев решил вести поиск в фьордах.

В Лоппском море, представляющем собой лабиринт шхер, обнаружили фарватер, по которому среди бесчисленных островов и узких проливов фашисты проводили свои конвои. Подходы к фарватеру были заминированы. Гаджиев решил форсировать минное заграждение. Прой-

дя успешно под минами, К-3 вышла на коммуникации фашистов. Начали поиск.

Гаджиев прошел по подводной лодке. Ему всегда хотелось поговорить с теми подводниками, которые находились далеко от центрального поста.

В первом отсеке старшина 2-й статьи Филиппов аккуратно выводил на торпедной надписи: «Убийцам — за кровь брата-танкиста».

— Правилько! Мы отомстим за твоего брата и всех наших братьев! — горячо сказал Гаджиев.

«Боевая тревога!», «Торпедная атака!» — разнеслось по лодке. Гаджиев бросился в центральный пост. Прильнул к перископу: транспорт в охранении сторожевого корабля и двух «морских охотников».

— Атакуй, командир!

Торпеды вышли точно. Взрыв!

Приподняв перископ, командир увидел тонущий транспорт и мчавшийся на лодку вражеский катер. Маневрируя по уклонению от атак глубинными бомбами, лодка легла курсом на выход из фьорда. Решено лечь на грунт у небольшого островка. На глубине 60 метров лодка вздрогнула и остановилась, наткнувшись на банку.

Взрывы глубинных бомб начали приближаться. Акустик доложил, что слышит шум винтов сторожевика и двух катеров. Стало ясно, что противник обнаружил лодку по пятнам соляра, вытекавшего из топливных цистерн, герметичность которых нарушилась.

Оставаться на грунте было опасно. Оценив обстановку, Гаджиев предложил всплыть и, атаковав артиллерию, уничтожить корабли охранения. «Тем более, что на стороне лодки внезапность и необычность таких действий в подобных условиях», — подчеркнул комдив. Командир лодки и комиссар предложили использовать в процессе боя ход — уйти в надводном положении от преследования. Гаджиев отверг их предложение и категорически приказал ориентироваться не на отрыв от фашистских кораблей, а на их уничтожение в артиллерийском бою.

Продув балласт, К-3 неожиданно для противника вынырнула на поверхность. Артрасчет быстро занял свои места. Это было 3 декабря 1941 года. На мостике Гаджиев, управляющий огнем лейтенант Виноградов. Через

57 секунд после всплытия кормовое орудие старшины 2-й статьи Конопелько открыло огонь.

У носового орудия огнем крупнокалиберного пулемета враг перебил рукоятку переключателя замка. Орудие вышло из строя.

Пятым снарядом Конопелько точно угодил в корму сторожевого корабля. Находившиеся на ней глубинные бомбы сдетонировали. Холодные волны охотно расступились, пропуская фашистский сторожевик на дно. На четвертой минуте от прямого попадания, развалившись на куски, пошел на дно катер.

— Добивать последнего! — приказал Гаджиев.

Лодка дала ход. Оставшийся в живых катер полным ходом рванул к острову Рольвсе и вскоре скрылся за ним.

«Отбой!»

Время — 14 часов 37 минут. Всего 7 минут длился этот беспрецедентный в истории флота артиллерийский бой подводной лодки с кораблями охранения. «Это была дерзость, соединенная с инициативой и решительностью, это был мужественный поступок советского офицера» — так, оценивая действия Гаджиева в этом бою, писал Герой Советского Союза И. А. Колышкин.

— Горизонт чист! — доложил сигнальщик.

К-3 вышла в открытое море. Гаджиев спустился в лодку, прошел по отсекам, поздравил подводников с победой. В первом отсеке подошел к старшине 2-й статьи Филиппову, крепко пожал руку:

— Этим враг не откупится за твоего брата. Мы его еще будем бить и бить. Бить до последнего.

Получен приказ возвращаться в базу. Родная бухта. Над рейдом Полярного прозвучали три выстрела — три победы. Командующий Северным флотом вице-адмирал Головкин, друзья тепло поздравили подводников со славной победой.

А в маленькой береговой каюте Гаджиева ждала радость: письмо от Катюши. Жена писала о дочке, о холодной уральской зиме, о том, что ждет не дождется встречи с любимым Керимом...

...Зимним утром подводников К-3 награждали орденами и медалями. Командиру дивизиона подводных лодок капитану 2-го ранга Гаджиеву командующий Северным флотом вручил орден Красного Знамени.

Число вражеских кораблей, потопленных лодками дивизиона Гаджиева за 11 месяцев войны, достигло 27. Причем 10 из них были отправлены на дно морское при личном участии командира дивизиона.

Апрельской ночью 1942 года Керим вышел в свой двенадцатый поход на подводной лодке К-23, которой командовал капитан 3-го ранга Л. С. Потапов. Как всегда, с Гаджиевым его друг — батальонный комиссар Д. М. Галкин.

В 14 часов 10 минут 12 мая от Гаджиева получена крайне тревожная радиограмма: «Транспорт торпедами, два сторожевых корабля артиллерией уничтожил... Имею повреждения от стрельбы. Командир I ДПЛ».

Это было последнее известие от Гаджиева.

Из полученной радиограммы и данных разведки командование сделало вывод, что К-23 после торпедирования фашистского транспорта водоизмещением 6000 тонн в районе Оксе-фьорда подверглась атаке двух сторожевых кораблей, сопровождавших транспорт. Получив от бомбежки повреждения, лодка всплыла в надводное положение. В артиллерийском бою оба сторожевых корабля потоплены, но лодка от полученных повреждений погружаться не могла и начала отход от вражеского берега в крейсерском положении. В 15 часов 50 минут она была обнаружена и обстреляна самолетом противника. Вскоре появились три фашистских охотника за подводными лодками.

Несмотря на повреждения корпуса, подводная лодка была вынуждена погрузиться на глубину. Но масляный след выдавал ее, и преследование продолжалось. 13 мая К-23, атакованная глубинными бомбами, погибла. Подводники не верили в смерть любимого комдива и его друзей, ждали, надеялись, что они вернуться. Но они не вернулись...

Это был пятый артиллерийский бой капитана 2-го ранга Гаджиева и его последний удар по врагу, которого он ненавидел всем своим ясным умом и пылким сердцем горца.

Свою большую любовь, глубокое уважение и скорбь о боевом товарище подводники-североморцы высказали в письме трудящимся Дагестана.

Когда известие о смерти дошло до родных Керима, его брат Курбан добровольно ушел в подводники.

23 октября 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Магомеду Имадутдиновичу Гаджиеву было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. В городе Полярном по желанию подводников воздвигнут обелиск героям-подводникам, павшим смертью храбрых в боях за Родину. Обелиск увенчан орденом Красного Знамени — первым боевым орденом соединения, в котором служил Гаджиев. Бригада подводных лодок была награждена также орденом Ушакова I степени, который принял подводник Северного флота, друг Магомеда Гаджиева, капитан 1-го ранга И. А. Колышкин. На обелиске выбита надпись: «Героям-подводникам Северного флота». Это памятник и Магомеду Гаджиеву.

Народ Дагестана гордится и любит своего сына-героя. В ауле Мегеб местный скульптор изваял из камня двух братьев-героев: Героя Советского Союза Магомеда Гаджиева и его троюродного брата Героя Советского Союза танкиста Магомеда Гамзатова.

В Махачкале поставлен памятник герою-подводнику. В Буйнакске именем Магомеда Гаджиева названа школа, преподавателем истории в которой работает его брат заслуженный учитель республики Булат Гаджиев. Поэты сложили песни о герое-воине. В Антарктиде в 1958 году одна из бухт получила имя Гаджиева. В Мурманской области есть поселок Гаджиево. Его имя носят морские суда.

В подразделении, где служил Магомед Гаджиев, на одном из зданий установлена мемориальная доска прославленному подводнику.

«Наш Магомед жив! Его никто не видел мертвым!» — утверждают горцы.

Да, жив Магомед Гаджиев — он живет в наших сердцах, в наших делах.

Бессмертно имя героя.

Памяти подводников- тихоокеанцев

В Петропавловске - Камчатском в парке музея боевой славы на центральной аллее у склона Красной сопки стоит серый монолит-памятник. На фоне боевой рубки подводной лодки напряженная фигура матроса-подводника с обнаженной головой. На камне выбиты слова: «Подвига их не забудем, гибели их не простим».

Это памятник экипажу подводной лодки Л-16, трагически погибшей в Тихом океане в 1942 году.

С первых дней войны подводники - тихоокеанцы стремились на фронт. Многие подавали рапорты с просьбой направить их на действующие флоты. Ответ, как правило, был один: «Вы нужны здесь».

И действительно, несмотря на договор о нейтралитете между Советским Союзом и Японией, мы вынуждены были держать войска на Дальнем Востоке: в Маньчжурии стояла миллионная Квантунская армия, на море не прекращались случаи задержания наших судов и даже нападения на них японских боевых кораблей.

В 1942 году Государственный Комитет Обороны принял решение направить на Северный флот, где шли ожесточенные бои

на море, шесть подводных лодок Тихоокеанского флота.

Первыми 25 сентября 1942 года из Петропавловска-Камчатского вышли подводная лодка Л-15 под командованием капитан-лейтенанта Б. И. Комарова и Л-16 под командованием капитан-лейтенанта Д. Ф. Гусарова.

Старшим в группе подводных лодок был назначен Дмитрий Федорович Гусаров.

Сын старого революционера, члена ЦК партии большевиков, Д. Ф. Гусаров был призван на военную службу с судов торгового флота, где он плывал штурманом.

Отличное знание морского дела, настойчивая учеба помогли ему быстро освоиться с профессией подводника, и уже в 1940 году Дмитрий Федорович стал командиром подводной лодки.

Сейчас перед подводниками стояла сложная задача: пройти Тихий океан, Панамский канал, Атлантику, затем Норвежское и Баренцево моря. Конечной точкой похода был Кольский залив, город Полярный.

Шли в надводном положении, неся большие военно-морские флаги.

Несмотря на то что союзники обещали обеспечить переход подводных лодок, больше приходилось надеяться на самих себя. Чередовались вахты, шла напряженная боевая учеба.

Встретившись в назначенной точке с американским сторожевым кораблем, 1 октября подводные лодки вышли в первую на своем пути военно-морскую базу США Датч-Харбор, расположенную на острове Уналашка группы Алеутских островов. Здесь Комаров от американского солдата узнал, что из Владивостока вышло еще четыре русские подводные лодки.

Действительно, из Владивостока, также для перехода на Северный флот, вышли подводные лодки: С-55 под командованием капитана 3-го ранга Л. М. Сушкина и С-54 под командованием капитан-лейтенанта Д. К. Братишко. Через день за ними вышли подводные лодки: С-51 под командованием капитана 3-го ранга И. Ф. Кучеренко и С-56 под командованием капитан-лейтенанта Г. И. Щедрина.

Крайне удивленный такой осведомленностью, Кома-

ров рассказал об услышанном своим товарищам. Стало ясно, что американцы не соблюдают тайны перехода, а это может привести к тяжелым последствиям.

5 октября вышли из Датч-Харбора и взяли курс на Сан-Франциско. (На Л-16 офицером связи от американского командования шел лейтенант Михайлов).

На шестые сутки плавания, 11 октября, походный день начался как обычно. Подъем военно-морского флага, определение места астрономическим способом, боевая подготовка... Океан тихо переливался голубыми, синими, лазурными красками под лучами яркого октябрьского солнца. Впереди шла Л-16, в трех кабельтовых в кильватер шла Л-15. На мостике Л-15 виднелась невысокая фигура вахтенного офицера лейтенанта И. И. Жуйко. Время шло к концу вахты, когда вдруг над Л-16 взметнулся столб огня, черного дыма и воды.

— Командира на мостик! — взволнованно крикнул Жуйко вниз в центральный пост, но капитан-лейтенант Комаров в одних носках уже летел по трапу, командуя дать полный ход. Тем временем Л-16 с большим дифферентом на корму резко пошла под воду. Как только ее форштевень исчез под водой, раздалось еще два глухих взрыва.

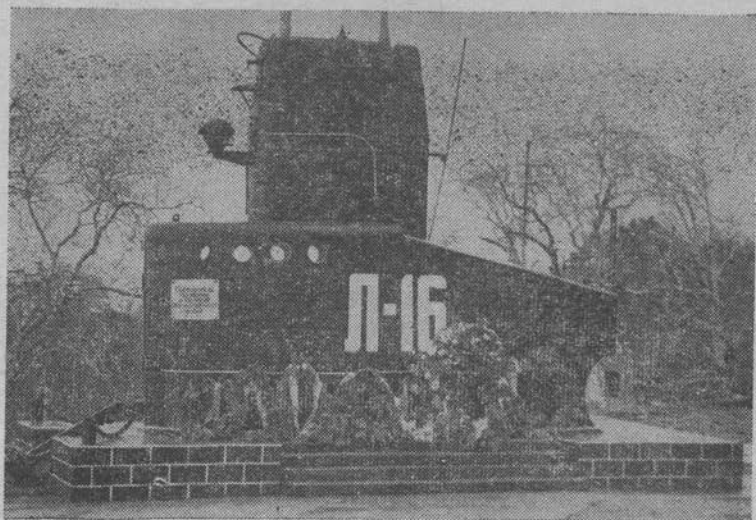
Радиотелеграфист подал Комарову телеграфный бланк: «Погибаем от...» Это все, что успел передать радиотелеграфист с Л-16.

В ту же минуту сигнальщик доложил Комарову, что видит два перископа подводной лодки. Артиллеристы Л-15 мгновенно открыли огонь. Было видно, что один снаряд угодил в район перископов. Неизвестная подводная лодка срочно погружалась. Л-15 начала противолодочный зигзаг и, описав круг у места гибели Л-16, легла на прежний курс перехода.

Штурман Л-15 лейтенант П. М. Маренич записал в навигационном журнале место гибели Л-16: «45° 11' северной широты, 138° 56' западной долготы, 820 миль от Сан-Франциско, под килем 4888 метров».

Кто же нанес этот предательский удар?

По одним данным Л-16 была торпедирована японской подводной лодкой, по другим данным — Л-16 атакована американской подводной лодкой. В любом случае это подлость, ибо с Японией мы были в нейтралитете, а с США — союзники.

Памятник подводной лодке Л-16 в Петропавловске-Камчатском

Оставшись одна, Л-15 продолжала свой путь. Подводники тяжело переживали гибель своих товарищей и поклялись не забыть их и отомстить.

Оставив за кормой Сан-Франциско, Панамский канал, Атлантику, Англию, Норвежское море и пройдя около 17 000 миль, подводная лодка Л-15 вместе с подводными лодками С-51, С-54, С-55 и С-56 весной 1943 года пришла на Северный флот.

После короткого знакомства с театром боевых действий тихоокеанские подводные лодки одна за другой начали выходить в море, и очень редко они возвращались без того, чтобы не оповестить товарищей артиллерийским салютом об очередной победе.

К концу войны на счету у тихоокеанцев было до 50 потопленных вражеских кораблей.

Родина высоко оценила их подвиг. Подводная лодка С-51 стала Краснознаменной, а подводная лодка С-56 стала гордостью советских подводников, получив звание гвардейской и Краснознаменной.

Тихоокеанцы, командиры подводных лодок, капитан 2-го ранга Иван Фомич Кучеренко и капитан 2-го ран-

га (ныне вице-адмирал) Григорий Иванович Щедрин удостоены звания Героя Советского Союза.

Подводники Краснознаменного Тихоокеанского флота не забыли подвигов своих старших товарищей, совершенных ими в годы Великой Отечественной войны. В их честь установлены памятники, обелиски. Об их подвигах говорят драгоценные реликвии в музеях, комнатах боевой славы, в Ленинских комнатах.

24 июля 1966 года в Петропавловске-Камчатском, откуда ушла в свой последний поход Л-16, был открыт памятник подводникам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Памятник сооружен силами комсомольцев-тихоокеанцев. Он представляет собой рубку подводной лодки, однотипной с Л-16, установленную на невысоком постаменте. В основании памятника замурована капсула с наказом морякам 80-х годов. На прикрепленной к рубке бронзовой доске выгравирован список экипажа подводной лодки Л-16.

Установленный в парке музея боевой славы памятник экипажу Л-16 сооружен флотским скульптором мичманом А. И. Соловьевым и открыт 30 июля 1963 года.

Подвиг на Курилах

Перед зданием матросского клуба в Петропавловске-Камчатском два памятника: слева — подводной лодке Л-16, а справа — Николаю Вилкову. Он изображен в момент свершения подвига, с поднятым над головою автоматом.

...Одной из задач, стоящих перед Тихоокеанским флотом в войне с империалистической Японией в 1945 году, было освобождение Южного Сахалина и Курильских островов от японских захватчиков.

Командиру Петропавловской военно-морской базы капитану 1-го ранга Д. Г. Пономареву и командующему Камчатским оборонительным районом генерал-майору А. Р. Гнечко было приказано во взаимодействии с частями 2-го Дальневосточного фронта овладеть северными островами Курильской гряды: Шумшу, Парамушир, Онекотан.

Курильские острова были открыты, описаны и освоены русскими землепроходцами и мореплавателями. Но вследствие недальновидной политики царского правительства эти земли были захвачены японскими империалистами. Для нашей страны был закрыт выход в Тихий океан,

а для Японии острова стали хорошим плацдармом для нападения и захвата Дальнего Востока. Остров Шумшу — самый северный остров Большой Курильской гряды — отдален от берегов Камчатки нешироким, в 6,5 мили, Первым Курильским проливом. Как ближайший к советской территории остров, Шумшу был сильно укреплен. Все участки побережья, доступные для высадки десанта, прикрывали доты и дзоты, соединенные между собой подземными ходами. В подземных сооружениях, глубина которых достигала 50 м, размещались электростанции, узлы связи, госпитали, склады.

Командующий десантной операцией генерал-майор Гнечко принял решение высадить десант в северо-восточной части Шумшу, овладеть островом, а затем нанести удар по островам Парамушир и Онекотан.

Для первого броска десанта из моряков Камчатской военно-морской базы был сформирован сводный батальон морской пехоты под командованием майора Т. А. Почтарева.

В 5 часов утра 17 августа корабли десанта, насчитывающие 64 единицы, вышли из Петропавловска и взяли курс к острову Шумшу.

На переходе командиры и политработники поставили задачи десантникам, провели митинги.

Рота старшего лейтенанта Кашея шла на головном корабле. Помощником командира взвода был назначен старшина 1-й статьи Николай Вилков. На переходе в тревожную ночь перед боем Вилков находился с бойцами, кого подбодрит, кому совет даст. Тогда же познакомился с молодым матросом Петром Ильичевым, пришедшим в десант с морских охотников.

Несмотря на разность возрастов — Николай служил шестой год и уже был коммунистом, а комсомолец Петр Ильичев только начинал свою флотскую службу — они быстро сошлись. Пожалуй, Петр больше тянулся к Николаю, увидев в нем не только опытного моряка, но и открытую душу русского человека.

Николай Александрович Вилков родился 9 декабря 1918 года в деревне Ильинское Ивановской области в бедной крестьянской семье. Учился в школе ФЗО, работал слесарем. Но Николая влекло к морю. О нем он много узнал из рассказов своего отца, бывшего матроса, служившего на кораблях Тихоокеанского флота

еще до революции. В 1935 году Николай поступил в Горьковское речное училище на судоводительское отделение. Плавал на Ангаре, а в 1939 году был призван на Тихоокеанский флот. Бывал во многих морских походах, стал главным боцманом известной плавбазы

Памятник Николаю Вилкову
в Петропавловске-Камчатском

«Север». В мае 1945 года Николай Вилков вступил в ряды Коммунистической партии. Узнав, что формируется десант на Курилы, Николай добивается зачисления в группу первого броска...

По традиции, перед боем десантники роты старшего лейтенанта Кашея собрались на короткий митинг. Горячо и взволнованно матросы говорили о готовности

выполнить свой воинский долг, о преданности Родине. После командира роты слово взял Николай Вилков:

— Товарищи! Родина и командование возложили на нас большую и почетную задачу. Мы идем в бой, чтобы добить фашистского зверя на Востоке. У каждого человека есть чувство страха, но каждый в силах победить его, ибо выше всех человеческих чувств является воинский долг, любовь к Родине, стремление к боевому успеху. Во имя победы над врагом мы не задумываясь отдадим свою жизнь.

Парторг роты зачитал текст клятвы:

— «Мы получили приказ командования освободить Курильские острова от ига японских империалистов.

Идя на выполнение боевого задания, мы клянемся Коммунистической партии, что будем действовать решительно и смело, не щадя своей жизни для разгрома и уничтожения врага. Пока сердце бьется в груди морского охотника, а в жилах течет кровь, мы будем беспощадно истреблять проклятых самураев, мы будем идти только вперед. Силы свои и кровь свою мы отдадим за нашу любимую Родину. Закон нашей жизни — победа при любых условиях».

Первыми подписали клятву командир роты и парторг, за ними Николай Вилков, старшины Зуев, Клоков, матросы Додух, Ильичев, все матросы роты.

18 августа корабли десанта подошли к Курильским островам. Показался Шумшу.

Густой туман позволил отряду подойти к острову незамеченными. Высадочных средств было мало, и десантникам нужно было прыгать прямо в воду, а затем добираться до берега. С вражеского берега наконец заметили корабли и открыли беспорядочный огонь.

Рота старшего лейтенанта Кашея готовилась высадиться в первом эшелоне десанта. Когда корабль подошел к глубинам порядка двух метров, старшина 1-й статьи Вилков, высоко подняв автомат над головой, с возгласом «За Родину! Вперед!» первым прыгнул в воду. Моряки последовали за ним. Вода вокруг корабля кипела от вражеских пуль и снарядов.

Петр Ильичев не терял из виду Николая Вилкова. Вода накрыла Петра с головой, но автомат был в вытянутой руке. Вот и берег. Десантники открыли огонь. Бой разгорался. Подошли основные силы десанта.

На них обрушился шквал огня. Несколько кораблей получили серьезные повреждения, от возникших пожаров начали рваться снаряды, но высадка на берег продолжалась.

Первая линия обороны японцев была смята и уничтожена. Преодолев многочисленные железобетонные укрепления и противотанковые рвы, опоясывающие в несколько линий прибрежный район, моряки вышли к высотам 165 и 171.

Высота 171 была ключевой позицией, господствующей над островом. У ее подошвы и на скалах японцы соорудили мощные, по последнему слову техники, укрепления: орудийные дворики, пулеметные гнезда, одиночные ячейки. Проходящие под сопкой тоннели связывали между собой все подземные сооружения.

Вскоре японцы справились с замешательством, подтянули резервы. По наступающим бойцам ударили вражеские батареи, установленные на мысах Кокутансаки и Котомарсаки, пулеметы из многочисленных дотов и дзотов. Моряки залегли, окопались.

Петр Ильичев вырыл в каменистом грунте небольшое углубление, перезарядил автомат, осмотрел и приготовил гранаты. Он понял: наступает решающая фаза боя. Вскоре Петр увидел, как мощный артиллерийский огонь с кораблей и с камчатского мыса Лопатка заставил замолчать японские батареи. Десантники поднялись в атаку, в амбразуры дотов полетели гранаты, но атака снова сорвалась: пулеметный огонь был настолько плотным, что не давал и шагу шагнуть на открытой, полностью простреливаемой местности. До высоты 171 оставалось несколько десятков метров. Высоту нужно было взять!

Вилков внимательно смотрел в точку, откуда изрыгалось смертоносное пламя, — это дот с двумя пулеметами. Отцепив от пояса гранаты, Николай Вилков пополз к доту. Петр Ильичев прикинул: две амбразуры, справится ли Николай? — и последовал за ним.

До дота несколько метров. Приподнявшись, Николай с силой бросил гранату в амбразуру дота, но тут же осел, левая рука, пробитая пулей, повисла как плеть. Но дот заговорил снова. Вилков здоровой рукой швырнул вторую гранату, вслед за ней полетела граната Петра Ильичева. Пулеметы смолкли.

Десантники с криком «ура» бросились на высоту, но дот вновь ожил. Упал один моряк, второй, третий...

Боцман плавбазы «Север» коммунист старшина 1-й статьи Николай Вилков поднялся во весь рост и бросился грудью на амбразуру дота, рядом вторую амбразуру дота закрыл своим телом комсомолец матрос Петр Ильичев. Дот замолчал...

Наступившую тишину взорвало матросское «ура». Рота неудержимо ринулась на врага. Высота была взята. Бой покатился вперед. Враг использовал свою последнюю возможность: плотным строем двинулись на десантников приземистые японские танки, чтобы обратить их в бегство, прижать к берегу и сбросить в море... Но враг просчитался. Танки были остановлены огнем артиллерии и бронебойщиком. А на одном участке боя, там, где дорога была сжата с одной стороны скалой, а с другой — болотом, японские танки были встречены горсткой отважных моряков, решивших ценою жизни остановить врага. Это были техник-лейтенант Александр Водынин, сержант Рында, старшина 2-й статьи Петр Бабич, матрос Власенко, коммунист Иван Кобзарь. Когда первый японский танк вынырнул из тумана, Александр Водынин с прижатыми к животу гранатами бросился под стальные гусеницы. Вторым пошел на танки Иван Кобзарь, затем Власенко и Рында. Петр Бабич, превозмогая боль в бедре, бросил гранату в подошедший танк...

В живых из пяти героев остался один Петр Бабич. Его спасла мягкая болотистая почва, в которую буквально вдавило его гусеницами танка.

Танковая атака была отбита. Бой закончился. Десантники роты старшего лейтенанта Кашея вернулись к вражескому доту на высоте 171.

Петр Ильичев и Николай Вилков лежали рядом. На груди у Николая нашли сложенный Военно-морской флаг с родного корабля, обгащенный кровью героя.

В комсомольском билете Петра Ильичева лежало письмо родным в далекое село Пугачево Омской области. Оно было кратким: «Дорогие мама, сестра Поля и брат Василий! Сегодня мы идем в бой. Не беспокойтесь, родные. За меня краснеть не придется. Я с честью выполню свой долг перед любимой Родиной и клятву, которую давал перед боем, сдержу до конца!»

Друзья похоронили героев у места их гибели, а вскоре на их могиле встало два памятника.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Николаю Вилкову и Петру Ильичеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

В подразделении, где раньше служил Николай Вилков, по проекту скульптора А. И. Соловьева установили памятник герою. Его имя навечно зачислено в списки части, в честь его подвига в 1964 году выпущена почтовая марка, а воды Тихого океана бороздит рыболовный траулер «Николай Вилков». Имя Героя Советского Союза Николая Вилкова носят улицы в городах, поселки на Курилах и в Авачинской губе.

В Авачинской губе, на берегу бухты Ильичева, по проекту старшины 2-й статьи Фоменко 3 сентября 1958 года открыт памятник Герою Советского Союза Петру Ильичеву. В родном селе ему также поставлен памятник, а главная улица и колхоз носят имя героя. А перед входом в музей славы в городе Петропавловске, также по проекту скульптора А. И. Соловьева, установлены два бюста: Николаю Вилкову и Петру Ильичеву. Подвиг во имя Родины соединил их навеки.

В центре Петропавловска-Камчатского в 1946 году установлен обелиск воинам Советской Армии и Военно-Морского Флота, погибшим в 1945 году при освобождении Курильских островов. На нем надпись: «Вечная слава героям, погибшим в боях за честь и свободу нашей Родины. Память о вас, вернувших Родине Курильские острова, переживет века! Август 1945 года».

В боях с империалисти- ческой Японией

9 мая 1945 года победой над фашистской Германией закончилась война на Западе, но на Востоке она еще продолжалась. Япония, развязавшая войну против нашего союзника Соединенных Штатов Америки, несмотря на значительную потерю флота и ряд поражений на островах Тихоокеанского бассейна, несмотря на трагедию Хиросимы и Нагасаки, где погибло и пострадало от атомной бомбы в общей сложности до полумиллиона человек, была полна решимости вести ожесточенную борьбу буквально до последнего человека. К августу 1945 года японские вооруженные силы достигли 7 миллионов человек. Авиация имела до 10 тысяч самолетов, предназначенных главным образом для камикадзе, военно-морской флот имел в своем составе до 500 кораблей.

Американские стратеги, трезво оценивая обстановку, рассчитывали закончить войну с Японией к концу 1946 года. Япония также рассчитывала на затяжную войну, на закулисный сговор с англо-американскими империалистами, на перераспределение сфер влияний.

Советский Союз пред-

принял ряд практических шагов к тому, чтобы Япония прекратила войну.

5 апреля 1945 года Советское правительство денонсировало советско-японский пакт о нейтралитете, который в связи с вероломной политикой империалистической Японии в отношении Советского Союза потерял всякий смысл. Это было серьезное предупреждение японским империалистам.

26 июля 1945 года была опубликована Потсдамская декларация, требовавшая от Японии немедленной безоговорочной капитуляции. На эти требования японское правительство заявило, что Япония будет вести войну до конца.

Верное своему союзническому долгу и стремясь к быстрейшему установлению мира во всем мире, Советское правительство объявило о состоянии войны с Японией с 9 августа. 10 августа объявила войну Японии Монгольская Народная Республика.

Нашим войскам предстояло вести бои на фронте, протяженностью свыше 6 тысяч километров. Линия фронта охватывала Маньчжурию, Южный Сахалин, Курильские острова. Частям Советской Армии противостояла полуторамиллионная группировка японских вооруженных сил, основу которой составляла Квантунская армия, расположенная в Маньчжурии. На Южном Сахалине и Курильских островах находилась стотысячная японская армия.

За долгие годы оккупации японцы превратили Маньчжурию в сильно укрепленный оборонительный район с хорошо развитой сетью автомобильных и железных дорог. Вдоль границ Советского Союза было создано 17 укрепленных районов, имевших более 4500 долговременных сооружений различного типа. Была сформирована 132-я специальная бригада генерала Онитаке, в которую входило 4 тысячи смертников, специально обученных бросаться под танки, взрываться вместе с мостами и т. п. В Корее и Маньчжурии Япония располагала шестнадцатью морскими портами. Непосредственно командующему Квантунской армией подчинялась Сунгарийская военно-речная флотилия Маньчжоу-Го в составе 30 боевых кораблей и катеров. 1800 самолетов, 1155 танков, 5360 орудий были готовы к ведению боевых действий.

Главкомандующим Советскими Вооруженными Силами на Дальнем Востоке был назначен Маршал Советского Союза А. М. Василевский. Совместные действия Тихоокеанского флота и Краснознаменной Амурской флотилии с сухопутными войсками координировал Народный Комиссар Военно-Морского Флота адмирал Н. Г. Кузнецов.

Тихоокеанскому флоту ставилась задача: действиями подводных лодок и авиации нарушить сообщения противника в Японском море, поддержать прибрежные фланги войск 1-го Дальневосточного фронта, не допустить высадки десантов противника на советское побережье, овладеть портовыми городами Юки, Расин, Сейсин, высадить десант на Южный Сахалин и Курильские острова.

8 августа в 3 часа 30 минут командующий Тихоокеанским флотом адмирал И. С. Юмашев получил приказание о переводе флота на оперативную готовность № 1, о постановке минных заграждений и развертывании подводных лодок.

К вечеру 12 подводных лодок вышли в море для следования в район боевых позиций в Татарском проливе и Японском море.

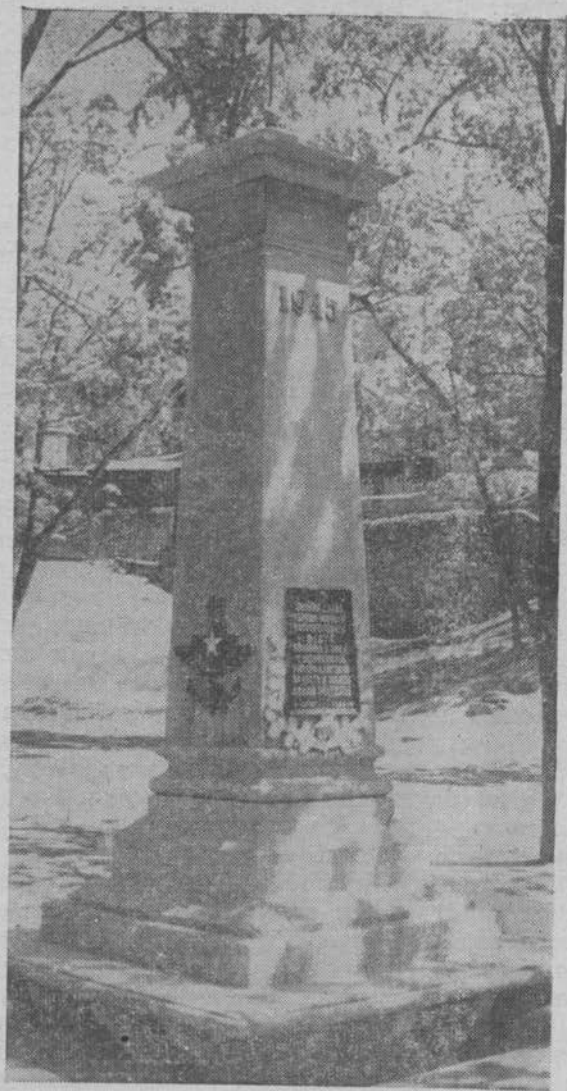
В ночь на 9 августа морская авиация и торпедные катера нанесли удар по японским кораблям и береговым укреплениям в северокорейских портах. Тем временем на материке в результате действий трех фронтов оборона японцев была сломлена. Нужно было захватить северокорейские порты, чтобы противник не мог подтянуть морем подкрепления.

Первый десант был высажен в Юки. Его обеспечили 2 фрегата, 8 торпедных и 2 сторожевых катера.

13 августа после мощного бомбо-штурмового удара авиации флота десантники захватили порт Расин.

Предстояло овладеть Сейсином — наиболее крупным и укрепленным портом Северной Кореи. Каждое здание было превращено в крепость, город был опоясан двумя линиями обороны с минными полями и со 180 дотами и дзотами, соединенными подземными ходами. Подходы с моря защищала артиллерия полуострова. Перед высадкой десанта авиация флота нанесла по укреплениям города бомбовый удар.

Первыми 13 августа в порт ворвались торпедные ка-

Памятник морякам ТОФ, павшим в боях
с империалистической Японией в 1945 г

тера капитана 3-го ранга С. Н. Кострицкого. Небольшая группа десантников прочесала порт, разогнала охрану, затем катера произвели промер и вышли навстречу торпедным катерам капитан-лейтенанта В. И. Марковского, на которых шли разведчики Героя Советского Союза старшего лейтенанта В. Н. Леонова и рота автоматчиков морской пехоты.

В 13 часов передовой отряд десанта высадился на берег. Враг не ожидал атаки с моря и поэтому не мог вначале оказать решительного сопротивления, но постепенно начал стягивать силы. Завязался бой. Враг пытался сбросить наших бойцов в море, но встретил жестокий отпор. Сутки сдерживали моряки натиск противника.

Утром 14 августа отряд кораблей капитана 3-го ранга М. Г. Беспалова высадил в порту первый эшелон десанта — 355-й отдельный батальон морской пехоты под командованием майора М. П. Бараболько. Батальон сразу же повел наступление на порт и город. Противник бросил в бой авиацию, одна контратака сменялась другой. Положение становилось угрожающим. Тогда на помощь десантникам поспешил сформированный на кораблях отряд моряков под командованием капитана 3-го ранга Г. В. Терновского. Вскоре отряд захватил господствующую на правом фланге боя высоту 182,9. К ночи японцы подтянули к высоте дополнительные силы и начали атаковать. 12 атак выдержали моряки, четырежды переходили в штыковую контратаку, уничтожили до 30 огневых точек противника и до сотни вражеских солдат.

Беспредельное мужество и храбрость проявил в бою матрос Моисеенко. Он взорвал несколько блиндажей, много врагов полегло от его метких пуль, трижды первым поднимался в атаку на врага.

За этот бой матросу В. Г. Моисеенко было присвоено звание Героя Советского Союза.

Бойцы 355-го отдельного батальона морской пехоты проявили в этом бою массовый героизм. Бой шел за каждый дом, за каждую высоту.

Матрос Яков Баляев, вооруженный ручным пулеметом, первым достиг занятой врагом сопки. Пулемет его не замолкал ни на минуту. Быстро меняя позиции, он уничтожил прислугу трех пулеметов. Когда пулемет

отказал, Баляев схватил за раскаленный ствол и, не чувствуя ожогов, начал бить наседающих врагов прикладом. Только вражеская пуля остановила его. Якову Баляеву посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Его имя навечно занесено в списки одной из частей Тихоокеанского флота.

Комсомолец Протасов был ранен в левую руку на вылет. Когда к нему подошел заместитель командира батальона по политчасти капитан М. И. Кочетков и спросил, может ли он продолжать бой, отважный боец ответил: «Буду бить японских захватчиков, пока бьется сердце». Эти слова стали клятвой бойцов батальона.

Когда ранило командира роты автоматчиков старшего лейтенанта И. М. Яроцкого, его заменил капитан Кочетков. Рота отразила 15 атак, истребила свыше 150 солдат и офицеров противника. Елена Чернюк, взяв на себя обязанности санитаря, вынесла с поля боя сорок одного солдата и офицера. 52 бойца вынесла с поля боя Мария Цуканова, неоднократно поднималась вместе с бойцами в атаку, а когда, раненая, попала в руки врагов, то осталась верной Присяге. Герой Советского Союза матрос Мария Никитична Цуканова погибла, замученная японцами.

Батальон выполнил поставленную задачу: удержал завоеванные позиции до подхода главных сил.

15 августа в Сейсин вошли корабли с главными силами десанта. Это была 13-я бригада морской пехоты под командованием генерал-майора В. П. Трушина. Быстро высадив десант, корабли десанта открыли мощный артиллерийский огонь. При поддержке корабельной артиллерии штурмовые группы быстро очистили порт от японцев и вместе с главными силами повели наступление на город.

Наступление десантников поддержала авиация флота. К исходу 16 августа к Сейсину вышли части 1-го Дальневосточного фронта. Судьба сражения была предсказана. Вскоре Сейсин пал.

Активно действовали занявшие боевые позиции подводные лодки. Первую победу принесла подводная лодка Л-12 под командованием капитана 2-го ранга П. З. Шелганцева. Обнаружив ночью японский транспорт «Кубо-Мару» водоизмещением в 10 тысяч тонн, подводная лодка атаковала его и пустила ко дну.

21 августа подводная лодка Л-19 донесла, что в районе острова Румой торпедировала и утопила один транспорт, второй транспорт поврежден.

23 августа от Л-19 получили последнее донесение: «Атакован подлодкой. Уклонился. Начну форсирование пролива 19.00».

Из этого похода Л-19 не вернулась...

В память об экипаже Л-19 воздвигнут памятник. Он представляет собой рубку подводной лодки. Перед рубкой — обелиск. С заходом солнца на рубке загораются ходовые огни...

Московский поэт Владимир Карпеко посвятил ей также строки:

...Я узнаю по бортовому знаку —
Л-19 вдаль устремлена,
Как будто бы последнюю атаку
Еще стремится завершить она.

К исходу 22 августа основные силы японских войск в Маньчжурии, Северной Корее, на острове Сахалин и Курильских островах прекратили сопротивление.

Вечером 23 августа Москва салютовала в честь победы, одержанной на Дальнем Востоке войсками Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов и Тихоокеанского флота.

3 сентября Япония подписала безоговорочную капитуляцию.

Родина высоко оценила подвиги воинов армии и флота. Указом Президиума Верховного Совета СССР учреждена медаль «За победу над Японией», которой награждены участники войны с империалистической Японией.

За мужество и стойкость тысячи тихоокеанцев награждены орденами и медалями, а 52 из них получили высокое звание Героя Советского Союза. 25 кораблям и частям Тихоокеанского флота и Амурской флотилии присвоено звание гвардейских, более 20 кораблей и частей награждены орденами Красного Знамени, Ушакова и Нахимова. Многие соединения и части удостоены почетных наименований. 7 мая 1965 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за мужество и стойкость, проявленные моряками Тихоокеанского флота при защите социалистической Родины, и в ознаменование 20-летия победы советского народа в Ве-

ликой Отечественной войне 1941—1945 гг. Тихоокеанский флот был награжден орденом Красного Знамени.

В память о героических подвигах тихоокеанцев в войне с империалистической Японией во многих частях, соединениях флота, в городах и поселках Дальнего Востока установлены десятки памятников, обелисков. Это памятники катерникам и подводникам, морякам надводных кораблей и морякам флотского экипажа, гидрографам и морским летчикам, десантникам и морским пехотинцам.

По решению Советского правительства в 1955 году по проекту художника В. Н. Шахова и скульптора Ли Хун-ди на русском кладбище в Порт-Артуре установлен памятник погибшим советским воинам.

В городе Сейсин установлен памятник бойцам морской пехоты ТОФ, погибшим при освобождении Северной Кореи.

В городе Владивостоке в Гайдамакском саду воинами флота и трудящимися города в 1945 году установлен обелиск со звездой на вершине. На мраморной доске выбито: «Вечная слава героям-морякам Тихоокеанского флота, павшим в боях с японскими империалистами за честь и победу нашей Родины. Август 1945 г.».

Мария Цуканова

Школа санитарных инструкторов Краснознаменного Тихоокеанского флота. Идет вечерняя поверка.

Перед ровной шеренгой курсантов — старшина роты.

— Матрос Цуканова, — зачитывает он первую фамилию.

Короткая пауза и правофланговый четко докладывает:

— Герой Советского Союза матрос Цуканова пала смертью храбрых в боях за свободу и независимость нашей Родины.

Старшина роты ведет нас в кубрик. Койка и тумбочка матроса Цукановой. Аккуратные, чистые. В ленокмнате — стенд, посвященный героине, альбом, папка с перепиской воинов части с пионерами средней школы имени Героя Советского Союза М. И. Цукановой, с родителями Марии.

...Мария Ильинична Цуканова родилась 14 сентября 1924 года. Детство и юность будущей героини прошли в селе Орджоникидзевском Хакасской автономной области Красноярского края. Маша росла смелой, трудолюбивой. Ее любимыми героями были Чапаев, Лазо, Чкалов и комиссар Пожарский — герой боев у озера Хасан.

Своего родного отца Маша не помнила — умер, когда она была маленькой. Воспитывал ее Николай Васильевич Крахмалев, большевик.

В школе Маша вступила в комсомол, мечтала стать учительницей.

Началась война. Мария твердо решила идти добровольцем на фронт. Подала заявление в райвоенкомат, но отказали, так как ей было всего 17 лет. Мария уехала в Иркутск. Поступила на работу, а вечером училась на курсах медсестер. В 1942 году Мария Цуканова уже была на Тихоокеанском флоте. Маша очень жалела, что не попала в действующую армию, о чем писала домой:

«Вы не можете себе представить, как мне хочется быть там, где земля дрожит от взрывов, где погиб дорогой брат, где проливается кровь советских людей».

Матрос Мария Цуканова была назначена санинструктором в 355-й отдельный батальон морской пехоты, которым командовал майор М. П. Барабошко. Три года Мария прослужила в батальоне, вместе с товарищами училась военному делу, готовилась к боям.

В мае 1945 года пришла долгожданная победа над фашистской Германией, а 9 августа 1945 года началась война с империалистической Японией.

355-й отдельный батальон морской пехоты в составе сил первого броска шел на кораблях десанта в Сейсин. Уже на подходах к порту корабли были обстреляны артиллерией. Появились первые раненые. Началась Машина работа.

Сейсин представлял собой мощный укрепленный район с гарнизоном в 4000 человек и большим количеством дотов. Но десантники были хорошо подготовлены к бою. На подходах к Сейсину они писали своим друзьям, морякам десантных кораблей:

«Дорогие моряки! Мы, бойцы батальона, где командиром майор Барабошко, клянемся вам с честью выполнить боевой приказ командования... На освобожденной нами земле мы водрузим Красное знамя победы... Клянемся вам, братья-моряки, что будем бить и уничтожать врага так, как били и уничтожали его прославленные моряки на Западе». Это была клятва и Марии Цукановой.

Памятник Марии Цукановой

Сразу после высадки на берег батальон пошел в атаку. И Мария была среди первых цепей атакующих. Занята восточная часть города, район ремонтного завода, военная пристань, железнодорожная станция. Японцы оказывали яростное сопротивление. Подтянули резервы, бронепоезд, начали контратаковать десантников. На помощь десанникам пришла авиация, артиллерия кораблей десанта. К концу первого дня батальон понес потери, но завоеванные позиции врагу не сдавал. Двое суток, вплоть до подхода основных сил десанта, держался батальон на занятых позициях. Двое суток враг старался уничтожить десантников, сбросить их в море, но все атаки были отбиты.

Мария постоянно была в самой гуще боя. Выносила из-под огня раненых, делала перевязки, а когда требовала обста-

новка — брала в руки автомат и вместе с десанниками шла в атаку. В одну из коротких пауз между контратаками противника Мария Цуканова стала участницей короткого партийного собрания, где коммунисты клялись любой ценой выбросить японцев с одной из командных высот.

— Хотя я еще не коммунистка, — заявила Мария, — но в душе я партийная и тоже даю клятву перед партией, что буду так же бороться, как коммунисты!

Пятьдесят два раненых вынесла с поля боя за двое

суток отважная героиня. Была ранена, но осталась вместе с десантниками. В этом жестоком бою Мария Цуканова пала смертью храбрых.

О ее подвиге красноречивее всяких слов говорит наградной лист, которым матрос Мария Ильинична Цуканова представлялась к званию Героя Советского Союза посмертно:

«В районе Сейсина батальон морской пехоты вел бой с превосходящими силами противника... В этом бою вместе с бойцами находилась санитарка Мария Цуканова. Многим бойцам она оказала медицинскую помощь, многих раненых бойцов и офицеров она вынесла с поля боя, тем самым спасла их жизнь.

Раненная в ногу, она не покинула бойцов и, преодолевая боль, оказывала им посильную помощь. Потеряв много крови, тов. Цуканова потеряла сознание и попала в руки озверелых захватчиков. Враги, издеваясь над ней, пытались выведать у нее наличие наших сил, но Цуканова им не отвечала. Они решили заставить ее заговорить и выкололи ей глаза, но, не добившись от нее никаких сведений, изрезали ножами ее тело. Наши части в ожесточенной схватке разбили неприятеля и нашли истерзанное тело героически погибшей Цукановой М. И.»

Сейсин пал. Марию похоронили в братской могиле на высокой сопке близ Сейсина. На памятнике из белого мрамора, увенчанного звездой, написано: «Здесь похоронено 25 русских героев, павших смертью храбрых за освобождение Кореи от японских захватчиков».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1945 года Марии Цукановой было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

Приказом министра Обороны СССР от 12 декабря 1959 года Герой Советского Союза матрос Мария Ильинична Цуканова зачислена навечно в списки личного состава школы санинструкторов Краснознаменного Тихоокеанского флота.

Во Владивостоке на территории военно-морского госпиталя юной героине открыт памятник. Этот первый на Дальнем Востоке памятник женщине-воину создан скульптором О. И. Сушковой и открыт 16 февраля 1968 года.

На высоком гранитном постаменте мы видим фигу-

ру девушки в матросской форме. Правая рука прижата к груди, голова гордо вскинута вверх, взгляд устремлен вдаль...

День 14 сентября — день присвоения Марии Цукановой звания Героя Советского Союза и ее день рождения — пионеры и комсомольцы города Владивостока объявили Днем Героя. Ежегодно в этот день они приходят к памятнику. Здесь они встречаются с фронтовиками. Здесь принимают в пионеры, вручают комсомольские значки. Здесь принимают присягу молодые матросы.

Имя Героя Советского Союза матроса Марии Ильиничны Цукановой, подвиг ее, вся жизнь этой замечательной советской девушки будут всегда служить молодым воинам примером беззаветной любви и преданности матери-Родине, готовности защищать ее до последнего дыхания.

Герои транспортного флота

Застывшие в бронзе фигуры матросов, навешенное на врага оружие, капитан судна с поднятой для команды рукой: мгновение, и мы услышим команду «Огонь» — это памятник морякам советского торгового флота, героически погибшим в годы Великой Отечественной войны. Он установлен во Владивостоке на улице Ленинской. Созданный по проекту скульпторов Зверева и Иконникова, памятник открыт в ноябре 1967 года.

Война поставила перед Дальневосточным морским флотом важную задачу — обеспечить надежную связь Родины с союзными странами. Суда Дальневосточного бассейна всю войну совершали регулярные рейсы в США, Южную Америку, Австралию, ходили в порты Персидского залива. Одновременно обеспечивались каботажные и арктические перевозки.

Несмотря на объявленный нейтралитет, Япония чинила препятствия судоходству в дальневосточных морях. Пройти незамеченными было трудно: Сангарский пролив был закрыт для советских судов, проливы Лаперуза и Корейский находились под постоянным контролем японских

кораблей и авиации. За годы войны японцы задержали до 178 советских транспортных судов. 25 судов Дальневосточного пароходства погибло.

ПРИКАЗ МИНИСТРА МОРСКОГО ФЛОТА

№ 20

г. Москва

28 января 1969 года

В целях увековечения памяти капитана парохода «Белоруссия» Кондратьева Кирилла Георгиевича, трагически погибшего при потоплении судна неприятельской подводной лодкой в годы Великой Отечественной войны, присвоить строящемуся дизель-электроходу типа «Амгуема» (строительный № 1402) название «Капитан Кондратьев». Дизель-электроход закрепить за Дальневосточным пароходством.

Зам. министра морского флота
Т. ГУЖЕНКО,

...В феврале 1944 года пароход «Белоруссия» после длительного пребывания в заграничном плавании взял курс от берегов США через Тихий океан на Владивосток. Тихий океан пересекли благополучно. Прошли Курилы. Вот и родное Охотское море. «Скоро будем дома!» — радовались моряки. У пролива Лаперуза пришлось остановиться в ожидании проводки ледоколом: пролив был забит льдами. Две недели ждали моряки у пролива, а потом получили радиogramму от начальника Дальневосточного пароходства следовать к острову Итуруп: пароход «Маньч» потерял руль, и его было приказано буксировать в Петропавловск-Камчатский.

3 марта 1944 года в 7 часов 48 минут, когда «Белоруссия» была уже на подходе к острову, раздался сильный взрыв — это была торпеда, выпущенная с неизвестной подводной лодки. При взрыве погибло четыре человека.

По сигналу аварийной тревоги моряки заняли свои посты, началась борьба за живучесть судна. Пароход с большим креном быстро погружался: пробоина была очень велика, и заделать ее было невозможно. Капитан Кондратьев дал команду покинуть судно. Спустили две шлюпки. Одна, ударившись о борт, перевернулась. Находящиеся в ней 11 моряков погибли, попав в

образовавшийся водоворот. На второй шлюпке вместе с капитаном находилось 35 человек. Заштормило. Ледяные волны то и дело накрывали шлюпку и прижавшихся друг к другу моряков. Не спасали от пронизывающего ветра мокрые одежды. Так прошло несколько суток. Кончились запасы воды, на исходе были продукты. Наконец шлюпку прибило к кромке ледяного поля. Вдали с трудом можно было рассмотреть неясные очертания берега.

Шлюпку вытащили на лед. Но что делать дальше? Посоветовавшись с моряками, Кондратьев принял решение: отряду добровольцев из наиболее сильных моряков идти по движущимся льдам к острову, с тем чтобы найти там людей и прислать помощь оставшимся. Отряд добровольцев в 15 человек возглавил капитан «Белоруссии» Кирилл Георгиевич Кондратьев. Поделили остатки продуктов, попрощались.

Переход был очень тяжелым. Перебираясь с одной плавающей льдины на другую, моряки настойчиво двигались вперед. Мучили холод, голод, жажда. Ночью, боясь попасть в трещины и полыньи, укрывались в сооруженных из льда убежищах, тщетно пытаясь согреться и хоть немного поспать. Один за другим начали умирать обмороженные и обессиленные моряки.

Капитан судна Кирилл Георгиевич обморозил ноги. Началась гангрена. Помочь было нечем. Уже умирающий, он шел и шел вперед, ведя своих моряков к берегу. На тринадцатые сутки капитан «Белоруссии» умер. На двадцатые сутки до берега дошли двое — Яков Петрович Почернин и Иван Петрович Петровичев. Но только 29 марта, спустя еще несколько суток, они нашли поселок.

Вместо оказания помощи обессиленным морякам и поисков оставшихся в шлюпке японцы обвинили советских моряков в шпионаже и посадили в холодный сарай под замок. Об этом событии не было сообщено в советское посольство. 40 суток просидели Петровичев и Почернин под замком. Ежедневно им учиняли допрос, а затем перевезли в тюрьму на Хоккайдо. И лишь только 10 июня измученных моряков передали советским представителям.

18 декабря 1941 года в Южно-Китайском море самолетами японской авиации был потоплен пароход

«Перекоп». Оставшиеся в живых под руководством капитана А. А. Демидова высадились на остров Натуна. Невероятные лишения перенесли советские моряки. Лишь только 4 июля 1943 года после долгих мытарств японцы доставили их в советское консульство в Шанхае.

В декабре 1941 года шедший из Сурабаи теплоход «Майкоп» также подвергся атаке японских самолетов и вскоре затонул. Моряки высадились на остров Минданао. Только 30 сентября 1942 года японцы передали измученных моряков в советское консульство в Шанхае.

Неизвестными подводными лодками были потоплены пароходы «Обь», «Ангарстрой», «Микоян». Транспорт «Ильмень» и «Кола» потоплены «по ошибке» американскими подводными лодками. Не всегда враг уходил безнаказанным. Каково бы ни было неравенство сил, моряки транспортного флота никогда не уклонялись от боя с врагом. Судовая артиллерия прекращала огонь только в двух случаях: либо гибели врага, либо гибели судна.

В январе 1942 года пароход «Ванцетти» под командованием капитана дальнего плавания В. М. Веронда в районе острова Медвежий принял бой с немецкой подводной лодкой и уничтожил ее.

Мужество и героизм проявил экипаж парохода «Уэлен» под командованием капитана дальнего плавания Николая Никитича Малахова в бою с подводной лодкой в мае 1942 года.

Следовавший в Австралию пароход «Уэлен» в 30 милях от Ньюкасла подвергся нескольким атакам неизвестной подводной лодки. Видимо, торпедный боезапас подводной лодки был израсходован, и командир решил во что бы то ни стало добыть победу.

Транспорту был нанесен ряд повреждений снарядами. Осколком ранило капитана Малахова. Во время третьей атаки подводной лодки матросы «Уэлена» захватили инициативу, угрожая пулеметным огнем перебить орудийную прислугу.

Подводная лодка начала срочно погружаться, но в этот момент прямым попаданием снаряда разворотило корпус впереди ограждения боевой рубки...

Этот победный выстрел был сделан орудийным рас-

четом под командованием второго помощника капитана А. В. Меля. Раненый капитан Малахов до прихода в Ньюкасл оставался на мостике.

В боях с империалистической Японией моряки Дальневосточного пароходства плечом к плечу вместе

Памятник во Владивостоке морякам транспортного флота, погибшим в годы Великой Отечественной войны

с военными моряками Тихоокеанского флота принимали участие в освобождении корейских портов, Южного Сахалина и Курильских островов.

В ожесточенных боях за Сейсин, когда передовые отряды десанта с трудом сдерживали натиск японцев, на кораблях флота и судах Дальневосточного пароход-

ства «Ногин», «Невастрой», «Дальстрой» подошли главные силы десанта — 13-я бригада морской пехоты под командованием генерал-майора М. П. Трушина. У входа в порт «Ногин» и «Дальстрой» подорвались на минах. Экипажи боролись за живучесть своего судна и одновременно осуществляли с помощью других судов швартовку к берегу. Десантники успешно высадились и ринулись в бой. Поставленная перед моряками задача была выполнена: десантники быстро продвинулись в город и вскоре полностью очистили его от врага.

В боях за освобождение Южного Сахалина приняли участие транспорты «Петропавловск», «Всеволод Сибирцев», краболов № 3.

В составе кораблей десанта на Курильские острова шли транспорты «Пугачев», «Чапаев», «Коккинали», «Менжинский», «Туркмен», «Буревестник», «Дальневосточник», «Красное знамя», «Москальво», «Генерал Панфилов», «Максим Горький», «Волхов», рефрижератор № 2.

В условиях сплошного тумана суда точно вышли к назначенному месту у острова Шумшу и, подойдя как можно ближе к берегу, осуществили высадку десанта.

За особые заслуги экипажей в выполнении заданий правительства в годы Великой Отечественной войны приказом министра Морского флота на пароходах «Ванцетти», «Караганда», «Комилес», «Невастрой», «Ногин», «Сахалин», «Партизанск», «Старый большевик», «Урицкий», «Уэлен» и танкере «Азербайджан» установлены мемориальные доски.

В память о боевых заслугах капитанов Дальневосточного пароходства в годы войны многие суда получили их имена: «Капитан Кондратьев», «Капитан Бондаренко», «Капитан Готский», «Капитан Лютиков», «Капитан Мышевский», «Капитан Веронд» и другие.

На постаменте— подводная лодка

12 ноября 1972 года гвардейская Краснознаменная подводная лодка С-56, закончив свое более чем тридцатилетнее плавание, встала на вечную стоянку на Корабельной набережной в городе Владивостоке.

Это первая подводная лодка в мире, удостоившаяся такой высокой чести.

Судьба героической С-56 тесно связана с Тихоокеанским флотом. Подводная лодка была передана флоту 20 октября 1941 года, когда по родной стране уже шла война. Строители подводной лодки могли гордиться своей работой: подводники получили технически современный, с отличным вооружением подводный корабль.

С-56 имела следующие тактико-технические данные:

Водоизмещение:

надводное 866,1 т

подводное 1107,8 т.

Скорость хода:

надводного 19,45 узла

подводного 8,8 узла.

Длина 77,7 м

Ширина 6,4 м

Дальность плавания в надводном положении 10 000 миль.

Вооружение:

носовых и кормовых торпедных аппаратов 6

100-мм орудий 1

45-мм орудий 1.

Современное штурманское вооружение, средства связи и гидроакустическая аппаратура в сочетании с торпедным и артиллерийским вооружением давали возможность подводной лодке успешно решать задачи по поиску и уничтожению кораблей противника.

Экипаж был сформирован задолго до окончания строительства корабля. Командиром подводной лодки был назначен капитан-лейтенант Григорий Иванович Щедрин.

31 октября в торжественной обстановке на С-56 был поднят Военно-морской флаг.

С западных фронтов шли тревожные вести, и экипаж, движимый чувством высокой ответственности за защиту своей Родины, начал энергичную подготовку к выполнению боевых задач.

Отработка шла успешно — в экипаже было много отличных специалистов. Прежде всего — боцман Дорофеев, удостоенный еще в 1936 году ордена Ленина, командир электромеханической боевой части инженер-капитан-лейтенант Шаповалов, трюмный Рыбаков.

На них, на партийную и комсомольскую организации и опирался в своей работе командир подводной лодки.

Несмотря на свои 28 лет, капитан-лейтенант Щедрин имел большой опыт плавания.

В тринадцать лет пришел Григорий Иванович на черноморский парусник. Экипаж был небольшой — всего три человека, включая юнгу, но ходили далеко, даже в Средиземное море.

Окончив в 1932 году Херсонский морской техникум, Григорий Иванович начал свою службу на судах Черноморского пароходства.

Пароход «Декабрист», танкера «Моссовет» и «Москва» стали его дальнейшей школой практического плавания.

Из рейса в рейс, из одного порта в другой... Но в 1935 году старший помощник капитана танкера «Апшерон» Г. И. Щедрин вместе с большой группой коммунистов комсостава Совторгфлота был мобилизован Центральным Комитетом партии в подводный флот.

Окончив командный отдел учебного отряда подводного плавания в 1937 году, лейтенант Щедрин получает назначение помощником командира подводной лод-

ки Щ-114 1-й бригады подводных лодок Тихоокеанского флота. Через год Григорий Иванович уже командир М-5, а затем два года отплавал командиром Щ-110. Под его командованием Щ-110 завоевала несколько флотских призов и вышла на первое место в Тихоокеанском флоте. С нее 21 ноября 1940 года капитан-лейтенант Щедрин и был назначен командиром строящейся С-56. С-56 вошла в строй боевых кораблей Тихоокеанского флота.

4 сентября 1942 года Государственный Комитет Обороны постановил усилить Северный флот за счет подводных лодок Тихоокеанского флота. К переходу было приказано готовить подводные лодки Л-15, Л-16, С-51, С-54, С-55, С-56. Предстояло совершить почти кругосветное плавание через Тихий океан, Панамский канал, Атлантику в воды Северного Ледовитого океана. Через месяц, закончив всю подготовку, подводные лодки вышли в море. Шли парами. Л-15 и Л-16 вышли 25 сентября 1942 года первыми из Петропавловска-Камчатского. 5 октября вышла из Владивостока вторая группа подводных лодок в составе С-54 и С-55, а затем через сутки из бухты Золотой Рог вышла третья группа в составе С-51 (командир капитан 3-го ранга И. Ф. Кучеренко) и С-56 под командованием капитан-лейтенанта Г. И. Щедрина. На С-51 шел командир дивизиона подводных лодок Герой Советского Союза капитан 1-го ранга А. В. Трипольский. С-56 шла концевой. Вскоре позади остались Де-Кастри, Петропавловск-Камчатский — подводные лодки взяли курс к берегам Америки. В 00. 30 19 октября штурман С-56 лейтенант Ю. В. Иванов взял последний пеленг на маяк «Африка» — последнюю точку на родной дальневосточной земле. И только через 140 суток подводная лодка подошла к берегам родной земли у далекого Кольского залива. Сквозь штормы и туманы, ледяную стужу и тропическую жару прошли подводники. Они пережили трагическую гибель своих товарищей с Л-16, предательски торпедированной неизвестной подводной лодкой в Тихом океане, а в проливе Акутан чужая торпеда ударилась в киль С-56, но не взорвалась. Шли в надводном положении. Датч-Харбор, Сан-Франциско, Панамский канал... На переходе к Панамскому каналу температура в отсеках достигла 55 градусов. Осо-

бенно было тяжело мотористам. Несмотря на тяжелейшие условия, хозяин дизельного отсека мичман Елин и его подчиненные вахту несли бдительно.

2 октября 1942 года вышли из Коко-Соло*. Тихий океан позади. Начались неизведанные тихоокеанцами воды Атлантики. Океан встретил ураганом. Выдержали. Через десять суток подводные лодки ошвартовались в Галифаксе (Канада). Из Галифакса до Розайта (Англия) С-56 шла одна. Днем и в хорошую видимость — в подводном положении, ночью и в штормовых условиях — в крейсерском положении: война была уже близко, и можно было ожидать встречи с немецкими подводными лодками.

Последний переход из Розайта в Полярный с последним заходом в порт Лервик (Шотландские острова) С-56 также совершила одиночно, и в 10.00 8 марта 1943 года в назначенной точке randevу подводная лодка была встречена североморским эскадренным миноносцем «Куйбышев», в его сопровождении вошла в родную гавань и в 14.00 ошвартовалась у пирса Полярного. Тихоокеанцев встречали командующий Северным флотом вице-адмирал Головкин, член Военного Совета Северного флота Николаев, адмиралы, офицеры, подводники.

Первое правительственное задание выполнено. За кормой С-56 осталось 16 707 миль перехода по Японскому, Охотскому, Берингову, Карибскому, Саргассову, Гренландскому, Северному, Норвежскому, Баренцеву морям, Тихому и Атлантическому океанам. Помощник командира лейтенант В. Л. Гладков, штурман лейтенант Ю. В. Иванов, командир минно-торпедной боевой части лейтенант П. П. Скопин, командир электромеханической боевой части инженер-капитан-лейтенант М. И. Шаповалов, боцман Дорофеев, рулевые Игнатьев и Легченков, мотористы Елин, Бубнов, Лебедев, трюмные Рыбаков, Оборин, Токарев, электрики Боженко, Дворов, Ушаков — это они, в первую очередь, обеспечили успешное завершение перехода. Выросло мастерство экипажа в целом. Подводники возмужали, выросло их политическое сознание, сцементировался кол-

* Коко-Соло — американская база подводных лодок при выходе из Панамского канала в Карибское море.

лектив. В этом большая заслуга и большая роль заместителя командира по политчасти капитан-лейтенанта Д. Т. Богачева.

Североморские подводники И. А. Колышкин, Ф. А. Видяев, М. П. Августинович, В. Ф. Тамман дружно помогли Григорию Ивановичу изучить обстановку на северном театре военных действий, поделились опытом торпедных атак, приемам уклонения от противолодочных сил противника. Учился весь экипаж. Дни и вечера заполнялись учебой. Встречались с бывалыми подводниками, с участниками боевых походов, с флагманскими специалистами. Акустик К. Круглов встретился с прославленными акустиками Северного флота, имевшими богатый боевой опыт, — Анатолием Шумихиным, Леонидом Лебедевым, Михаилом Лежневым. Подводники слышали победные выстрелы Фисановича и Видяева, разговаривали с людьми, только что вернувшимися из боевого похода, узнавали то, чего не прочтешь ни в одном учебнике, готовились к своему первому походу.

29 марта 1943 года С-56 вышла на выполнение боевого задания. После высадки разведгруппы на вражеский берег подводная лодка заняла назначенную позицию и начала настойчивый поиск врага. Шум винтов цели обнаружил Круглов. Всплыв под перископ, командир увидел по корме конвой в составе девяти кораблей. Разворачиваться было поздно, и капитан-лейтенант Щедрин атаковал из кормовых торпедных аппаратов транспорт. Первая победа! По отсекам пронеслось дружное «ура!»

— Не зря шли с Тихого океана, вот и наш первый взнос, — произнес командир.

Подводная лодка продолжала поиск. На четвертый день Круглов снова обнаружил шум винтов кораблей противника. Три транспорта в охранении шести сторожевиков и нескольких больших охотников спешили в сторону фронта. Прорвав кольцо охранения, командир уже приготовился дать команду выпустить торпеды по самому крупному транспорту, но в этот момент на подводную лодку посыпались глубинные бомбы, во всех отсеках погас свет. Отказаться от атаки? Нет! Это не в характере тихоокеанцев. Мгновенно созревает дерзкий план: погрузиться, нырнуть под транспорт и атаковать.

вать его с противоположной стороны кормовыми торпедными аппаратами. Нырнули. С минимальной дистанции, с противоположного борта концевой транспорт получает две торпеды. Снова лодка стремительно уходит на глубину, снова сторожевики бросаются в атаку, но безрезультатно.

Две атаки, две победы. Начало неплохое.

19 апреля над гаванью прозвучали два победных выстрела, возвестивших об открытии боевого счета подводной лодки С-56.

В базе в это время говорили об успехах С-55: уже успела сходить в море дважды и каждый раз возвращалась с двумя победами. Но замечательным было то, что подводная лодка в обоих случаях топила по два транспорта с одного залпа, т. е. атакой дуплетом: одна торпеда идет в одну цель, а вторая — в другую. Эти дерзкие атаки тихоокеанца капитана 3-го ранга Льва Михайловича Сушкина получили на Севере название «сушкинские».

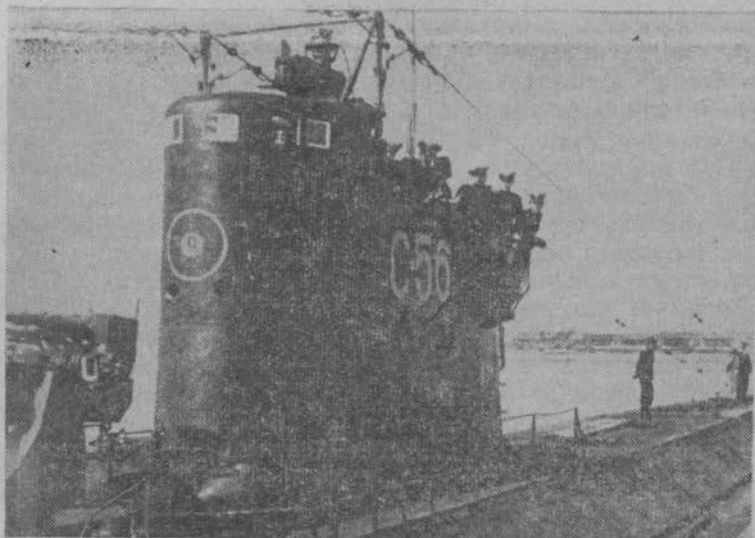
В мае С-56 вышла в свой второй боевой поход. Заняли позицию, начали поиск. Вскоре слышали приближающиеся издали взрывы глубинных бомб: это гитлеровцы производили контрольное бомбометание, рассчитывая, что советские подводные лодки в страхе разбегутся с пути конвоя. На самом же деле все получилось наоборот: как только подводники слышали глухие удары глубинных бомб, они устремлялись навстречу врагу. Григорий Иванович Щедрин направил лодку прямо на взрыв. Вскоре в перископ определил состав конвоя: крупный танкер, транспорт и восемь сторожевых кораблей.

— Торпедная атака!

Пройдя под линией охранения, командир тщательно произвел расчеты и «по-сушкински», дуплетом атаковал врага. Танкер и транспорт противника медленно пошли на дно. По поверхности моря разлилась загоревшаяся нефть...

Сторожевые корабли, оставшиеся без своих подопечных, бросились в атаку на лодку, но тут подводникам помогли друзья — авиаторы. Они атаковали «сторожей», а тем временем, не мешкая, С-56 ушла подальше от опасного района.

После четырех боевых походов на счету С-56 было

После очередной победы. 1944 г.

уже 9 потопленных и поврежденных фашистских кораблей, а экипаж завоевал славу корабля, не возвращающегося в базу без победы.

Зима 1944 года. На всех фронтах войны инициатива в наших руках. Идет освобождение родной земли. Из освобожденного Орла, из разрушенного Харькова, из героического Ленинграда подводники стали получать весточки от своих родных. Горечью, болью и призывом к мести дышали эти письма.

В феврале С-56 вышла в зимнее штормовое море к берегам Северной Норвегии, чтобы искать и топить врага. Фашисты стали осторожнее. Уже много кораблей нашло себе могилу на дне моря, и теперь они прежде чем выпустить из порта транспорты, высылают предварительно поисково-ударные группы кораблей для уничтожения советских подводных лодок.

28 февраля у входа в Тана-фьорд С-56 была обнаружена противолодочными кораблями противника. Началась жестокая бомбежка и многочасовая погоня. Трижды капитан 3-го ранга Щедрин пытался всплыть под перископ, чтобы контратаковать гитлеровцев, но эти попытки не увенчались успехом; как только лодка

приближалась к поверхности, бомбометание становилось интенсивней, и приходилось срочно уходить на глубину. Оторваться изменением курса, скорости и глубины также не удалось. Фашисты вцепились крепко и не останавливаясь бомбили.

Проходит час, второй, третий... Нужно найти выход. И командир принимает решение: перейти на бесшумную работу электромоторами и выключить по отсекам все машинки регенерации воздуха. Лодка медленно ползет из района. Подводники на боевых постах. Они понимают, что значит прекратить регенерацию воздуха. Это значит, что через несколько часов в отсеках нечем будет дышать, что углекислота, заполнив весь объем отсека, начнет железными тисками сдавливать голову, хватать одышкой за горло, лишит сил, заставит ослабленное тело обливаться холодным липким потом... А нужно нести вахту; нужно выстоять, нужно уйти от врага, нужно его победить. Глубинные бомбы продолжают рваться недалеко от корпуса. Дышать нечем. Лица подводников начинают неестественно краснеть, все равнодушно смотрят на свои приборы, механизмы, доклады в центральный пост идут неестественно спокойные. Глубинные бомбы продолжают рваться. Хватит ли сил выстоять? Григорий Иванович Щедрин подходит к переговорным трубам:

— В носу!.. В корме!.. Говорит командир корабля! Противник потерял нас, мы успешно прорываемся, но и наши запасы подошли к концу. Знаю, что вы выбились из сил. И все же надо держаться. Наш корабль и экипаж нужны Родине для борьбы с врагом. Это необходимо учитывать! Беспартийным разрешаю отдохнуть. Коммунистов прошу остаться на боевых постах и нести службу за себя и товарищей. Повторяю — коммунистов прошу держаться!

Первым из седьмого отсека доложил мичман Павлов:

— Беспартийных нет! Торпеды приготовлены. Вахту стоим!

Следующим доложил Боженко:

— В шестом стоят по готовности один! Назаров подал заявление в партию. Беспартийные просят не сменяться.

Из пятого отсека доложили:

— Считайте нас в пятом всех коммунистами. Пока дышим, с вахты не уйдем!

Аналогичные доклады поступили из всех отсеков. В центральном посту к стоящему на горизонтальных рулях матросу Николаевскому подошел старшина 2-й статьи Игнатьев для смены с вахты. Николаевский вахту сдал, подошел к штурманскому столику, взял чистый лист бумаги и начал быстро писать. Закончив писать, матрос обратился к командиру и подал свой листок:

«В партийную организацию подводной лодки С-56. От комсомольца Бориса Николаевича Николаевского.

З а я в л е н и е

Прошу принять меня кандидатом в члены ВКП(б). Готовлюсь к поступлению давно. Буду примерным воином. Вахту хочу нести паравне с коммунистами.

Б. Николаевский. 28. 02. 1944 года».

Когда командир прочитал заявление, Николаевский попросил у него рекомендацию и разрешение снова заступить на вахту. Через несколько минут парторгу корабля Ковалеву было подано еще четыре заявления о приеме кандидатами в члены партии...

Проходит ночь. Силы подводников на исходе. В 8 часов 20 минут раздались последние взрывы глубинных бомб и совершенно измотавшийся и полуоглохший от бомбежки акустик доложил, что шумы винтов кораблей удаляются: враг решил, что с лодкой покончено. Через час подводная лодка всплыла в надводное положение. Аккумуляторные батареи были полностью разряжены. Подвели итоги: лодку преследовали два эскадренных миноносца, пять сторожевых кораблей и тральщик. За двадцать шесть часов непрерывной бомбежки противник сбросил 362 глубинные бомбы. По боевой тревоге личный состав простоял 28 часов. Корабль серьезных повреждений не получил, а экипаж стал полностью коммунистическим.

Продолжали поиск. Через пять дней встретили фашистский конвой, и еще один транспорт пошел ко дну.

В базе С-56 ожидала торжественная встреча. За мужество и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 марта 1944 года подводная лодка С-56 была награждена орденом Красного Знамени. Весь экипаж был награжден орденами и медалями Советского Союза, а командиру подводной лодки капитану 2-го ранга Щедрину Григорию Ивановичу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Приветствуя новый Краснознаменный экипаж, флотская газета «Боевой курс» писала:

«Щедринцы — наша гордость. Еще ни разу не приходили они с моря без победы. Их корабль стал подлинной грозой для врага».

Но враг еще на родной земле. Гневом наполняются сердца краснознаменцев. «За Родину!», «За победу!», «Смерть фашистам!» — с такими надписями уходят торпеды с Краснознаменной С-56 навстречу врагу.

Ко Дню Советской Армии и Военно-Морского Флота краснознаменцы довели счет потопленных и поврежденных кораблей до четырнадцати. Приказом Народного Комиссара Военно-Морского Флота от 23 февраля 1945 года Краснознаменная подводная лодка С-56 получила звание гвардейской.

Гвардейская Краснознаменная С-56 продолжала службу на Северном флоте, а в 1954 году, пройдя Северным путем и завершив таким образом свое кругосветное плавание, вернулась на Тихоокеанский флот.

В последние годы С-56 использовалась как учебно-тренировочная станция. Несколько поколений подводников учились в ее отсеках бороться за живучесть подводного корабля, учились мужеству.

По-разному сложилась судьба подводников с С-56 после войны. Командир подводной лодки гвардии капитан 2-го ранга Щедрин Григорий Иванович ушел с повышением на новую должность на Балтику, затем учился, командовал флотилией и, выполняя просьбу своих боевых товарищей, написал замечательную книгу «На борту С-56», ряд очерков о героических подвигах подводников Северного флота в годы Великой Отечественной войны.

Свою службу на флоте вице-адмирал Григорий Иванович Щедрин закончил главным редактором

Экипаж С-56. 1944 г.

«Морского сборника» — одного из старейших отечественных журналов.

До настоящего времени служит на флоте вице-адмирал Юрий Васильевич Иванов, ушли в запас капитан 1-го ранга В. Л. Гладков, инженер-капитан 1-го ранга М. И. Шаповалов, капитан 2-го ранга П. П. Скопин, капитан 3-го ранга Н. И. Дворов, капитан медицинской службы Г. К. Ковалев.

Старшины и матросы корабля, закончив службу, по-гвардейски трудятся в народном хозяйстве. Спаянные годами совместной службы, они поддерживают тесную связь друг с другом и часто собираются вместе на московской квартире своего командира.

В 1972 году Военный Совет Краснознаменного Тихоокеанского флота принял решение о создании мемориала гвардейской Краснознаменной подводной лодки С-56 на Корабельной набережной в городе Владивостоке. Как старый моряк, закончив свои плаванья по морям и океанам, возвращается домой, так и С-56 вернулась в свой родной город. С-56 воспитывает в новых поколениях военных моряков верность своей социалистической Родине, готовность встать на защиту ее священных рубежей.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ВЕЛИКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОТКРЫТИЕ . . .	8
ВИТУС БЕРИНГ	13
ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ МОРЕПЛАВАТЕЛЬ . . .	25
А. И. ЧИРИКОВ	32
ПАМЯТИ ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЕЙ	42
СУДЬБА ФРЕГАТА «ПАЛЛАДА»	54
ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ БОЙ	63
КРЕЙСЕР «ВАРЯГ»	75
ПОДВИГ КРЕЙСЕРА «НОВИК»	80
АДМИРАЛ МАКАРОВ	89
ПАМЯТИ «СТЕРЕГУЩЕГО»	93
МАТРОСЫ РЕВОЛЮЦИИ	98
«КРАСНЫЙ ВЫМПЕЛ»	105
БЕССМЕРТНО ИМЯ ГЕРОЯ	118
ПАМЯТИ ПОДВОДНИКОВ-ТИХООКЕАНЦЕВ . .	123
ПОДВИГ НА КУРИЛАХ	130
В БОЯХ С ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЯПО-	138
НИЕИ	143
МАРИЯ ЦУКАНОВА	149
ГЕРОЯМ ТРАНСПОРТНОГО ФЛОТА	
НА ПОСТАМЕНТЕ — ПОДВОДНАЯ ЛОДКА . .	

355 75 (09)

Ш 78

Константин Антонович Шопотов

Страницы морской славы

Редактор Э. Мацинуло

Художник В. Трофимов

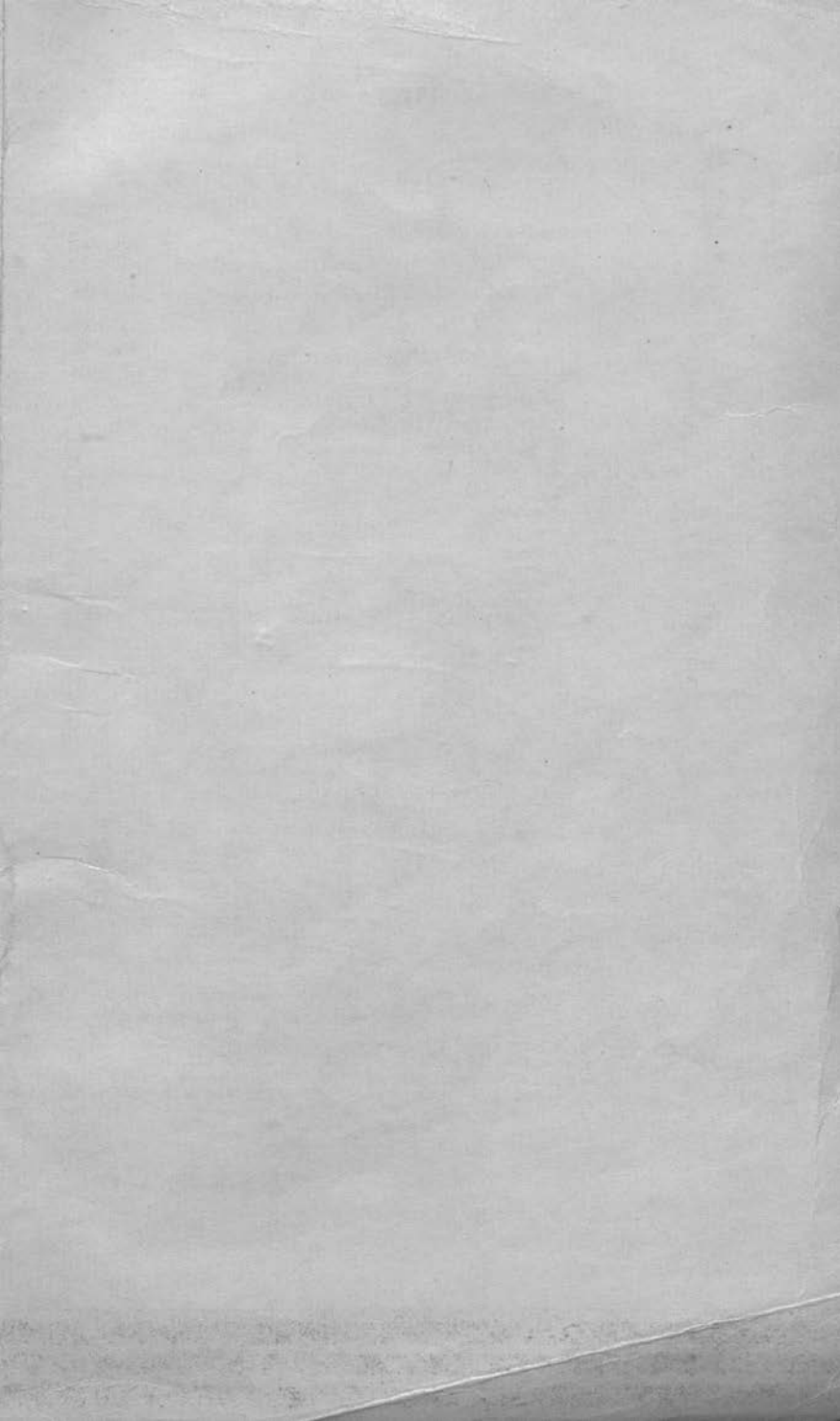
Художественный редактор О. Чернаков

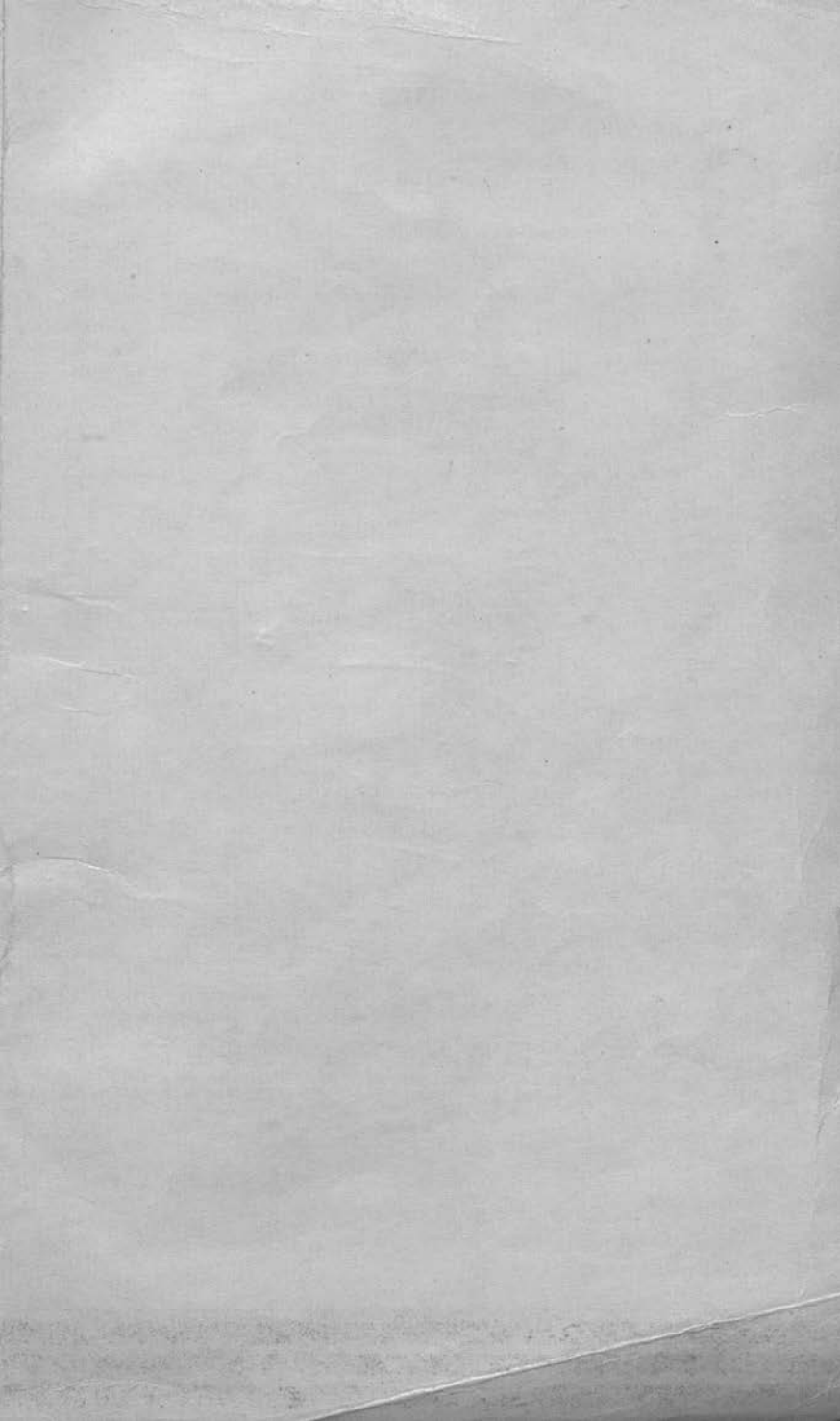
Технический редактор В. Мошкина

Корректоры Л. Кондратюк, Э. Вайнштейн

ВД 10 003. Сдано в набор 26/XI-74 г. Подписано к печати 9/I-75 г.
Формат 84×108/32. Усл. печ. л. 8,40. Уч.-изд. л. 7,75. Тираж 30 000 экз.
Бум. тип. № 1. Цена 25 коп. Заказ 9433.

Дальневосточное книжное издательство Государственного комите-
та Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии
и книжной торговли. Владивосток. Ленинская, 43
Полиграфический комбинат управления издательств, полиграфии
и книжной торговли Приморского крайисполкома. Владивосток.
Океанский пр., 69

25 коп.

